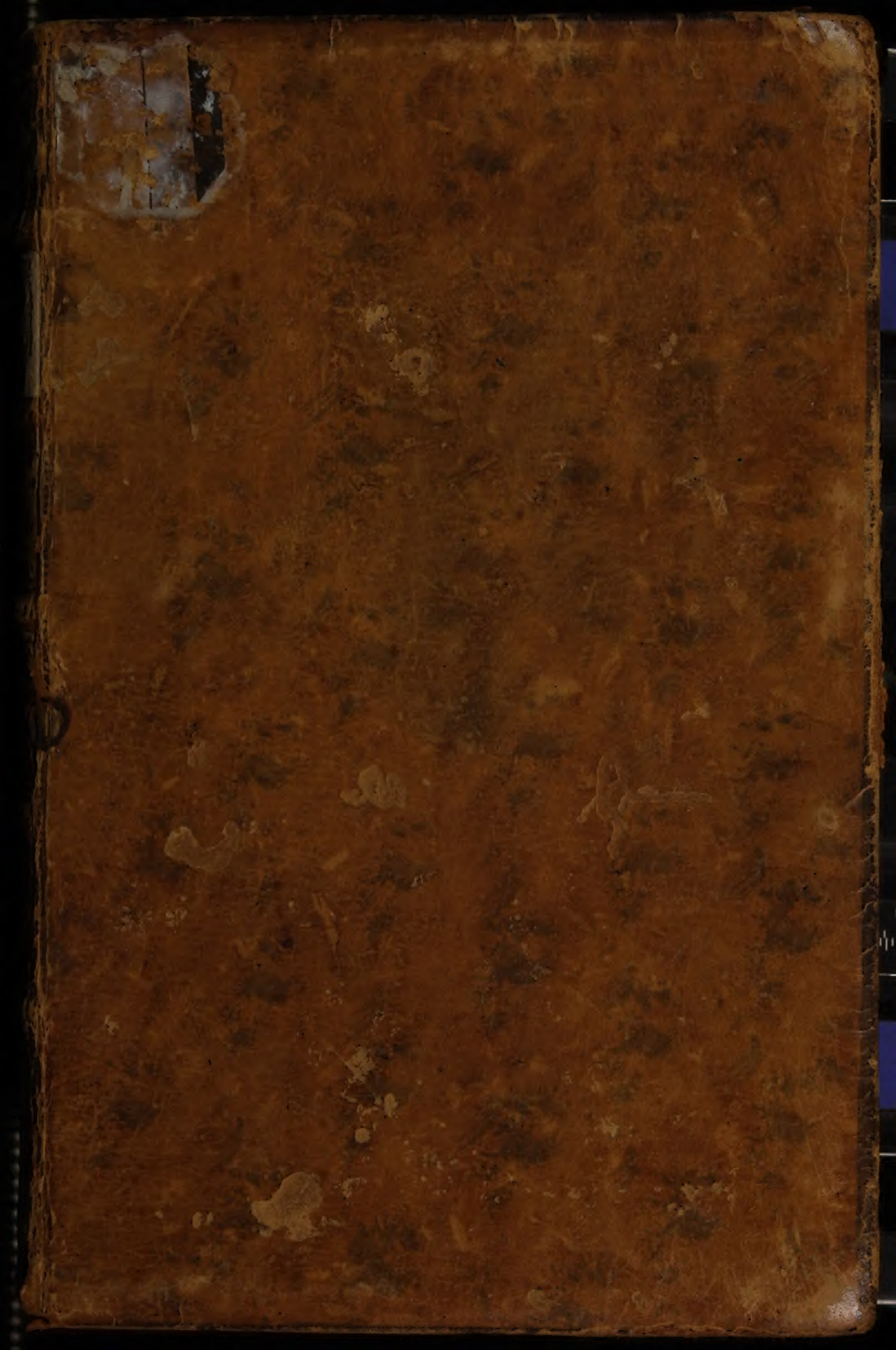
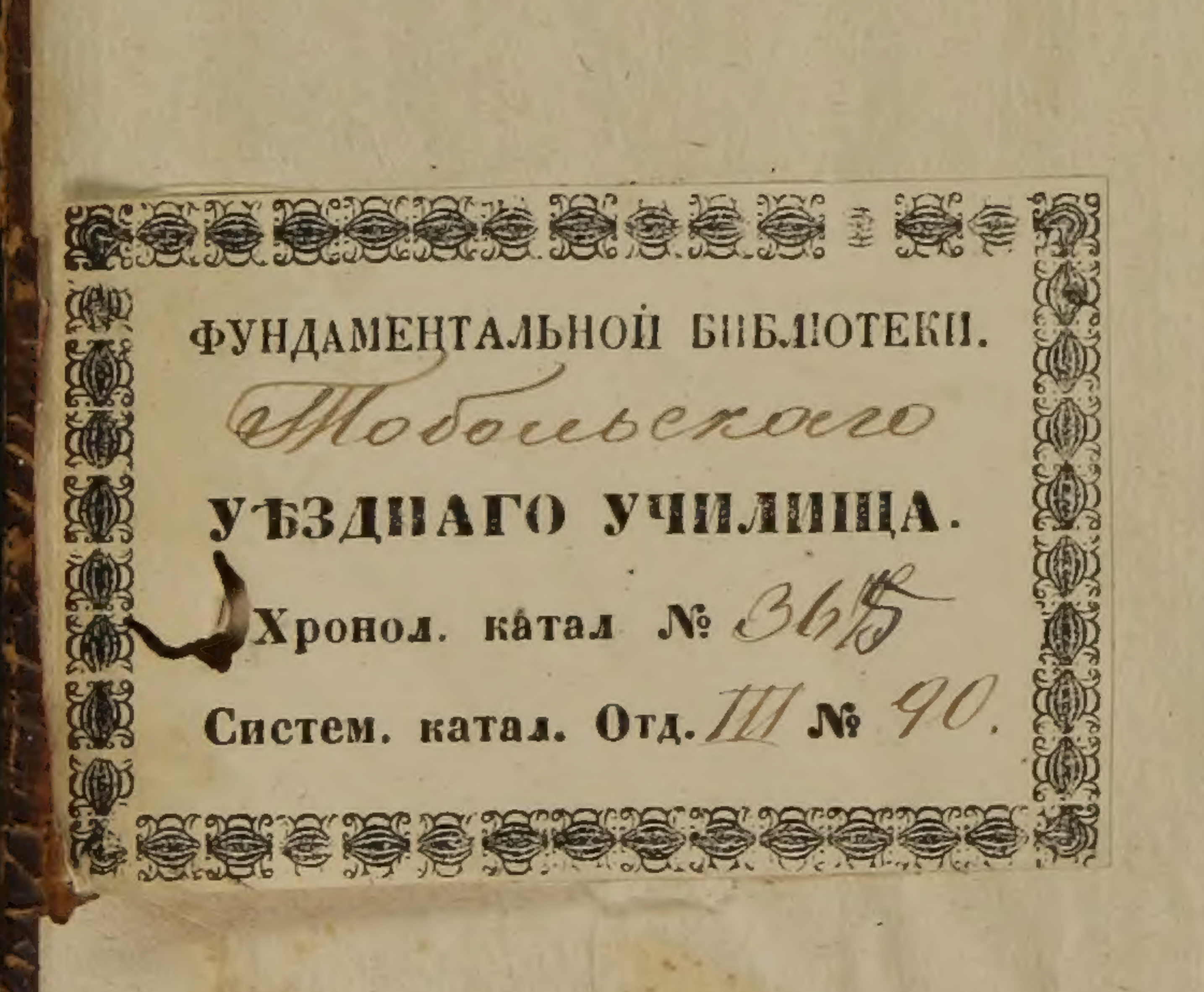

БИБЛІОТЕКА

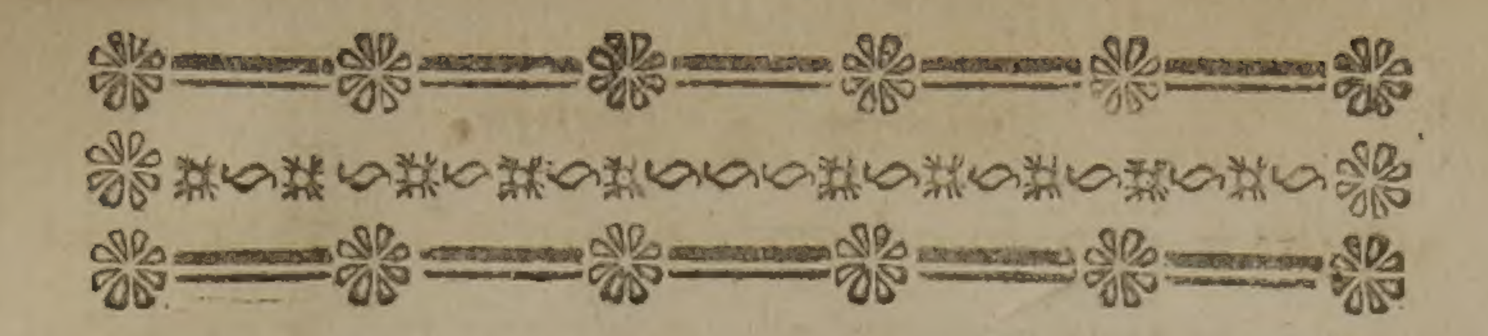
УЧЕНАЯ,
ЕКОНОМИЧЕСКАЯ,
НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ
И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ,

ВЪ ПОЛЬЗУ
И
УДОВОЛЬСТВІЕ

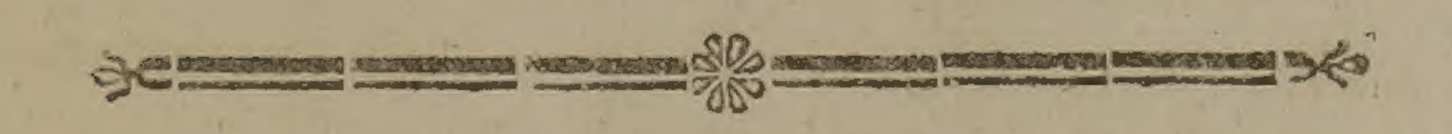
Всякаго званія Читателей.

ЧАСТЬ VI.

Печатано съ указнаго дозволенія
ВЪ ТОБОЛЬСКѢ,
Въ Типографіи у В. Корнильева.
1793 ГОДА.

СТАТЬЯ УЧЕНАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТВОВАНІЯ О *ПРОИЗХОЖДЕНІИ ХУДОЖЕСТВЪ.*

О ИЗЯЩНЫХЪ ХУДОЖЕСТВАХЪ.

Подъ именемъ изящныхъ художествъ разумѣется Исторія, Поезія, Краснорѣчіе, Живопись, Скульптура, Музыка и Архитектура.

О ИСТОРІИ.

Исторія есть искуство предавать потомству достопамятныя дѣянія.

Съ начала Исторія состояла въ простыхъ лѣтописяхъ, въ коихъ за-

мѣчали по порядку временъ, главнѣйшія произшествія въ году случавшіяся.

Перьвый порядочный историкъ былъ Моисей. Величественная простота его слога, купно съ важностію повѣствуемыхъ имъ вещей, на каждой страницѣ показуетъ того, коего онъ былъ единственно провѣщателемъ.

Греки, коихъ природный даръ къ изящнымъ художествамъ служилъ въ оныхъ образцомъ всѣмъ прочимъ народамъ, довели искуство писать Исторію до высочайшаго степени совершенства.

Лучшіе Греческіе историки суть: Ѳукидидъ, Иродотъ и Ксенофонтъ. Ѳукидидъ изображаетъ съ отмѣнною выразительностію; читая его твореніе, кажется, видишь то, что онъ описываетъ. Ксенофонтъ разсказываетъ съ очаровательною пріятностію; онъ наполняетъ душу читателя сладчайшими и нѣжнѣйшими чувст-

віями. Иродотъ кажется занимаетъ средину между сими двумя историками; онъ не столь изразителенъ, какъ перьвый, и не столь пріятенъ, какъ второй: но подобенъ величественной рѣкѣ, не имѣющей ни чрезмѣрной быстроты ни медлѣнности; но коея тихія и спокойныя воды тѣкутъ съ величественностію.

Римскіе историки, достойные совмѣстники Греческихъ, суть: Тацитъ, жившій въ царствованіе Веспасіяна. Въ перьвомъ вѣкѣ Христіянской церькви, онъ написалъ Исторію и Лѣтописецъ, съ такимъ выразительнымъ краснорѣчіемъ, что младшій Плиній сказалъ, что взялъ его за образецъ краснорѣчія, въ коемъ онъ желалъ упражняться, предпочтя его великому числу Ораторовъ, въ Римѣ тогда находившихся.

Салустій не уступаетъ въ ясности и силѣ выраженій ни одному изъ Греческихъ историковъ, даже и самому Ѳукидиду. Что до Тита

Ливія касается, то ни кто не можетъ сравниться съ нимъ въ томъ пріятномъ и убѣдительномъ витійствѣ, которое преклоняетъ всѣ сердца.

Вотъ правила, по которымъ должно судить о добротѣ Исторіи: историкъ не долженъ безъ разбора и безъ порядка сбирать кучею дѣянія; но останавливаться на томъ, что достойнѣе вниманія, рачительно оподробить оное и предложить со всевозможною ясностію. Для сего надлежитъ ему восходить до самаго источника вещей, и стараться открыть истинныя причины, побудившія дѣйствовать людей, о коихъ онъ повѣствуетъ. Онъ долженъ поддерживать и оживотворять повѣсти свои живымъ и благороднымъ слогомъ, не выходя изъ предѣловъ судіи наставляющаго народы, и распредѣляющаго славу смертнымъ, о коихъ онъ имѣетъ случай говорить, смотря по тому хвалы или хулы, почитаетъ онъ ихъ достойными.

должно, чтобъ ни одного слова не вырывалось у него, которое бы выходило изъ предмета, имъ предлагаемаго, и всѣ бы его выраженія казалися внушенными ему важностію повѣствуемыхъ имъ вещей.

Разница между Исторіею и записками состоитъ въ томъ, что перьвая говоритъ токмо о всенародныхъ произшествіяхъ, а записки могутъ упоминать такъ же о дѣяніяхъ и приключеніяхъ частныхъ людей, кои до Государства не касаются.

Отличившіеся въ семъ послѣднемъ родѣ писанія, суть между древними Юлій Цесарь, а у насъ Рошефукольтъ, Герцогъ Сюлли и множество другихъ.

Главное образовательное свойство такихъ сочиненій, должно быть легкій и естественный слогъ безъ всякаго тщетнаго витійства, заставляющій чувствовать человѣка а не Автора.

Таковаго рода писатели должны необходимо имѣть глубокое знаніе свѣта и дѣлъ, ими повѣствуемыхъ; по чему и можно, читая ихъ творенія, образовать правильно понятіе о вещахъ и вкусъ.

Ученые журналы суть повѣствованіе всего достопамятнаго, происходящаго въ Республикѣ ученыхъ, съ краткимъ и критическимъ изложеніемъ всѣхъ вновь выходящихъ книгъ.

Перьвый Авторъ ученыхъ журналовъ былъ *Сало*, Совѣтникъ Парижскаго Парламента. Глубокая ученость, вкусъ и соль, разсыпанные въ перьвыхъ опытахъ сихъ твореній, родили въ прочихъ просвѣщенныхъ народахъ желаніе завести таковые и у себя.

Польза отъ Исторіи происходящая состоитъ въ томъ, что мы познавая людей, познаемъ и себя. Частная Исторія великихъ людей, въ которой историкъ старается неопустить ни одного достопамятнаго

сказанія, и ни малѣйшей подробности жизни своего Героя, весьма удобно подать сіе свѣдѣніе.

О ПОЕЗІИ.

Разность, между Исторіи и Поезіи находящаяся, состоитъ въ томъ, что первая ищетъ только научить, и употребляетъ на то простый и равный слогъ. Стихотворство же имѣя цѣлію токмо то, чтобъ нравиться и поражать воображеніе, употребляетъ въ семъ намѣреніи все то, что чувствія имѣютъ блистательнѣйшаго.

Способы, употребляемые Поезіею для пораженія сердца и ума, состоятъ въ томъ, что она одушевляетъ всѣ даже самыя нечувствительнѣйшія бытія, какъ то, вѣтры, рѣки, и придаетъ страсти всему тому, что можетъ чувствовать, какъ то богамъ и людямъ, поставляя ихъ въ чрезвычайныя положенія.

Сїе искуство основано на томъ, что человѣкъ весьма удобно чувствуетъ разныя страсти при всѣхъ трогательныхъ и нѣжныхъ предметахъ, и находитъ въ томъ великое удовольствїе.

Лирическая Поезїя перьвая вошла въ употребленїе. Люди исполненные удивленїя къ Творцу своему и къ Героямъ, начали къ звуку музыкальныхъ орудїй присоединять слова выразительныя и живыя, изображающїя чувствїя ихъ сердецъ. Возмемъ въ примѣръ Лирическаго стихотворства славныя пѣсни Моисеевы, мы увидимъ въ нихъ благородныя мысли, великолѣпный слогъ, сильныя выраженїя, смѣлое витїйство; все въ нихъ наполнено вещами, поражающими умъ и воображенїе; все въ нихъ велико, сильно, выразительно, купно съ величественною простотою, которая возноситъ его творенїя выше всякаго языческаго красноречїя.

Главнѣйшіе въ семъ родѣ стихотворцы суть: Пиндаръ и Горацій у древнихъ, а у насъ Малербъ, Руссо и Ломоносовъ.

Горацій начерталъ намъ изображеніе Пиндара въ сочиненной ему похвальной одѣ: онъ представляетъ намъ его подобно быстрому потоку, которой не сохраняя въ своемъ теченіи извѣстнаго пути, съ шумомъ низвергается въ долины, и часто, подобно быстрому орлу, возлѣтаетъ къ облакамъ и теряется въ небесахъ.

Горацій нѣжнѣе и пріятнѣе Пиндара, кажется менѣе его способенъ къ описанію сильнаго и ужаснаго, нежели пріятнаго и нѣжнаго. Однакожъ и онъ иногда возлѣтаетъ; хотя не съ такою быстротою какъ Пиндаръ; но всегда съ пріятностію и силою.

Безсмертный Ломоносовъ, Пиндаръ нашего времени, соединилъ въ себѣ всѣ свойства, приписуемые древ-

нимЪ; огонь, изступленіе, громкость и выразительность. СЪ какимЪ великолѣпіемЪ, сЪ какимЪ благородствомЪ говоритЪ Господь вЪ его духовныхЪ пѣсняхЪ, сЪ какимЪ громкимЪ краснорѣчіемЪ описываетЪ онЪ побѣды РоссіянЪ. ОднимЪ словомЪ, ни кто лучше его не умѣлЪ облагородить и обогатить предмета своего всѣми красотами и великостями природы. Сколь жаль, что преждевременная смерть похитила его при началѣ Царствованія Богоподобныя ЕКАТЕРИНЫ! Воспѣвая ЕЯ великія дѣла, далско бы оставилЪ онЪ за собою *ПиндаровЪ* и *МалгербовЪ*.

О ТРАГЕДІИ.

Трагедія получила свое начало отЪ Лирической Поэзіи. Повѣсть о томЪ довольно извѣстна: Икарій, отЪ коего Икарія получила свое названіе, нашедЪ козла вЪ виноградномЪ саду, недавно имЪ насажден-

номъ, которой опустошалъ онъ, принесъ его въ жертву Вакху. Свидѣтели сего жертвоприношенія радуясь сему зрѣлищу и мыслямъ, отъ того родившимся, начали плясать вокругъ жертвы, воспѣвая хвалы Вакху. Сіе увеселеніе полюбилося, и вскорѣ учинилось во всей Греціи ежегоднымъ торжествомъ. Однакожъ, какъ частое повтореніе однихъ пѣсенъ наскучило; то Ѳеспидъ вздумалъ прерывать хоры, и началъ вводить Актера, вымазаннаго грязью, которой съ высоты колесницы повѣствовалъ нѣкоторыя забавныя мѣста изъ Миѳологіи и изъ Исторіи. Сіи повѣсти понравились, и вскорѣ содѣлались главнымъ предметомъ сего торжества. Такимъ образомъ родилась трагедія посредѣ пляски и пиршествъ. Сіе названіе есть Греческое, и составлено изъ двухъ словъ, *трагосъ* козелъ, и *оди* пѣснь, что по Руски выйдетъ, козлиная пѣснь.

Трагодія, или какъ мы нынѣ

называемъ, трагедія, не долго пребыла въ семъ положеніи, вскорѣ было примѣчено, что чего-то не достаетъ симъ повѣстямъ, въ коихъ часто заставляли говорить тѣхъ, коихъ славныя дѣянія разсказывалися, и заключили, что подражаніе будетъ совершеннѣе, когда начнутъ, такъ сказать, вызывать изъ царства мертвыхъ тѣней сихъ великихъ людей, и заставлять ихъ самихъ говорить и дѣйствовать въ присутствіи зрителей.

Изобрѣтатель сего послѣдняго искуства былъ Ахиллъ, знаменитый Греческій полководецъ; начальствовавшій надъ войсками при Саламинскомъ сраженіи, и которой по возвращеніи изъ похода вздумалъ представлять на Өеатрѣ нещастіе побѣжденныхъ имъ непріятелей; но съ некимъ жаромъ и запальчивостію, которое болѣе походило на бѣшенство, нежели на стихотворческіе восторги.

Софоклъ усовершенствовалъ Греческую трагедію, исправивъ исполинскую пышность и уродливую надутость Ахиллову; сохранилъ всю величественность и благородство, свойственныя трагическимъ лицамъ. Совмѣстникъ его въ семъ искуствѣ былъ Еврипидъ, коего свойство образуютъ нѣжность и пріятность, такъ какъ величавость и сила образуютъ свойство Софокла.

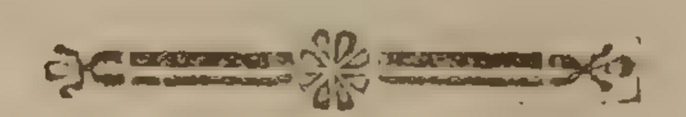
Латинскій Ѳеатръ былъ испорченный Греческій, въ которомъ не находятъ ни того знанія Ѳеатра, ни тѣхъ нравовъ, ни того правдоподобія, которое Греки столько любили. Но естьли Римляне ни чего совершеннаго не произвели въ трагедіи, то преданное ими намъ подало поводъ къ произведенію новаго Ѳеатра, столь правильнаго и столь изящными правилами снабденнаго.

Петръ Корнелій, славный Французскій трагикъ, почерпнулъ изъ Лукана и изъ Сенеки свои вели-

чайшія красоты, а Молієръ, сей неподражаемый комикъ, почерпнулъ изъ Плавта и изъ Теренція свои лучшіе характеры.

Славнѣйшіе Трагическіе стихотворцы суть: у Французовъ, Корнелій, Расинъ, Волтеръ и Кребильонъ, въ Англіи Шекспиръ, въ Нѣмецкой землѣ Лессингъ, у насъ же въ Россіи Сумароковъ, котораго, по справедливости, можно назвать отцемъ Россійскаго Ѳеатра. Красота его характеровъ, естественное и занимательное расположеніе его трагедій; благородныя чувства и мысли, плавкость слога, и прочія многія совершенства, обѣщаютъ безсмертіе его твореніямъ, кои еще и нынѣ съ неменьшимъ удовольствіемъ принимаются публикою, какъ и во время новости ихъ.

Продолженіе впредь.

О ЗАТМѢНІЯХЪ.

Есть три рода затмѣній, а именно: затмѣнія Солнечныя, затмѣнія Лунныя и затмѣнія Спутниковъ.

Солнечныя затмѣнія, кои справедливѣе назвать затмѣніями земли; ибо земля лишается въ то время свѣта, и слѣдовательно она затмѣвается, случаются тогда, когда Луна находится между Солнцемъ и землею; поелику и тогда лучи Солнечные перехвачены; то изъ сего слѣдуетъ, что та часть земли, на которую они должны упадать, лишается менѣе или болѣе свѣта, смотря по тому, сколь близко или далеко линѣя, соединяющая средоточія Солнца и Луны, проходитъ близъ того мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ сіе затмѣніе наблюдается, или по тому, сколь далеко или близко Солнце и Луна находятся отъ земли.

Случается иногда, что Луна будучи въ своемъ *апогеѣ*, или въ дальнѣйшемъ своемъ отъ земли разстояніи, а Солнце въ *перигеѣ*, или въ ближайшемъ своемъ удаленіи, то линѣя, проходящая сквозь средоточіе сихъ небесныхъ тѣлъ, упадаетъ на которую либо часть земли. Тогда нѣкоторая только часть Солнца закрывается, а края его видны на подобіе свѣтлаго кружка во кругъ всей Луны, сіе называется колечное затмѣніе. Сіе свѣтлое кольцо, окружающее темное тѣло Луны, продолжается токмо нѣсколько минутъ, для одного мѣста, по тому, что, дабы его такимъ образомъ видѣть, должно находиться въ направленіи продолженной Оси Конуса, составленнаго тѣнію Луны, которая проходитъ съ скоростію, равною разности, находящейся между движеніемъ Луны и Солнца. И такъ изъ сего легко можно понять, что колечныя затмѣнія не суть таковы,

для всѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ бываютъ видимы.

ПОЛНОЕ ЗАТМѢНІЕ.

Когда Солнце и Луна находятся въ такомъ отъ насъ разстояніи, что видимые ихъ діаметры суть равны, тогда въ мѣстахъ, кои находятся прямо противъ средоточій обѣихъ сихъ свѣтилъ, примѣчается не токмо средоточное затмѣніе, но еще и полное; однакожъ Солнце на одно только, почти, мгновеніе совершенно отъ глазъ скрывается, по причинѣ скораго движенія Луны.

ЗАТМѢНІЕ ПОЛНОЕ СЪ ПРЕБЫВАНІЕМЪ ВЪ ТѢНИ.

Когда Луна находится прямо между Солнцемъ и землею, и есть-ли, сверьхъ того, она въ ближайшемъ отъ насъ разстояніи, особливо же когда Солнце случится въ дальнѣйшемъ разстояніи: то изъ сего

слѣдуетъ не только средоточное и полное затмѣніе; но еще и съ пребываніемъ въ тѣни, то есть, что видимый поперешникъ Луны будучи больше Солнечнаго, затмѣніе можетъ продолжаться болѣе трехъ часовъ. Дека Солнечная можетъ пробыть въ совершенной тѣмнотѣ въ продолженіи четырехъ или пяти минутъ: но не больше.

Не должно забыть сказать, что Солнечное затмѣніе хотя и средоточное; но не во всѣхъ частяхъ земли, симъ свѣтиломъ освѣщаемыхъ, примѣчается, но въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ нѣтъ затмѣнія, а въ другихъ оно не равнымъ образомъ видно. Вотъ тому причина: Луна меньше земли; сверьхъ же того тѣнь Луны уменьшается безпрестанно, по мѣрѣ отдалѣнія своего отъ сей планеты. Слѣдовательно тѣнь сія, столько, достигнувъ до земли, уменьшается, что не можетъ покрыть, кромѣ одной небольшой части, ея

поверьхности. Слѣдовательно одна только малая часть земли можетъ имѣть затмѣніе въ одно опредѣленное время.

ЧАСТНОЕ ЗАТМѢНІЕ.

Естьли случится, что Луна и Солнце будучи въ своемъ ближайшемъ или дальнѣйшемъ отъ земли разстояніи, линѣя же, соединяющая ихъ средоточія, находится на извѣстное разстояніе удаленною отъ даннаго мѣста на земной поверьхности; то въ семъ мѣстѣ послѣдуетъ частное затмѣніе, то есть, что Солнце ущербнетъ съ одного бока, или до половины, или только на одну четверть своего поперешника. Астрономы различаютъ сіи затмѣнія по числу дюймовъ. Для сего полагаютъ они, что поперешникъ Солнечный раздѣленъ на двенадцать частей, называемыхъ дюймами, а каждый дюймъ на шестдесятъ ми-

нутъ. Такимъ образомъ, что ежели третья часть Солнца затмится; то они говорятъ, что затменіе на четыре дюйма и прочее, въ Северной или Южной части Солнца. Поелику Солнечныя затменія случаются токмо въ новомесячія, и когда въ то же самое время Луна находится въ своихъ узлахъ, то есть, въ одной изъ техъ двухъ точекъ, где орбитъ ея пресекаетъ еклиптику, и какъ сіи два обстоятельства могутъ встретиться только два раза въ годъ; то изъ сего следуетъ, что обыкновенно не бываетъ въ году более двухъ Солнечныхъ затменій: однако же, поелику одной близости Луны къ ея узламъ довлеетъ для затменія Солнца, въ какой либо части земли; то можетъ случиться, что бываетъ въ году и три Солнечныхъ затменій, и даже более; но тогда сіи затменія весьма малы, и видимы обыкновенно бываютъ только въ крайнихъ странахъ земнаго

шара, то есть, подъ тѣмъ или другимъ полюсомъ.

Удобнѣе можно понять, что разумѣется здѣсь подъ именемъ узловъ, прочитавъ слѣдующее: пути планетъ и еклиптики могутъ изображаться какъ два обруча, одинъ въ другой вложенные, но не много наклоненные одинъ въ разсужденіи другаго, точки же пресѣкновенія сихъ двухъ обручей, суть сіи узлы. Поелику не нужно, чтобъ сіи обручи были одинакой величины, дабы казались пересѣкающимися, то и пути планетъ и еклиптика не прикасаются другъ до друга въ точкѣ пресѣкновенія; но должно разумѣть, что онѣ находятся въ такомъ положеніи, что кажутся пресѣкающимися, въ разсужденіи глаза, которой бы помѣщенъ былъ такъ, чтобъ могъ уловить сіе дѣйствіе: сего довольно, кажется, для уразумѣнія, что такое называется узломъ; надлежитъ только примолвить, 1е, что они перемѣня-

ютъ положеніе; 2е, что узлы планетъ, а особливо Лунные, движутся въ направленіи противномъ движенію планетъ, то есть, отъ Востока къ Западу; 3е, что называется узломъ восходящимъ, такой, чрезъ которой планета проходитъ изъ Южной части еклиптики въ Сѣверную; а низходящимъ, тотъ, которой сему противоположенъ (*). Но обратимся къ затмѣніемъ.

Я надѣюсь, разумѣютъ уже изъ всего вышесказаннаго, что Солнечныя затмѣнія не могутъ иначе быть, какъ въ новомѣсячіе, то есть, когда Луна бываетъ намъ не видима, находяся въ соединеніи(**) съ Солн-

(*) Сіе означается следующими двумя знаками:
☊ Узелъ восходящій.
☋ Узелъ нисходящій.

(**) Двѣ планеты находятся въ соединеніи, когда онѣ бываютъ подъ однимъ градусомъ, одного знака зодіака, и въ противоположеніи, когда онѣ на шесть знаковъ отстоятъ другъ отъ друга. Вотъ какъ сіе изъясняютъ:
☌ Соединеніе.
☍ Противоположеніе.

цемъ, иначе же бы она не была между Солнцемъ и землею. Что касается до наблюденія сихъ затмѣній; то вотъ какимъ образомъ Астрономы поступаютъ. Они принаравливаютъ стекло къ ставню плотно закрытой комнаты, и чрезъ него получаютъ изображеніе Солнца и Луны на положенной бѣлой бумагѣ; они раздѣляютъ поперечникъ, изображеннаго такимъ образомъ Солнца, на двенадцать равныхъ частей единосредоточными шестью кругами, симъ способомъ измѣряютъ они величину затмѣнія и его продолженіе, съ помощію вѣрныхъ часовъ; другіе же принаравливаютъ къ фокусу зрительной трубы микрометръ (мѣлкомѣръ), и смотрятъ прямо на Солнце въ сію трубу; посредствомъ же нитокъ микрометра, они не токмо измѣряютъ величину затмѣнія; но даже и видимый поперешникъ обѣихъ свѣтилъ и проч. Все сіе довольно трудно для не привыкшихъ къ дѣ-

ланію опытовъ, или къ наблюденіямъ; но я имъ предложу наблюденія самыя простыя и требующія весьма малаго, со стороны ихъ, вниманія. Вотъ что они могутъ наблюдать въ Солнечныхъ затмѣніяхъ.

Съ помощію хорошей трубы, снабдѣнной темными стеклами, должно начать наблюдать Солнце не много прежде назначеннаго къ затмѣнію времени, дабы не сдѣлать какой либо ошибки и не пропустить начала, по неправильному вычету разности меридіановъ, или по незнанію настоящаго мѣста, съ котораго Солнце начнетъ затмѣваться; ибо хотя Солнце и всегда съ Западнаго своего края начинаетъ померкать, но не можно точно знать, какою точкою его окружности сіе начнется. Причиною же тому, что Солнце начинаетъ затмѣваться съ Западнаго края, есть то, что движеніе Луны скорѣе Солнечнаго и дѣлается отъ Запада къ Востоку; и что, слѣдовательно, дол-

жна Луна прежде прикоснуться до Западнаго края Солнца. И такЪ надлежитЪ примѣчать точное время, вЪ которое Солнце начнетЪ ущербать отЪ круга Луннаго, и прочіе пункты, которые родЪ затмѣнія наблюдать позволитЪ, какЪ я уже сказалЪ о прохожденіи планетЪ мимо Солнца. Кромѣ того можно, и слѣдовательно полезно, наблюдать всѣ дѣйствія лучей, во время затмѣнія, назначать ихЪ время и мѣста на краяхЪ или на кругахЪ обѣихЪ свѣтилЪ, упоминать о ихЪ цвѣтѣ, живости, щитать время погруженія и проч.

ВотЪ еще другія наблюденія, хотя и не относящіяся кЪ Астрономіи, но изЪ коихЪ бы Философія могла извлечь нѣкоторую пользу. Сіи наблюденія можно дѣлать во время полныхЪ СолнечныхЪ затмѣній, а особливо, сЪ пребываніемЪ вЪ тѣни. ПримѣчаютЪ, дѣлаютЪ ли тогда какое движеніе барометрЪ и ѳермо-

метръ; чувствуютъ ли животныя сіе произшествіе, коего, безъ сомнѣнія, они не ожидаютъ, и показываютъ ли отъ того они какой страхъ движеніями, или крикомъ своимъ; показываются ли ночныя птицы; садятся ли куры на нашести, поютъ ли пѣтухи и проч. и проч.

Я надѣюсь, что простятъ мнѣ небольшое отступленіе отъ моего предмета, которое не совсемъ чуждо сей матеріи. Упражняяся въ наукахъ и художествахъ, часто я желалъ имѣть луциметръ (свѣтомѣръ); такимъ образомъ можно бы назвать орудіе, которое бы служило для измѣренія степеней свѣта, въ разныя времена бываемаго, и въ разныхъ странахъ, подобно, какъ измѣряютъ различную высоту парокружія горъ, съ помощію барометра, и степенями теплоты, тепломѣра. Астрономія могла бы получить немалую выгоду изъ такого орудія; знавши уменьшеніе свѣта, причиненное затмѣніемъ,

не можно ли было бы судить о величинѣ онаго, лишь бы только погода была ясная, и когда бы взяты были всѣ предосторожности, чтобЪ не впадать вЪ погрѣшности, дѣлая симЪ образомЪ наблюденія. Живописецъ написавши картину, для помѣщенія оной вЪ церкви, или гдѣ индѣ, не могЪ ли бы, сЪ помощїю свѣтомѣра, удостовѣриться вЪ дѣйствіи своей картины, не смотря на разность степени свѣта, освѣщающаго оба сіи мѣста? Весьма удобно понять, что употребленіе сего орудія, которое, я думаю, не существуетЪ, симЪ бы еще не ограничилось. Желательно, чтобЪ кто нибудь занялся симЪ изобрѣтеніемЪ; я бы оное и самЪ учинилЪ, естьли бы упражненія мои мнѣ оное дозволили. ВЪ такомЪ случаѣ главное стараніе должно быть, чтобЪ найти постоянную точку свѣта вЪ природѣ, какЪ Г. РеомюрЪ нашелЪ такую точку вЪ теплотѣ, для своего тепломѣра.

Луна могла бы, можетъ быть, снабдить насъ оною, естьли бы взять ея въ такихъ обстоятельствахъ, кои наименѣе неудобствъ представляютъ. Сжиманіе и разжиманіе жилокъ глазнаго зрачка, проходя отъ великой темноты къ ясному свѣту, можетъ подать мысли о семъ изобрѣтеніи, равно какъ и опыты о свѣтѣ, находящіеся въ 5^{мъ} томѣ Експериментальной Физики Г. Аббата Ноллета; сочиненія Г. де ла Шамбра, и отца Кастеля и проч.

Сказанное мною о Солнечныхъ затмѣніяхъ, избавляетъ меня отъ многаго говорить о Лунныхъ. Сіи случаются только тогда, какъ земля находится между Солнцемъ и Луною, во время полнолунія, и сверьхъ того надобно, чтобъ Луна находилася въ извѣстной близости отъ одного изъ своихъ узловъ. Сіи затмѣнія примѣчаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы Луна была видима, естьли бы она не была затмѣнена,

по тому, что Луна не имѣетъ собственнаго свѣта. Всѣ Лунныя затмѣнія суть одинакой величины для всей земли, и начинаются въ единую минуту для всѣхъ тѣхъ, кои въ то время видятъ Луну на горизонтѣ своемъ. Восточный край Луны всегда первый затмѣвается, по тому, что Луна движеніемъ своимъ отъ Запада къ Востоку предъускоряетъ движеніе Солнца, какъ то мы уже сказали говоря о затмѣніяхъ сего свѣтила.

Полутѣніе (*) есть препятствіе, учиняющее довольно невѣроятными наблюденія Солнечныхъ затмѣній; что не случается въ прохожденіи планетъ мимо Солнца, ни въ Солнечныхъ затмѣніяхъ, ни даже въ звѣздныхъ затмѣніяхъ отъ Луны. Затмѣнія Юпитеровыхъ спутниковъ подвержены такимъ же неудобствамъ, хотя и въ другомъ родѣ; но не

(*) Полутѣніе есть часть тѣни, освѣщенная частію свѣтозарнаго тѣла.

вѣрность, отъ того выходящая, не есть велика; по крайней мѣрѣ, что касается до перваго и втораго спутниковъ.

Сколь бы Лунное затмѣніе не было велико, но весьма рѣдко случается, чтобъ сія планета совершенно скрылась; обыкновенно принимаетъ она на себя цвѣтъ посредственно раскаленнаго желѣза, что весьма удивляетъ людей, незнающихъ тому причины. Вотъ отъ чего сіе случается: Луна, даже и въ самое величайшее затмѣніе свое, получаетъ нѣсколько лучей Солнечныхъ, кои преломляются и пресѣкаются въ земномъ парокружіи.

О ЗАТМѢНІЯХЪ СПУТНИКОВЪ.

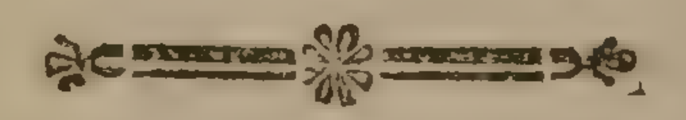
Когда Юпитеръ довольно отдаленъ отъ Солнца, то въ то время наблюдаютъ затмѣніе его спутниковъ. Они случаются по тому, что орбитъ ихъ мало наклоняется къ

орбиту Юпитерову; сверхъ же того, поелику сія планета весьма велика, то спутники ея часто погружаются въ тѣни ея. Сіи затмѣнія весьма удобно наблюдать съ помощію хорошаго телескопа (звѣздозора) или большой трубы. Ничто столь не способствуетъ къ найденію градуса долготы, какъ наблюденія сихъ затмѣній и прохожденія планетъ мимо Солнца, что весьма полезно для мореплаванія.

Спутники Сатурновы такъ же затмѣваются.

Можно такъ же наблюдать затмѣнія неподвижныхъ звѣздъ и планетъ отъ Луны.

Перьвымъ предсказаніемъ затмѣній обязаны мы Ѳалесу Милетскому, а по мнѣнію другихъ Паламиду.

ПРОДОЛЖЕНІЕ О ДѢЛАНІИ СОЛНЕЧНЫХЪ ЧАСОВЪ.

VII.

Для Механическаго начертанія вертикальныхъ Солнечныхъ часовъ, надлежитъ начать тѣмъ, что провести меридіанъ какъ прежде сказано; потомъ приложить къ подошвѣ гномона, или центра часовъ, гномонъ Солнечныхъ часовъ горизонтальныхъ, сдѣланныхъ по широтѣ того мѣста, гдѣ находишся. Когда гномонъ плотно и вѣрно покроетъ меридіанъ; то начерти тогда линѣи, равныя линѣямъ горизонтальныхъ часовъ: но продолжи ихъ линѣйкою.

Таблица часовыхъ дугъ, въ пятой части помѣщенная, можетъ равномѣрно служить и для вертикальныхъ часовъ.

VIII.

Вотъ еще нѣкоторыя простыя и методическія дѣйствія, касательно вертикальныхъ Солнечныхъ часовъ.

Солнечные вертикальные часы, прямые или правильные, суть тѣ, коихъ плоскость параллельна большому вертикальному кругу, мысленно проходящему чрезъ точки Зенита и Надира страны, въ которой находишся, и такъ же чрезъ точки равноденственнаго Востока и Запада.

Неправильными называются такіе часы, коихъ плоскость параллельна какому нибудь изъ вертикальныхъ круговъ, кои не проходятъ чрезъ точки Востока, Запада, Юга и Сѣвера. Склоненіе ихъ берется только отъ Сѣвера къ Югу: что дѣлается по меридіану. Смотри номеръ IV и IX. Когда вертикальные часы направлены прямо къ Югу, несклоняясь ни къ Востоку ни къ За-

паду; то ихъ называютъ вертикальными Южными правильными. Они дѣлаются такимъ же образомъ, какъ и горизонтальные, подъ номеромъ II означенные, выключая, 1е, что вмѣсто того, чтобъ взять центръ на линѣи высоты полюса, онъ берется на равноденственной линѣи. 2е, на сей же линѣе берется треугольникъ долженствующій служить гномономъ: такимъ образомъ, чтобъ уголъ, собственно составляющій тѣнникъ или гномонъ, былъ бы на столько же подъ 58 градусомъ, на сколько выше сего градуса уголъ, которой долженъ имѣть гномонъ горизонтальныхъ часовъ. 3е, случается, что сторона, означавшая часы утренніе, на горизонтальныхъ часахъ, означаетъ на сихъ часы вечерніе. Однимъ словомъ, єто второй чертежь нашъ опрокинутый, и коего часы перенесены съ лѣва на право.

Естьли отнимешъ отъ того же

втораго чертежа (оставя ихъ въ томъ положенiи, которое предписано имъ во 2 номерѣ,) часы, занимающiе всю верьхнюю часть между осмью и четырью; то получишь *Вертикальные Сѣверные прямые часы.* Сiи часы могутъ употребляться токмо въ должайшiе дни, и означаютъ единственно часы отъ четырехъ до осми, какъ по утру, такъ и въ вечеру.

Равноденственные Солнечные часы суть тѣ, кои начертываются на плоскости параллельной екватору, или равноденственной линѣи. Сiи часы суть изъ всѣхъ вѣрнѣйшiе и легчайшiе для начертанiя. Iе, описавъ кругъ какой пожелаешь величины, раздѣли на двадцать четыре равныхъ частей. Но означь изъ нихъ только 18, по тому, что Солнце въ наши должайшiе дни не можетъ дѣлать на нихъ тѣни, какъ отъ трехъ часовъ утра, до девяти часовъ вечера. (Смотри чертежъ 4й). Гномонъ

сихъ часовъ долженъ быть прямой прутъ, или шпиль, поставленный сколь можно перпендикулярнѣе въ средоточіе круга: нѣтъ нужды, какой бы онъ длины не былъ, лишь бы только, хотя нѣсколько, соразмѣрялся съ величиною часовъ. 2е, дабы поставить сіи часы; то должно ихъ поворотить стоймя къ Сѣверу, чтобъ число 12 находилось внизу; и всѣ часы направить такъ, чтобъ черта, идущая отъ 12 къ противоположенной крайности круга, отвѣчала градусу екватора, того мѣста, гдѣ находишся. Сія самая линѣя, которая есть и меридіанъ, должна отвѣчать полуденной линѣи, взятой, какъ мы выше сего предписали въ номерѣ IV, или какъ то показано будетъ въ номерѣ IX. Смотря на сіи часы, должно лицомъ быть къ Югу, а Востокъ чтобъ былъ на лѣвой рукѣ.

Часы, здѣсь изображенные, называются верьхними: они служатъ

отъ весенняго равноденствія до осенняго.

Есть и такіе часы, кои служатъ только отъ осенняго равноденствія до весенняго: они называются нижними. Ихъ начертываютъ на другой сторонѣ той же доски, такъ, что шпиль, проходящій на сквозь, можетъ служить для обѣихъ временъ. Вмѣсто того, что верьхніе часы запрокидываютъ, болѣе или менѣе, назадъ, смотря по широтѣ мѣста, и что они направлены къ Сѣверу. Нижніе часы наклоняются на столько же градусовъ къ землѣ, съ полуденной стороны. Число 12 должно и на нихъ, такъ какъ и на верьхнихъ, находиться въ низу.

IX.

Сыскать склоненіе вертикальныхъ часовъ.

Сыщи тонкую и весьма гладкую доску; наклій на нея бѣлую бумагу, и на сей бумагѣ, поставя ножку циркуля въ средину, яко въ

центрЪ, опиши многіе единосредоточные круги.

2. ИзЪ средоточія сихЪ круговЪ, проведи прямую линѣю, упадающую перпендикулярно на ту сторону доски, коя должна быть приложена кЪ стѣнѣ, или кЪ иной вертикальной плоскости, которой склоненіе вѣдать желаешь.

3. Поставь вЪ сіе самое средоточіе иголку, вмѣсто шпиля, сколь можно перпендикулярнѣе, вЪ разсужденіи доски: что можно со всякою точностію учинить, приложа по иголкѣ наугольникЪ.

4. Приложи сію доску кЪ стѣнѣ, наблюдая, чтобЪ плоскость, на коей описаны круги, была совершенно горизонтальна. Для сего должно употребить отвѣсЪ.

5. Наблюдай до полудня то время, вЪ которое Солнце ударяя на доску, крайность тѣни иглы коснется до окружности котораго либо изЪ означенныхЪ круговЪ. Замѣть

сію секцію, для большой же вѣрности дѣлай сіе замѣчаніе на многихъ кругахъ. Сіе продолжай и по полудни.

6. По томъ сними свою доску, и изъ двухъ противолежащихъ точекъ, на одномъ кругѣ назначенныхъ, раствори циркуль по произволенію, опиши двѣ дуги, кои бы пресѣкалися въ противоположенной сторонѣ, упомянутой выше сего въ номерѣ 2 линѣи. По томъ изъ средоточія круговъ, проведи прямую черту въ точку пресѣкновенія сдѣланныхъ дугъ. Уголъ, которой сія линѣя составитъ съ означенною во второмъ номерѣ сего члена, будетъ уголъ склоненія: то есть, что стѣна будетъ склоняться на столько градусовъ, сколько сей уголъ или дуга, проведенная между сими двумя линѣями, будетъ ихъ въ себѣ заключать. Для удостовѣренія себя въ томъ, приложи на сей уголъ транспортиръ: или опиши изъ сего

угла дугу между двумя помянутыми линѣями; перенеси ея на четверть круга на такое же разстоянїе отъ центра, и сочти по оному градусы.

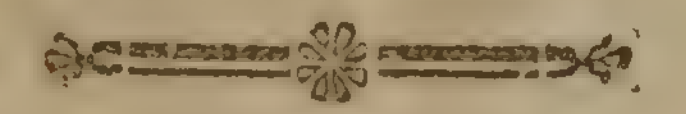
Другое кратчайшее дѣйствїе для сего же.

Начертивъ на доскѣ перпендикулярную линѣю, въ разсужденїи той стороны, которая должна быть приложена къ стѣнѣ, означь точкою концъ тѣни шпиля въ три разныя времена въ теченїе одного или двухъ часовъ, по утру и въ вечеру. Потомъ найди центръ сихъ трехъ точекъ, какъ бы для описанїя круга, коего они должны составлять часть, со стороны противоположенной тѣни шпиля; и изъ сего центра проведи прямую линѣю къ подножїю шпиля: такимъ образомъ получишъ менѣе, нежели въ два часа, ту же самую линѣю, которую вышесказанный способъ научаетъ нахо-

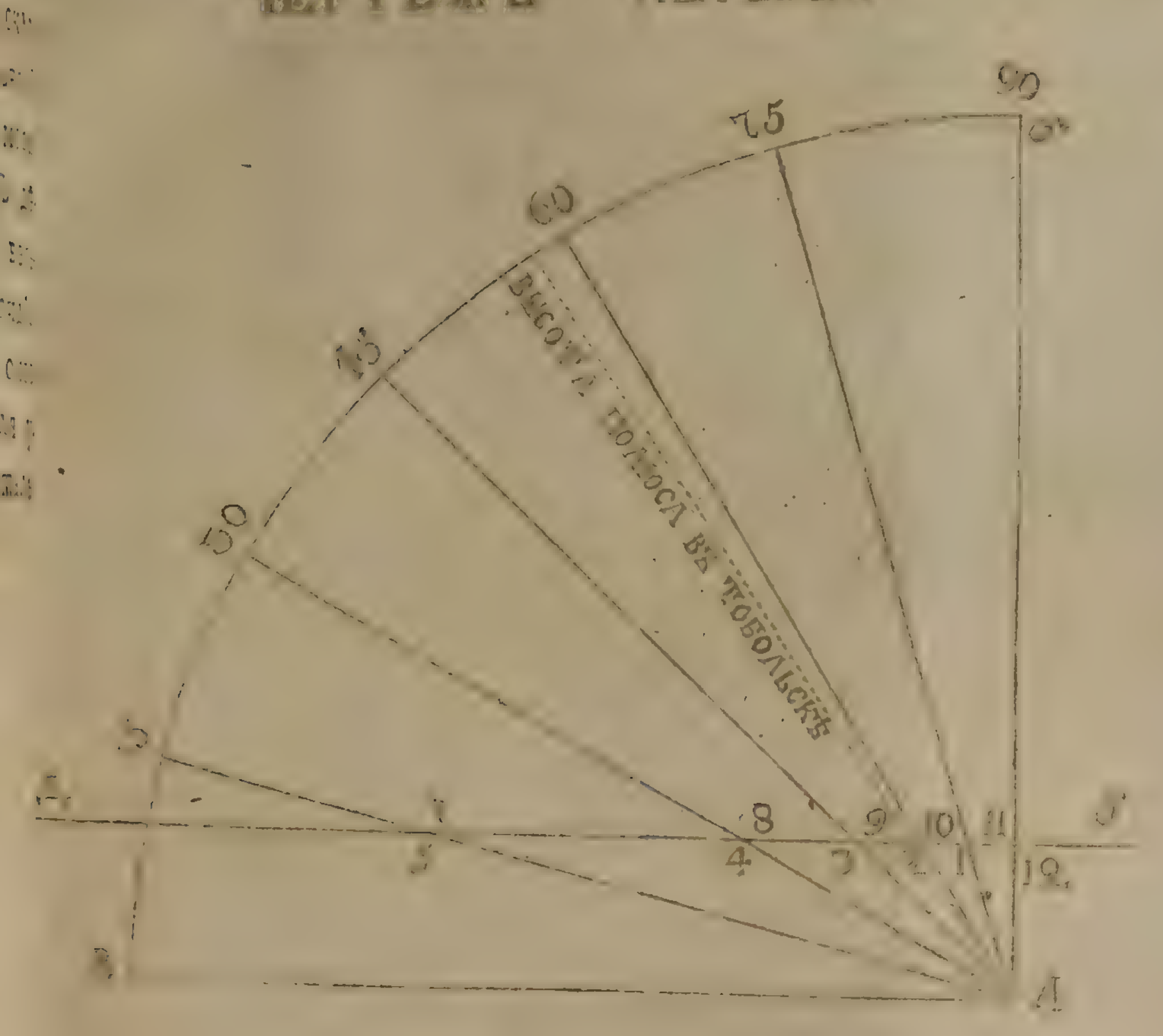
дить посредствомъ многихъ точекъ, на кругахъ назначенныхъ.

Дабы со всякою точностiю найти центръ сихъ двухъ точекъ; то опиши изъ каждой изъ двухъ ближайшихъ другъ отъ друга, яко изъ центра, дуги, въ противной сторонѣ тѣни шпиля, и кои бы пересѣкалися: по томъ растворивъ циркуль или сжавъ оной, засѣки другiя дуги выше или ниже первыхъ, изъ тѣхъ же самыхъ точекъ. По томъ проводи прямую черту чрезъ двѣ точки пресѣкновенiя, къ противной стоpонѣ тѣни шпиля. Послѣ чего опиши такiя же дуги изъ третьей точки, яко изъ центра; и изъ ближайшей къ ней точки проводи чрезъ точки пресѣкновенiя дугъ, прямую линѣю къ той же сторонѣ, какъ и первую; и продолжай ся до тѣхъ поръ, пока обѣ линѣи пересѣкутся; точка, въ которой сiи линѣи пересѣкутся, будетъ искомый центръ сихъ трехъ точекъ.

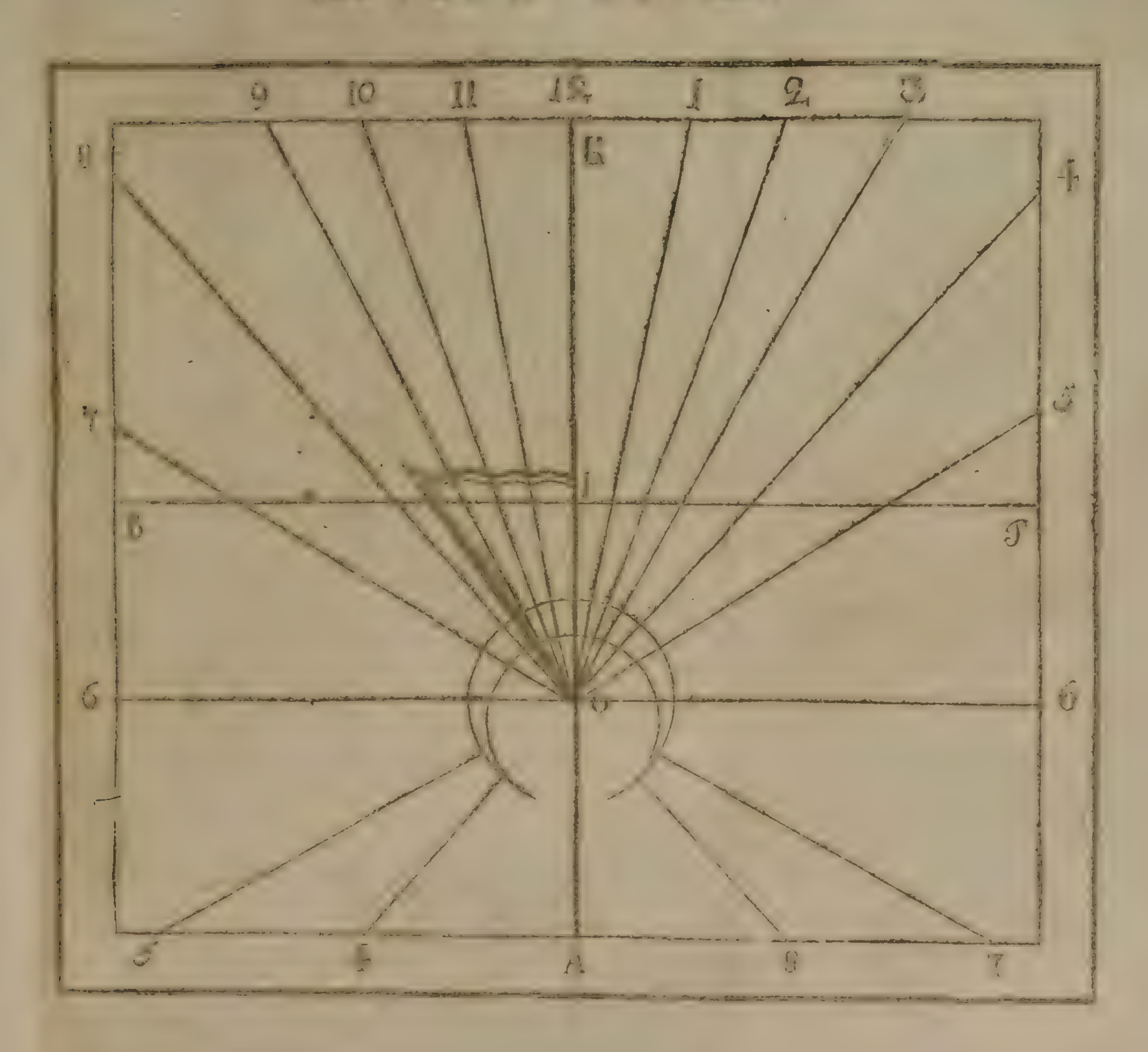
Примѣчаніе. Поелику линѣя склоненія, найденная такимъ образомъ и назначенная на доскѣ, есть меридіанъ того мѣста, въ которомъ дѣлаются часы; то сей способъ весьма удобенъ для сыскиванія меридіана. Можно также употреблять оное, какъ весьма вѣрное средство для установленія подвижныхъ горизонтальныхъ Солнечныхъ часовъ.

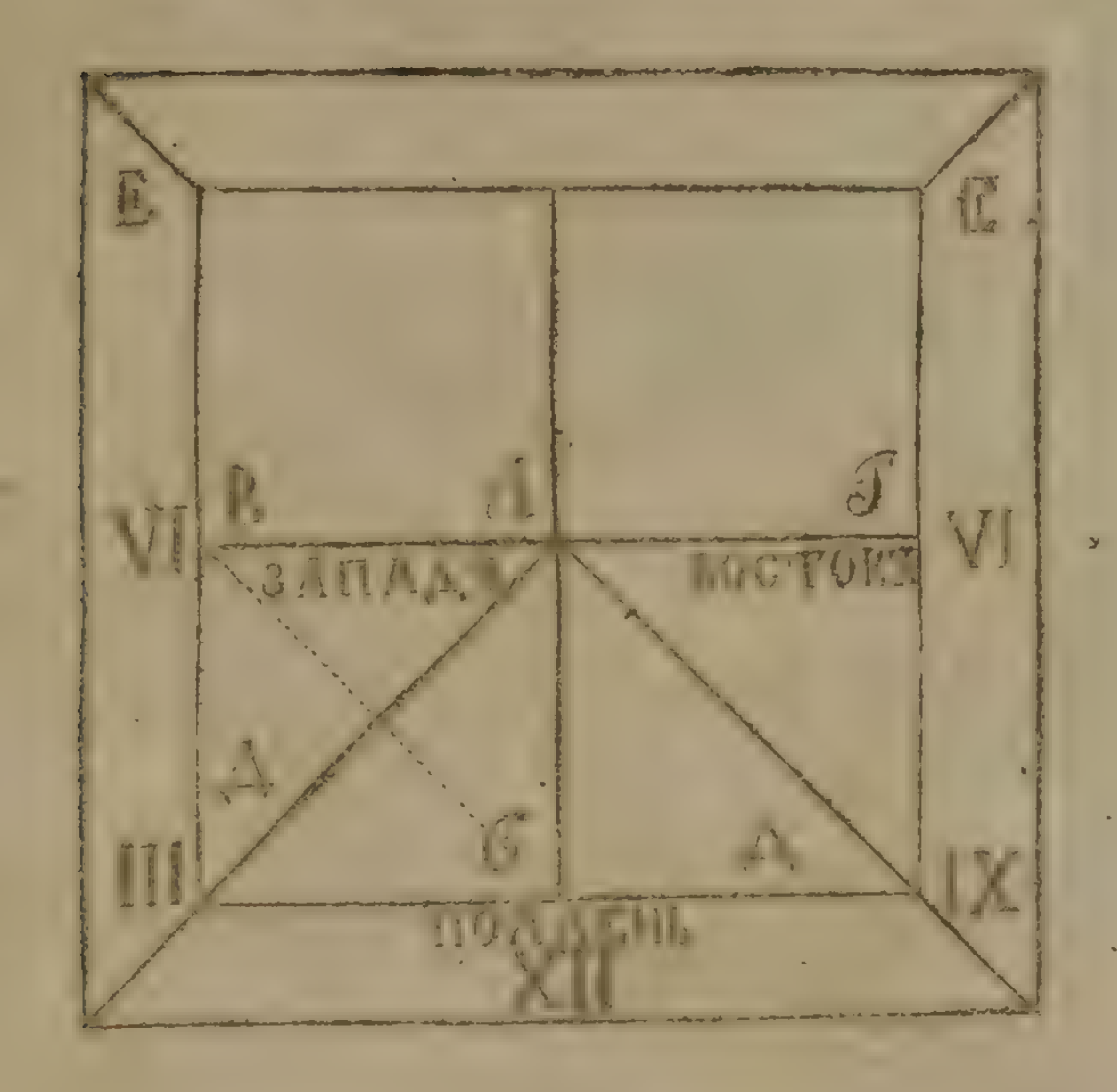
ЧЕРТЕЖЪ ПЕРЬВЫЙ

ЧЕРТЕЖЪ ВТОРЫЙ

ЧЕРТЕЖЪ ТРЕТІЙ

ЧЕРТЕЖЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

О ГОДѢ.

Годъ самъ по себѣ не имѣетъ ни начала ни конца, для того-то Греки называли его Еніавтосъ, что значитъ повтореніе и возвращеніе въ самаго себя; Іероглифъ изображающій его, есть змѣя, поглощающая хвостъ свой. Одни начинали годъ съ весны, другіе съ осени; Христіане съ обрезанія Спасителя, то есть, съ перваго Генваря (*); Астрономы съ Марта мѣсяца, когда Солнце вступитъ въ знакъ Овна, и когда плодотворный Апрѣль готовится отверзать недра природы въ нашемъ полушаріи.

Раздѣленіе года на четыре времена, содержащихъ каждое по три

(*) Мы до временъ Петра Великаго начинали годъ съ перваго Сентября, но сей Государь приказалъ щитать оной по примѣру прочихъ Европейцовъ съ перваго Генваря, и сіе щисленіе началось у насъ съ 1701 года, то есть, съ началомъ нынѣшняго столѣтія.

мѣсяца, весна, лѣто, осень, зима, всѣмъ извѣстны, но можно замѣтить, что четвертая часть каждаго дня, составленная изъ шести часовъ, представляетъ въ краткѣ сіи четыре времена; а имянно: утро лѣто, вечеръ осень, а ночь зиму. Изъ чего можно относить различныя движенія наши, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя, ощущаемыя нами въ продолженіе каждаго дня и года.

При началѣ Христіянства, время числилося олимпіядами: каждая олимпіяда была составлена изъ пяти лѣтъ; но въ царствованіе Императора Іуліана, въ 532 году по Рождествѣ Христовѣ, начали лѣтосчисленіе съ года Рождества Спасителя. Папа Григорій XIII въ 1582 году, замѣтивъ, что щитая съ точностію найдешь, что годъ содержитъ 365 дней, 5 часовъ, 49 минутъ и 16 секундъ, вмѣсто того, что при Цесарѣ Іюліи, и послѣ, щитали въ году 365 дней и 6 часовъ равно; и

что сія разность, почти изъ одиннадцати минутъ состоящая, дѣлаетъ цѣлый день во сто тридцать четыре года; изъ чего происходило иногда, что между днемъ Пасхи и равноденствіемъ находилося два мѣсяца разности, противъ начальнаго установленія сего праздника, которой всегда долженъ быть торжествованъ въ первое Воскресеніе послѣ полнолунія, въ весеннѣе равноденствіе: и такъ сей Папа, говорю я, убавилъ десять дней, въ разсужденіи погрѣшности, которая могла произойти со времени Рождества Христова до 1582 года отъ сихъ одиннадцати минутъ каждаго года; такимъ образомъ тотъ день, которой по старому стилю, называемому Іуліанскимъ численіемъ, щитался одиннадцатымъ числомъ мѣсяца, симъ Папою названъ былъ первымъ. И поелику сіе численіе нашлося справедливѣйшимъ; то было принято почти всею Европою, и названо Гри-

горіянскимъ лѣтосчисленіемъ, для отличенія отъ перваго.

Королева Елисавета, не желая, по ненависти своей къ Римскому Двору, ничего одобрять, что оттолѣ происходило, не захотѣла, чтобъ подданные ея послѣдовали сему счисленію; и по ея примѣру провинція Утрехтская, городъ Женева и нѣкоторыя Германскія Княжества, отпадшія отъ Римской церькви, удержали Іуліанское счисленіе, которому и теперь слѣдуютъ, такъ какъ и Россіяне, и называютъ оное старымъ стилемъ.

Римскій годъ, по первому учрежденію Нумы, былъ Лунный; онъ взятъ отъ Грековъ, кои составляли его изъ 354 дней. Нума прибавилъ къ нему еще одинъ день, дабы число было нечетное: ибо оное почиталося щастливѣйшимъ; и желая вознаградить то, чего не доставало его году противъ Солнечнаго, онъ всякіе два года включалъ въ него,

по примѣру Грековъ, чрезвычайный мѣсяцъ, состоявшій изъ двадцати двухъ дней, и всякіе четыре года еще другой мѣсяцъ изъ двадцати трехъ дней, между 23 и 24 Февраля. Сіе помѣщеніе поручено было въ послѣдствіи жрецамъ, кои, или отъ небреженія, или по суевѣрству, или по безпредѣльной своей въ томъ власти, начали продолжать и сокращать годы безъ всякаго равенства и правила; но по своему произволенію, или по требованію своихъ пріятелей. Такимъ-то образомъ Цицеронъ наскучивъ множествомъ тяжебныхъ дѣлъ, кои истощали его силы, просилъ, чтобъ не было въ томъ году помѣщенія мѣсяца, для сокращенія его трудности: и между тѣмъ, какъ онъ былъ Проконсуломъ въ Киликіи, то просилъ усердно Аттика исходатайствовать ему сію же милость, дабы возвращеніе его въ Римъ не было болѣе замедлено. Напротивъ того Куріонъ, не могши уговорить

жрецовъ, продолжить годъ его Трибунетства, взялъ предлогомъ сей отказъ, чтобъ оставя Сенатъ, присоединиться къ Кесарю.

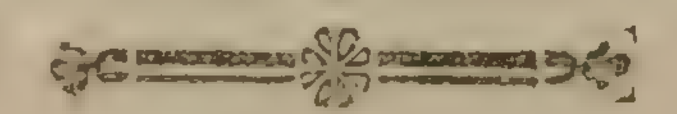
Безпорядокъ, причиненный сею вольностію въ календарѣ, столь далеко простирался, что мѣсяцы перешли изъ одного времени года въ другое, зимніе перешли въ осень, а осенніе въ лѣто. Цесарь не нашелъ для поправленія сего инаго средства, кромѣ, какъ запретивъ продолженія, установилъ Солнечный годъ, слѣдуя точной мѣрѣ путевращенія Солнечнаго въ зодіякѣ. Какъ Астрономы того вѣка полагали его въ 365 дней и 6 часовъ, то Цесарь вздумалъ раздѣлить годъ на двенадцать мѣсяцовъ; а для вознагражденія шести часовъ, кои не входили въ сіе раздѣленіе, указалъ онъ, чтобъ чрезъ всякіе четыре года вмѣщали еще одинъ день м жду 23 и 24 Февраля. Сей день назвали *Биссекстусъ*(*): ибо

(*) Високосный.

онъ состоитъ изъ оставшихся отъ каждаго года шести часовъ; сей годъ называемъ мы високоснымъ. Но дабы придать всевозможную правильность началу и теченію сего новаго года; то принуждены были включить въ него два чрезвычайныхъ мѣсяца, между Ноябремъ и Декабремъ, одинъ изъ тридцати трехъ дней, а другой изъ тридцати четырехъ, не щитая обыкновенно включаемаго мѣсяца, которой впадалъ въ тотъ же самый годъ. Сіе прибавленіе нашлося нужнымъ для наполненія числа дней, кои отъ прошедшихъ опущеній пропали, и для постановленія мѣсяцовъ въ приличныя имъ времена года.

Цесарь поручилъ о всемъ семъ стараніе Солигену, славному Александрійскому Астроному, коего для сего и привезъ онъ въ Римъ: и по тѣмъ же правиламъ Флавію приказано было сочинить новый календарь, въ которой онъ включилъ всѣ

Римскіе праздники, слѣдуя всегда старому счисленію календами, нонами и идами. И такъ годъ въ сію перемѣну былъ самый должайшій, какой когда либо бывалъ въ Римѣ: ибо въ немъ вышло 15 мѣсяцовъ, или 445 дней. Его назвали послѣднимъ годомъ смѣшенія, по тому, что не посредственно за нимъ послѣдовалъ Іуліанскій, или Солнечный годъ, которой начался съ Генваря, и до нынѣ въ употребленіи у всѣхъ Христіянскихъ народовъ, безъ всякой другой перемѣны, кромѣ стараго и новаго стиля. Новый стиль начался съ 1582 года.

НѢЧТО О ДУШѢ.

Понятіе, воля, свобода, о коихъ я имѣю ясное сознаніе, суть свойства нѣкоего бытія, которое мнѣ не лучше матеріи извѣстно, или такія дѣйствія, коихъ причины я не вѣдаю. Не должно ли сомнѣваться въ сихъ дѣйствіяхъ, по тому, что причина ихъ мнѣ не извѣстна. Сіе было бы сомнѣваться о моемъ собственномъ существованіи. Слѣдовательно я могу весьма справедливо судить о способностяхъ моей души и не знавъ ея существа. Тѣ два отличныя вещества, изъ коихъ человѣкъ составленъ, не имѣютъ между собою ни какого сходства и ни чего общаго; но не смотря на то, они соединены, и отъ ихъ то соединенія происходитъ человѣкъ, которой есть для насъ непроницаемая тайна. Со всѣхъ сторонъ мы видимъ только дѣйствія и слѣдствія, а начала погружены для насъ во мрачнѣйшую

темноту. Но по тому, что Создатель скрылъ отъ насъ сію тайну, должны ли мы отрещись совершенно отъ изысканія свойствъ и строенія нашего бытія? Ученіе травъ развѣ возбранено Физику, по той причинѣ, что онъ не знаетъ первыхъ основаній изъ чего травы составлены?

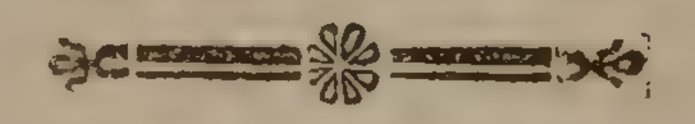
Сіе бытіе, чувствующее свое существованіе; сей *я*, которой примѣчаетъ, сравниваетъ, разсуждаетъ, которой есть всегда одинъ нераздѣльный, несложенный, чувствуетъ, сверьхъ того, что имѣетъ волю двигать извѣстными частями своего тѣла, и что сія воля исполняется. Слѣдовательно душа одарена нѣкоторою дѣятельностію, различно образуемою, или способностію производить какъ въ себѣ, такъ и внѣ себя нѣкоторыя дѣйствія. Взаимное вліяніе двухъ существъ есть, слѣдовательно такое явленіе, коего свойство не извѣстно, но коего уставамъ не возбранено учиться.

Взято изъ Бонета.

Тертуліянъ думалъ, что душа хотя и безсмертна, но не безплотна и вещественна, имѣющая видъ и образъ. Онъ мнилъ, что души злыхъ превращалися по смерти въ діаволовъ.

Манихейцы думали, что въ свѣтѣ находится одна только душа, сообщающаяся всѣмъ одушевленнымъ бытіямъ, не вся всѣмъ, какъ голосъ, но раздѣляяся, подобно водѣ, кою раздѣляютъ на разные каналы, и которая по томъ соединяется опять. Они къ сему прибавляютъ, что и неодушевленныя бытія имѣли малую часть сей всеобщей души; одушевленные же большую часть; а въ небѣ обитающіе еще и того большую часть.

По мнѣнію Пиѳагорову, душа человѣческая по смерти присоединяется къ душѣ вселенныя, которая есть одного съ нею рода.

СТАТЬЯ ЕКОНОМИЧЕСКАЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ЛѢКАРСТВА ОТЪ РАЗНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

ОТЪ РАЗНЫХЪ ЛИХОРАДОКЪ И ГОРЯЧЕКЪ.

Истинные признаки горячекъ, или лихорадокъ, суть: 1е, скорое біеніе пульса, сила его или крѣпость; 2е, необычайный жаръ во всемъ тѣлѣ; 3е, дыханіе сдѣлается тяжело и скоро; 4е, нѣкая усталость противится движеніямъ тѣла.

Сіи болѣзни начинаются обыкновенно ознобомъ: коего ощущеніе болѣе или менѣе бываетъ сильно и

продолжительно, и такъ же болѣе или менѣе сообщается наружнымъ частямъ, смотря по свойству горячки. Въ семъ первомъ степени пульсъ бываетъ малъ и скоръ; крайности тѣла поблѣднеютъ, похолодѣютъ, сдѣлаются тверды и станутъ дрожать, а иногда и совсѣмъ онѣмеютъ. За симъ слѣдуютъ другіе припадки совсѣмъ тому противные, кои составляютъ второе состояніе болѣзни.

Обыкновенные признаки горячекъ суть: безсоница, сонъ, бредъ, боль въ головѣ, тошнота, жажда, поносъ, запоръ, потъ, рвота, кровотѣченіе изъ носу; языкъ и губы бываютъ черныя, или бѣлыя, или желтыя, сухи, лупятся и покрываются прыщами.

Сложеніе и образъ жизни человѣка споспѣшествуютъ расположенію тѣла къ горячкѣ, коея ближайшія причины могутъ быть: 1е, острыя яства и напитки; 2е гнилой воздухъ; 3е невоздержность въ пищѣ.

4[e] излишнее употребленіе горячихъ напитковъ; 5[e], недостатокъ разныхъ тѣлесныхъ испражненій; 6[e] раздраженіе, причиненное въ нервахъ какою бы то нибыло причиною, и слѣдовательно раною, чирьемъ и проч.

Давно уже учинено сравненіе горячки съ хамелеономъ, по причинѣ разнообразностей ея, чрезъ кои она часто уклоняется отъ всѣхъ тонкостей врачебнаго искуства. Она столько же разнообразна, сколько можетъ приключиться различныхъ безпорядковъ въ жидкостяхъ нашего тѣла. Одна только долговременная практика и глубокое знаніе могутъ уловлять свойства сихъ болѣзней, и надѣяться истреблять ихъ причины.

Галіанъ щитаетъ двадцать семь родовъ горячекъ неправильныхъ, кои обыкновенно перерождаются въ четыредневную лихорадку. Сеннертъ простираетъ число горячекъ и лихорадокъ до семидесяти трехъ. Сіе дос-

товѣрно, что лихорадка есть слѣдствіе завала въ малыхъ кровяныхъ сосудахъ, какъ то легко можно видѣть по ознобу, по тяжкому дыханію, по лѣтучей нѣкоей боли, по воспалительнымъ опухолямъ, по обструкціямъ, по сильнымъ кровотеченіямъ и прочимъ припадкамъ, кои слѣдуютъ, или сопровождаютъ горячки, или лихорадки. Причиною такихъ заваловъ суть: грубыя мокроты, клѣйкія, или острыя, кои уменьшая жидкость крови, останавливаютъ оную въ малыхъ кровяныхъ сосудахъ.

Первые пути, то есть желудокъ и проч. сообщаютъ крови, такого свойства мокроты, когда вареніе его разстроится, когда питательный сокъ не довольно перерабатывается и сгущается, и вмѣсто свойственнаго ему бальзамическаго и мягчительнаго качества, сдѣлавшись острымъ и клѣйкимъ, обременяется грубыми и не удобоварительными частями.

Того ради, естьли отъ потрясенія твердыхъ частей и отъ усилій сосудовъ, матеріи, причинявшія завалы, раздѣляся, потекутъ опять съ удобностію и отдѣлятся отъ жидкостей по разнымъ испражнительнымъ истокамъ, какъ то, потомъ, низомъ, или мочею; то за симъ слѣдуетъ спокойствіе тѣла, горячка проходитъ, пароксизмъ перестаетъ и дѣйствія всей машины поправляются. Но естьли останется еще въ крови нѣчто, могущее повредить ея свойство; то когда оное до такого количества умножится, что можетъ причинить завалъ, удобный къ произведенію горячки, тогда оная снова покажется, и разность ея пароксизмовъ будетъ зависѣть отъ качества и количества дурныхъ матерій, проникнувшихъ въ пути крововрощенія, и отъ времени, которое нужно было имъ для внитія въ оныя и для умноженія своего въ нихъ.

Слѣдуя симъ правиламъ и наб-

людая теченіе болезни и действіе лекарствъ, можно надеяться великаго успеха въ леченіи горячекъ.

Горячка почитается болезнію, когда она разстроиваетъ порядокъ действій машины тела человеческаго. Но она бываетъ припадочною, естьли случится при другой какой болезни, какъ то: при нарыве внутреннемъ, при воспаленіи въ легкомъ, при жабе и проч.

Можно вообще разделить горячки на три рода, кои суть: одно-дневная, гнилая и чахотная; отъ коихъ происходятъ безпрестанная, тридневная, четверодневная и проч.

Примечаніе о горячкахъ.

I. Главная вещь, которую должно наблюдать въ безпрестанныхъ горячкахъ, есть движеніе пульса.

Естьли онъ силенъ и великъ, то подаетъ великую надежду на силу больнаго, и что онъ избавится отъ сей болезни. Естьли же пульсъ

неравенъ, то сіе весьма дурной признакъ; пульсъ часто перемѣняющійся весьма опасенъ, особливо въ молодыхъ людяхъ; пульсъ слабый и малый предвѣщаетъ скорую смерть, естьли больной слабъ.

II. Естьли дыханіе свободно, то сіе есть добрый знакъ; на противъ же, естьли оно часто, сильно и тягостно, то предзнамѣнуетъ бредъ и ударѣніе крови въ мозгъ. Тяжкое и слабое дыханіе обыкновенно весьма опасно; такъ какъ и то, ежели больному приключится страхъ, судороги, или великая боль въ животѣ.

III. Естьли калъ походитъ на натуральной и здоровой, то болѣзнь будетъ неопасна и непродолжительна; на противъ же, естьли онъ инаго цвѣта, и естьли на уринѣ покажутся какъ будто паутины, или какъ растопленный жиръ; то есть опасность

IV. Потъ, приключающійся въ

горячкахъ въ дни перелома, есть всегда добрый знакъ: въ другія же времена онъ опасенъ, и предзнамѣнуетъ продолжительную болѣзнь, или смерть.

V. Во всякой безпрерывной горячкѣ естьли тѣло снаружи холодно, а внутри больной чувствуетъ великой жаръ, сопряженный съ жаждою; то сіе, по мнѣнію Иппократову, предзнамѣнуетъ смерть.

VI. Иппократъ же мнитъ, что смерть должна послѣдовать, естьли губы, брови, глаза, или носъ осунутся; естьли больной перестанетъ слышать, видѣть и ослабнетъ чрезмѣрно, или естьли дыханіе сдѣлается вдругъ тяжело съ брѣдомъ, или съ великимъ жаромъ около желудка и съ болью онаго, или естьли больной станетъ видѣть странные сны и приключаются ему во время сна судорожные припадки.

VII. Сей Врачь говоритъ еще, что ежели случатся частыя прекож-

денія тѣла больнаго отъ озноба къ жару и отъ жара къ ознобу, или перемѣна цвѣта; то болѣзнь будетъ продолжительна.

VIII. Онъ выводитъ то же заключеніе изъ боли или опухоли, въ составахъ приключающихся, особливо ежели нарывы не придутъ въ гноеиспусканіе, когда горячка перестанетъ, или покажется переставшею.

IX. Естьли во время горячки около зубовъ накопится много слизи, то пароксизмъ будетъ весьма силенъ.

X. Горячка, или такъ называемая лихорадка, приходитъ опять обыкновенно, естьли оставитъ она въ нечетный день.

XI. Естьли останется какая либо боль послѣ горячки, то почти всегда въ больномъ мѣстѣ садится чирей. Естьли во время болѣзни чувствуетъ человѣкъ усталость, то дѣлаются чирьи на плечѣ, близъ челюстей и на составахъ.

XII. Всякая горячка, происходящая отъ внутренняго воспаленія, опасна, естьли она не одноденевная.

XIII. Весьма доброй знакъ въ сихъ болѣзняхъ, естьли лицо больнаго не перемѣняется: но естьли оно перемѣняетъ цвѣтъ, или когда больной чувствуетъ попеременно ознобъ и жаръ, то сіе нехорошій знакъ.

XIV. Естьли паха и животъ не напрягутся, но пребудутъ въ свойственномъ имъ положеніи, то больной долѣе будетъ удобенъ бороться съ горячкою.

XV. Естьли переломъ болѣзни будетъ въ седьмой день, то въ четвертый можно то время предъузнать по красной или бѣлой уринѣ больнаго: естьли же переломъ въ четырнадцатый день послѣдуетъ, то сіе предъузнать можно въ одиннадцатый день: естьли же въ двадцатый день, то семнадцатый день о томъ предскажетъ.

XVI. Естьли же съ горячкою

придетъ поносъ, или кровотеченіе, то не должно давать больному слабительнаго.

Общія лѣкарства.

Вода утишаетъ въ скорости лихорадочный жаръ, и утоляетъ боль причиняемую онымъ во внутренности. Дай стаканъ теплой воды лихорадочному, при началѣ припадка, то симъ воспрепятствуешь растройству, и повторя два или три раза, излѣчаешь часто больнаго.

2. Должно поправить поврежденіе соковъ, возвратить желудочнымъ волокнамъ необходимо нужное имъ напряженіе, истребить изъ крови мокроту; поддерживающую лихорадочные припадки, и возстановить свободное кровообращеніе во всѣхъ каналахъ и волокнахъ. Рвотные скорѣе всего изгоняютъ матеріи, засоряющія желудокъ: и часто видимъ мы, что прервавъ вдругъ сообщеніе ихъ съ кровью, болѣзнь проходитъ безъ вся-

каго инаго лѣкарства. Но когда кровь и соки заражены смѣшенiемъ дурныхъ мокротъ, накопившихся въ желудкѣ, когда внутреннiя железы снабжаютъ тѣло одною только клѣйкою и острою мокротою, коя притупляетъ чувствiе покрывающей ихъ слизи, когда какая либо внутренняя часть лишилась своей дѣятельности, и наклонна къ засоренiю: то сихъ помощей не довольно; но должно прибѣгнуть къ противолихорадочнымъ средствамъ.

3. Цефалическiя и Ароматическiя растѣнiя, какъ размаринъ, шалфей, рута и проч. суть дѣйствительныя отъ сего лѣкарства. Но поелику всегда нужно умѣрять ихъ дѣйствiе, дабы больной не могъ отъ нихъ быть разгоряченъ; то Аббатъ Руссо совѣтуетъ примѣшивать въ оныя своего *Ласданумъ*, которой есть самъ по себѣ потомножительнаго свойства; впрочемъ сей славный Химикъ совѣтуетъ сего лѣкарства

давать больнымъ подъ конецъ припадковъ, тогда, какъ уже жестокость жара лихорадочнаго и ея пароксизма уменьшилася, тогда, говоритъ онъ, показывается легкій потъ, сопровожденный почти всегда спокойнымъ сномъ, весьма много прохлаждающимъ больнаго: и весьма мало лихорадокъ, даже четверодневныхъ, кои бы не покидали отъ сего послѣ третьяго или четвертаго припадка; когда же лихорадки надмѣру упрямы, то должно примѣшивать къ вышеписанному лѣкарству полстакана декокту изъ хины, при всякомъ пріемѣ: посредствомъ сего, говоритъ онъ, ни одна лихорадка безъ излѣченія не остается, развѣ соединена будетъ съ другими болѣзнями. Сіе лѣкарство должно обыкновенно принимать въ виноградномъ винѣ, естьли больной можетъ пить оное: и не должно бояться приключить еще болѣе жара; ибо лавданумъ тому противится.

4. По мнѣнію Иппократа, холодительная діета весьма прилична въ лихорадкахъ, а особливо для молодыхъ людей, и для тѣхъ, кои пріобыкли къ сей пищѣ въ здоровомъ состояніи. Онъ прибавляетъ къ тому, что должно давать имъ, или отказывать въ какой либо пищѣ, смотря по времени года, по климату, по возрасту и по сложенію больнаго.

5. Ячменный декоктъ приличенъ почти во всѣхъ родахъ горячекъ и лихорадокъ (*). Декоктъ изъ овсяныхъ крупъ можетъ произвести еще лучшее дѣйствіе.

6. Евгаленій говоритъ, что онъ излѣчилъ множество лихорадокъ, даже самыхъ опасныхъ, помощію легкаго настоя ложечной травы въ козьей

(*) Оба сіи названія употребляются здѣсь въ одномъ смыслѣ по тому, что какъ горячка, такъ и лихорадка суть одна и та же болѣзнь; но разнствуетъ между собою въ нѣкоторыхъ только обстоятельствахъ.

сывороткѣ; что главное его лѣкарство отъ сихъ болѣзней состоитъ изъ двухъ драхмъ съ половиною ложечной травы, смѣшанныхъ съ пріемомъ путечистительнаго лѣкарства. Лихорадка и всѣ ее дурные признаки уменшалися, какъ скоро больной принималъ онаго раза четыре или пять, но показывалися опять, когда онъ пробылъ два дни не употребляя сего лѣкарства.

7. Положи въ полталенка молока пять травъ растѣнія малаго золототысячника и дай кипѣть; потомъ простудивъ дай выпить больному за часъ до лихорадочнаго припадка. Но не много по прежде должно дать больному слабительное натощакъ, изъ сурмянаго стекла настоеннаго сутки въ стаканѣ бѣлаго винограднаго вина. Вся пища больнаго должна состоять въ одномъ бульонѣ съ зеленью изготовленномъ.

8. Противолихорадочныя лѣкарства, составляемыя изъ стягиватель-

ныхъ вещей, имѣютъ скорѣйшее и вѣрнѣйшее дѣйствіе. Для учиненія же лѣкарства дѣйствительнѣйшимъ, надлежитъ придать ему нѣсколько потоваго и мочегоннаго свойства..

9. Смѣшай вмѣстѣ стаканъ хорошаго краснаго винограднаго вина, три унціи капилернаго сиропа, три унціи бѣлой патоки, три драхмы хины, и давай больному натощакъ третью долю, три дни сряду; чрезъ полчаса по принятіи, дай ему похлебки съ двумя или тремя намоченными въ ней ломтиками бѣлаго хлѣба.

10. Вскипѣти молока, налѣй въ него стараго пива, чтобъ оно свернулося; по томъ процѣди его сквозь сито; поставь сію жидкость на огонь и вскипѣти съ доброю горстью травы кислицы, давай сего лѣкарства теплаго больному, не задолго до пришествія лихорадки; надлежитъ ему лѣчь и хорошенько окутаться, для произведенія поту. Естьли отъ

перваго разу онъ не вылѣчится, то увѣряютъ, что послѣ втораго пріема непремѣнно освободится отъ своей болѣзни.

11. Когда лихорадочный припадокъ приближается, то больному должно принять Венецейскаго Ѳеріаку, съ бобовое зерно величиною, въ похлебкѣ.

12. Возми большую бѣлую луковицу, и выдолби ея, положи въ нее хорошаго Ѳеріаку, величиною съ малой Грецкой орѣхъ: по томъ покрывъ ея срѣзаною частію, и завернувъ въ крѣпкую сѣрую бумагу, положи испѣчь въ горячую золу. Когда луковица испѣчется, то открой ея, и влѣй въ нее двѣ или три драхмы лимоннаго соку, и не большую рюмку бѣлаго вина; по томъ раздави, и протри сквозь чистую холстину. Когда больной приметъ сіе лѣкарство; то ему должно лежать въ постелѣ, хорошенько окутавшись, дабы произвести потъ; и

когда оной послѣдуетъ, то перемѣнивъ рубашку, можетъ онъ поѣсть бульону съ небольшимъ количествомъ зелени и мушкатнаго орѣха. Онъ можетъ даже поѣсть сего бульона чрезъ полтора часа по принятіи помянутаго лѣкарства.

13. Положи съ вечера величиною съ Руской орѣхъ квасцовъ въ холодную воду, которая должна превышать квасцы на три пальца, и сего настоя дай выпить больному въ то время, какъ начнетъ приходить къ нему лихорадка.

14. Положи мокнуть въ четыре галенка воды полтары драхмы зеленаго купоросу; по томъ сливъ сей настой въ бутыль, заткни плотнѣе и храни для надобности. Можно употреблять его послѣ четырехъ часовъ настаиванія, и хранить десять лѣтъ не опасаяся, чтобъ вода сія испортилася. Каждый пріемъ долженъ состоять изъ осьми драхмъ, кои должно принять на тощакъ,

или чрезъ два часа послѣ кушанья; по принятіи же ни чего не употреблять чрезъ два часа. Сего лѣкарства должно принимать чрезъ день по три раза; естьли лихорадка не покинетъ, то надлежитъ продолжать.

Однодневная лихорадка.

Однодневная лихорадка по тому такъ называется, что ея начало, состояніе и продолженіе дѣлаются обыкновенно во время однихъ сутокъ, или по большей мѣрѣ въ тритцать шесть часовъ. Ея раздѣляютъ на истинную и побочную.

Однодневная истинная познается по тому, что приключается вдругъ здоровѣйшему человѣку; признаки ея суть: ровный и правильный пульсъ, хотя и скорый, тихій жаръ, не много въ тѣлѣ растройства, урина не очень густа, озноба нѣтъ, дыханіе свободно, и потъ не имѣетъ противнаго запаха. Она обыкновенно приключается тѣмъ людямъ,

кои стоятЪ долго на Солнцѣ, или ходятЪ вЪ самой сильной лѣтній зной, или дѣлаютЪ сильное тѣлодвиженіе, предаются безмѣрному гнѣву или печали, заботамЪ, непомѣрному бодрствованію, непомѣрному воздержанію, страху и проч.

Лѣкарства

отЪ истинной однодневной лихорадки.

Усмотря сіи припадки, можно пустить кровь, вЪ которое бы то время дня не было, весьма будетЪ полезно поставить нѣсколько простыхЪ холодительныхЪ клестировЪ; давать пить простую воду, или ячную, или полпиво, или не много бѣлаго вина, смѣшаннаго сЪ большимЪ количествомЪ воды; и простыя бульоны, со щавелемЪ, портулакомЪ, или лимоннымЪ сокомЪ, и прикладывать ко лбу тряпку, обмакнутую вЪ воду сЪ уксусомЪ: чрезЪ день или два послѣ того дай больному слабительное изЪ кассіи, сЪ сывороткою разведенной.

Естьли нужда потребуетъ, то можно повторить еще разъ или два сіе слабительное.

Лихорадка однодневная побочная приключается отъ сырости дурныхъ мясъ, отъ излишняго питья, отъ чрезмѣрнаго употребленія сырыхъ плодовъ, отъ остановленнаго пота, отъ запора, отъ долгаго удержанія мочи. Главное надлежитъ примѣчать, что сія болѣзнь приходитъ по немногу, пульсъ въ ней бываетъ не равенъ, въ тѣлѣ чувствуется великое разстройство, потъ бываетъ вонючій, моча весьма сырая и боль во всѣхъ составахъ.

Лѣкарства отъ оной.

Естьли разсудятъ заблаго, то можно больному пустить кровь, не смотря ни на возрастъ ни на время. По утрамъ и вечерамъ ставить клестиры, изъ всякихъ огородныхъ травъ приготовленные, въ которые должно подбавлять фіалковаго меду, или мор-

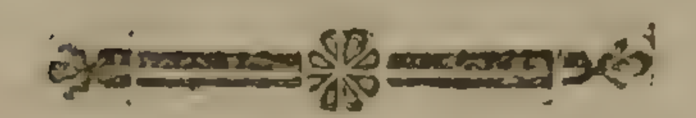
куріальнаго, или простаго; въ четвертый или пятый день принять слабительное, изъ двухъ драхмъ Александрійскаго листа и одной драхмы ревеню, распущенныхъ и настоянныхъ въ наварѣ изъ травы *малой соловки, исола,* или *цихорея,* сливъ оное, можно распустить въ немъ шесть драхмъ каѳоликону двойнаго, и для слабаго сложенія людей вмѣсто сего можно употребить полторы унціи сиропу изъ персиковыхъ цвѣтовъ. Сіе лѣкарство должно повторять поколику того нужда потребуетъ. Между похлебками, въ день принятія слабительнаго, должно употреблять декоктъ изъ спаржевыхъ кореньевъ и изъ укропа. Естьли кто пожелаетъ, то можно къ тому прибавить солодковаго корня, корицы и коріандру.

Поелику главная причина сей болѣзни, есть чрезмѣрная сырость пищи; то не должно давать больному никакого тяжелаго кушанья.

Но подправлять похлебки только тминомъ, гвоздикою, или мушкатнымъ орѣхомъ.

Что касается до питья, то во время припадка должно сколько можно отъ онаго воздержаться.

Продолженїе впредь.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ,

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ РАЗНЫЕ ПОЛЕЗНЫЕ ЕКОНОМИЧЕСКІЕ СЕКРЕТЫ.

ОКОНЧАНІЕ О СОСТАВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ ЛАКОВЪ.

25.

Италїянской лакъ.

Возми восемь унцій терпентину, или фальшивой канифоли; вари на огнѣ, пока останется одна только унція, которая тогда сдѣлается суха и ломка. Когда простынетъ, то истолки въ порошокъ, высыпь въ горячій скипидаръ, въ коемъ онъ и распустится. По томъ давъ устояться и сливъ чистое употребляй.

26.

Арабской или Персидской лакъ.

Возми унцію льнянаго масла и полтары унціи Персидской мастики,

растопивъ оную, влѣй въ нее масло, и вари на тихомъ огнѣ, пока покажется бѣлая пѣна. Когда пожелаешь употреблять сей лакъ, то должно его смѣшать съ истертою въ порошокъ краскою: и чтобъ смѣшавшись имѣлъ онъ густоту патоки. Сей лакъ весьма крѣпокъ.

Что касается до тѣхъ лаковъ, въ составленіе коихъ входитъ мозжевеловая смола (сандаракъ), то должно примѣчать, что они часто не удаются, отъ незнанія, какимъ образомъ ихъ варить: ибо естьли положишь сандаракъ прежде, нежели масло сварится, то онъ згоритъ. И такъ надлежитъ прежде сварить масло, и простудить оное, по томъ всыпать въ него сандаракъ, въ порошокъ истолченный, и варить тихимъ огнемъ.

Лакъ для картинъ.

1. Положи въ глиняной муравленой горшокъ четыре унціи Араб-

ской камеди, чистой и отборной, налѣй на нее фунтъ самой чистой воды, и дай цѣлую ночь настаиваться въ горячей золѣ. По томъ процѣди сей настой сквозь холстину, и прибавь величиною въ Грецкой орѣхъ лучшаго бѣлаго меду, да съ полъорѣха величины сахару леденцу.

2. Вмѣсто сего лака можно употреблять жидкость, находящуюся подъ яичными бѣлками, сильно взбитыми, смѣшавъ оную съ леденцомъ и съ водкою.

3. Дѣлаютъ еще весьма красивый лакъ для картинъ, збивъ яичные бѣлки съ скипидаромъ и съ водкою.

Лакъ для Миніатурной живописи.

Положи въ стеклянной долгогорлой кубъ(*) бѣлой самой чистой амбры унцію, драхму камфары. Ис-

(*) Въ Аптекахъ сіи кубы извѣстны подъ именемъ колбъ и ретортовъ.

толки все сїе въ порошокъ, прибавь къ тому пять унцїй виннаго спирта, поваря еще составъ одинъ часъ на горячей золѣ, и пропустивъ сквозь тряпку, храни въ бутылкѣ, плотно заткнутой, для употребленїя.

Родъ лака, или способъ сдѣлать прочными живопись сухими красками и всякими карандашами, не повредя нимало цвѣтовъ, кои еще больше яркости отъ того получатъ.

Распусти нѣсколько тертыхъ квасцовъ въ двухъ стаканахъ простой воды. Когда сїя вода хорошенько напитается квасцами, то положи въ нее рыбьяго клея, самаго чистаго и прозрачнаго, изрѣзавъ его сколько можно мѣльче. Когда сей клѣй помокнетъ сутки, или часовъ тридцать, то вскипѣти сей составъ на жаровнѣ, чтобъ клѣй совершенно распустился. По томъ горячїй процѣди его сквозь холстину; влѣй въ стеклянную бутылку, въ которую налѣй

прежде три кружки Французской бѣлой водки, и прибавь къ сему доброй стаканъ виннаго спирта. Сія жидкость можетъ служить до самаго своего конца, для удержанія красокъ карандашной живописи. Оною покрыть должно картину весьма проворно, и почти, такъ сказать, во мгновеніе ока.

Для сего должно имѣть плоской свинцовой, или изъ другаго металла тазъ, которой бы по крайней мѣрѣ былъ равенъ картинѣ, которую покрывать желаешь, и коего бы края возвышалися на дюймъ. Прежде, нежели вливать въ него помянутую жидкость, разогрѣй ее въ кипящей водѣ, поставя въ оную содержащую ее бутылку, пока рыбій клѣй, которой всегда дѣлаетъ осадку, (а особливо въ холодное время) совершенно распустится, и жидкость въ бутылкѣ сдѣлается вся прозрачна и свѣтла. Послѣ налѣй въ тазъ сей жидкости, и погрузи въ него карти-

ну плашмя, сколь можно ровнѣе лицомъ, такъ, чтобъ она прикоснулася къ поверхности состава, не погружаяся на дно жидкости; намочивъ такимъ образомъ картину, проницаетъ ея и напитываетъ въ одинъ мигъ. Ее немедлѣнно должно вынуть такимъ же образомъ, какъ она была погружена, то есть горизонтально, и положить на что ни будь такое, до чего бы она одними только краями дотрогивалась, какъ то на края двухъ стульевъ, и давъ ей хорошенько стечь, высушить исподоволь, но отнюдъ не на Солнцѣ и не предъ огнемъ. Какъ скоро картина совершенно высохнетъ, то видны будутъ дѣйствія сей жидкости. 1 е, жидкость будетъ столь же ярка и столь свѣжа, такъ, что есть ли бы какое мѣсто въ картинѣ не намокло, то сего не льзя узнать иначе, какъ потрогавъ всю картину пальцомъ. 2 е, цвѣты будутъ имѣть между собою болѣе связи, не осла-

бѣвъ отъ того нимало. 3е, можно будетъ по картинѣ водить рукою, столь крѣпко, какъ пожелаешь, не опасаясь, чтобъ краска стерлась или смѣшалась, самая даже вода не причинитъ имъ ни малаго поврежденія, что подаетъ поводъ думать, что можно покрыть картину вмѣсто стекла бѣлымъ лакомъ, намочивъ ея прежде раза три въ вышепомянутой жидкости. 4е, можно также картину подправить сухими красками, которыя весьма крѣпко пристанутъ къ составу; можно даже для большой живописи цвѣтовъ провести по мѣстамъ кистью водяными красками.

Вотъ нѣкоторыя нужныя предосторожности, кои должно принимать въ семъ дѣйствіи: 1е, дабы картина во время обмакиванія не коснулася до дна таза; то должно во всѣхъ четырехъ углахъ таза положить по кусочку свинца, которой бы жидкость на полъ линіи превышалъ, тогда картина ляжетъ краями

на сіи свинцовые куски, и никакъ на дно не погрузится. 2, Когда станетъ разогрѣвать въ кипяткѣ бутылку, содержащую въ себѣ жидкость; то должно ея поставить прежде въ немного теплую воду, дабы она нагрѣвалася постепенно: ибо ежели вдругъ поставить въ кипятокъ, то бутылка можетъ лопнуть. 3 е, должно, чтобъ въ одномъ углу таза находилася трубочка, дабы чрезъ оную выпускать въ бутылку жидкость, по употребленіи ея; ибо она можетъ въ другой разъ служить. Не худо также положить въ воронку лоскутокъ бѣлой фланели, дабы процѣдить жидкость, и тѣмъ остановить пыль и прочее, которое могло попасть въ тазъ.

Лакъ для сохраненія насѣкомыхъ и для воспрепятствованія имъ испортиться.

Возми двенадцать унцій виннаго спирта и не много прозрачной амбры, вари исподоволь сію смѣсь въ

кипяткѣ сорокъ восемь часовъ: по томъ прибавь къ тому не много сандараку и терпентину, распусти все сіе хорошенько подержавъ сутки въ кипяткѣ: по томъ вычиставъ насѣкомое, обливай его нѣсколько дней виннымъ спиртомъ, въ которомъ разведи не много леденцу, по томъ покрой его много разъ вышеписаннымъ лакомъ, такъ, чтобъ онъ казался подобенъ стеклу, заключающему въ себѣ насѣкомое. Такимъ образомъ приготовленное насѣкомое чрезъ весьма долгое время пребудетъ невредимо.

Лакъ для покрыванія печатныхъ картинъ.

Наклѣй эстампъ на доску, по томъ покрой его однимъ слоемъ рыбьяго клѣя. Когда сей первый слой высохнетъ, то надлежитъ покрыть въ другой разъ, и высушить, какъ и первой, изподоволь противъ огня издали, или на Солнцѣ; назавтре покрыть кистью десять или двад-

цать разъ сандараковымъ лакомъ, наблюдая, чтобъ давать каждому слою совершенно высыхать прежде покрыванія въ другой разъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, когда естампъ совершенно будетъ сухъ; то выполируй его трепѣломъ самымъ лучшимъ и мѣлкимъ. Сей лакъ сдѣлается подобенъ самому лучшему и красивому стеклу, и ни когда не слиняетъ. Надъ самыми черными естампами дѣйствіе его еще бываетъ красивѣе.

Лакъ противящійся водѣ.

1. Возми двѣ унціи аспиднаго масла, прибавь къ тому двѣ доли въ порошокъ истолченнаго сандарака, и вари на тихомъ огнѣ. Когда пожелаешь употреблять сей лакъ; то надлежитъ его не много разогрѣть.

2. Возми самаго чистаго льнянаго масла, влѣй его въ муравленой горшокъ, и поставь на жаровню, положи въ сіе масло четвертую долю резины (бѣлой древесной смолы; ина-

че называемой живицею). Растопи все сіе и вскипѣти исподоволь, такъ, чтобъ изъ горшка ничего не выплеснулось. Продолжай варить, пока взявъ сего масла на палочку, увидишь, что оно начнетъ тянуться: тогда сними съ огня. Естьли же лакъ покажется надмѣру жидокъ, то подбавь резины, и продолжай кипѣтить на огнѣ. Сей лакъ противится горячей водѣ. Резина должна быть самая чистая, и надлежитъ дать ей кипѣть долгое время.

Лакъ, или вода золотоцвѣтная, для покрыванія дерева, железа и проч.

1. Возми самое свѣжее яицо, которое чтобъ было снесено въ тотъ день, и сдѣлавъ на немъ небольшую скважину, выпусти бѣлокъ, наполни яицо чрезъ ту же скважину составомъ изъ одной доли нашатыря и двухъ долей ртути, смѣшанныхъ вмѣстѣ, и тоненькою лучинкою просунувъ ее въ скважину, смѣшай съ желткомъ хорошенько; по томъ за-

лѣпи диру скорлупою и воскомъ, сверьхъ же воску налѣпи еще скорлупу на подобіе колпака, и положи сіе яицо въ лошадиной навозъ, скважиною въ верьхъ; оставь такимъ образомъ яицо въ навозѣ на двадцать или болѣе дней, по томъ вынь. Тогда найдешь въ яицѣ прекраснаго золотаго цвѣта жидкость, которую можешь развести съ камедною водою и употреблять.

2. Возми лимонной желтой корки, истолки оную хорошенько въ деревянной или каменной ступѣ, и смѣшай съ желтою мѣлко истертою сѣрою. Положи все сіе въ стеклянную плотно заткнутую бутылку, и поставь ее въ сырое мѣсто, какъ на примѣръ въ погребъ на восемь или десять дней. Тогда получишъ весьма красивую золотаго цвѣта краску, которую должно разогрѣть, когда захочешь употреблять.

Лакъ для бумаги.

Растопи на огнѣ часть резины,

съ тремя частями аспиднаго масла. Сего лака дается тонкой слой бумагѣ, которую должно прежде покрыть добрымъ клѣемъ весьма свѣтлымъ, и высушить въ тѣни.

Лакъ для воспрепятствованія Солнечнымъ лучамъ проходить сквозь стекло.

Натри стекло сбитыми яичными бѣлками, распустивъ въ нихъ гумми адраганту.

ЛЕГКІЙ СПОСОБЪ ВЫВОДИТЬ ЦЫПЛЯТЪ БЕЗЪ НАСѢДКИ.

Наполни двѣ подушки лошадинымъ каломъ, истолченнымъ въ мѣльчайшій порошокъ; прибавь къ тому куриныхъ малыхъ, мягкихъ и густыхъ перьевъ: положи яица на одну изъ подушекъ, обратя тѣльцомъ въ верьхъ, и покрой ихъ другою подушкою. Положи подушки въ теп-

лое мѣсто, оставь такъ на два дни не трогая: по томъ до двадцатаго дня переворачивай всякой день подушки, пока цыплята будутъ готовы вылупиться. Наконецъ съ девятнадцатаго до двадцать перваго дня разбивай скорлупы, и помогай выходить цыплятамъ; но поступая притомъ весьма осторожно, чтобъ ихъ не повредить.

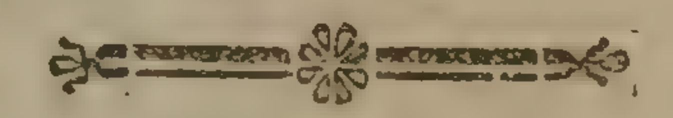

КАКЪ ИЗЛѢЧАТЬ КУРЪ ОТЪ ШОЛУДЕЙ.

Сія болѣзнь въ курахъ познается по тому, что перья начнутъ линять не въ обыкновенное время.

Для излѣченія куръ отъ сей болѣзни, должно стараться ихъ прохладить, давая имъ ѣсть листья латуковые, свекольные и капустные, мѣлко изрубленные и смѣшанные съ отрубями, смоченными нѣсколько водою. Должно также изъ роту прыс-

кать на больныя мѣста теплаго вина, и тотъ часъ послѣ сего высушивать ихъ на Солнцѣ, или противъ огня. Сіе должно продолжать до совершеннаго излѣченія.

ОТЪ ПЕРЕЛОМА НОГИ.

Когда курица переломитъ ногу; то не должно ни чемъ лѣчить, но оставить дѣйствовать натурѣ. Надлежитъ только сію курицу посадить въ особливое мѣсто, гдѣ бы не было ни какой нашести, дабы она взлѣтевъ на оную, и опершись на переломленную ногу, еще болѣе оную не повредила, и не замедлила бы тѣмъ исцѣленіе свое. Должно оставлять ея въ покоѣ, и чтобъ ни что не заставляло ея быть въ движеніи; и для того-то надобно посадить ея въ такое мѣсто, куда рѣдко ходятъ.

КАКЪ БѢЛИТЬ ХОЛСТИНУ ПО БРЕТАНСКОМУ МАНЕРУ.

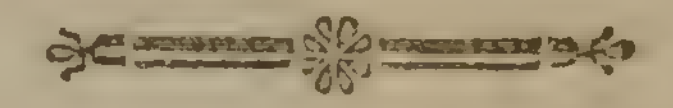
Когда полотно выдетъ изъ рукъ ткача, то должно положить его въ горячую воду, по томъ высушить, и выполоскать въ теплой водѣ: послѣ того обмакнуть въ коровій калъ, разведенной съ горячею водою, и оставить въ ономъ на сутки, наконецъ вымывъ въ горячей водѣ, разослать на лугу, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, и подержать дней пять или шесть на росѣ, а при Солнцѣ поливать, и по томъ положить въ щелокъ. Чрезъ восемь или десять дней полотно сдѣлается весьма бѣло.

БѢЛИТЬ ХОЛСТИНУ,
какъ то дѣлаютъ въ Голландіи.

Должно сперва вымыть холстину въ горячей водѣ; по томъ положить

ее въ щолокъ, составленной изъ весьма крѣпкой золы, съ кореньями *бузины* (*). Когда щолокъ стечетъ, и холстина вымостся въ чистой водѣ; то намыль ея чорнымъ мыломъ, разстели на дворѣ, не снимая и во время ночи, дабы роса на нее падала, а днемъ на Солнцѣ поливай; и держи такимъ образомъ семь или восемь дней: послѣ сего времени она будетъ весьма бѣла.

КАКЪ КРАСИТЬ СОЛОМУ ВЪ РАЗНЫЯ КРАСКИ.

Поелику изъ соломы дѣлаются разныя красивыя издѣлія, какъ то, стулья, шляпы, шитье и проч: то не противно, я думаю, будетъ найти здѣсь, какимъ образомъ красить оную.

Хотя всякаго рода солома годится для крашенія; но есть изъ нихъ иныя для сего удобнѣйшія и

(*) По Латинѣ самбукусъ гимилисъ.

лучшія, на примѣръ: ржаная солома лучше пшеничной, будучи длиннѣе и тонѣе оной, ячменная же есть изъ всѣхъ наилучшая, по тому, что стволы ея весьма длинны, тонки и широки; но нѣкоторые предпочитаютъ овсяную всѣмъ прочимъ. Должно выбирать солому для крашенія сухую, которая бы не была подъ дождемъ: ибо такая красивѣе и менѣе имѣетъ пятенъ. Самую большую должно беречь для бѣлаго цвѣта въ оттѣнкахъ.

Выключая блѣднолиловаго, другіе цвѣты не пристанутъ къ соломѣ безъ квасцовъ. И такъ надлежитъ начать тѣмъ, что истолокши квасцовъ, кипѣтить въ водѣ до тѣхъ поръ, пока они совершенно распустятся: по томъ сею водою облить солому, положа ея въ горшокъ, и оставить мокнуть до тѣхъ поръ, какъ она совершенно сею водою напитается; по томъ уже положить въ краску.

Горшокъ, для сего крашенія служащій, долженъ быть муравленой и новой, и чтобъ онъ прежде мокнулъ цѣлые сутки въ водѣ: а безъ сего онъ всю краску вберетъ въ себя.

Какъ красить солому въ красной цвѣтъ.

Возми сандалу, изрѣжь его въ маленькіе куски, вскипѣти его въ водѣ съ полчаса, пока вода вберетъ въ себя всю его краску, слѣй потомъ въ муравленой горшокъ, которой бы могъ выдерживать огонь; положи въ сей горшокъ солому, и вари по немногу на горячей золѣ, пока солома хорошенько выкрасится; ея можно сдѣлать гуще или блѣднѣе, смотря по времени, сколько ее въ краскѣ продержать: ибо чемъ долѣе она пробудетъ въ краскѣ, тѣмъ гуще будетъ ея цвѣтъ. Должно остерегаться, чтобъ высохнувъ солома, не потеряла своего цвѣта; и такъ для сего лучше долѣе оставить ея въ краскѣ.

Другой красной цвѣтъ. Поелику высушенный цвѣтъ болѣе подходитъ къ пунцовому, или огненному, нежели къ настоящему алому: то его и мало употребляютъ.

Для сдѣланія же отмѣннаго алаго цвѣта: возми канцелярнаго сѣмя, и мѣлко истолокши, кипѣти въ водѣ, пока вся краска извлечется изъ него; потомъ слѣй въ муравленой горшокъ, положа въ него солому, и вари на горячей золѣ пять или шесть дней безпрестанно, вынимая всякой день изъ горшка по нѣскольку соломинокъ, для разныхъ оттѣнокъ. Не должно забывать, что солома должна быть приготовлена, какъ выше сказано, съ квасцовою водою.

Густокрасный цвѣтъ.

Истереби лоскутокъ кармазиннаго сукна, потомъ намочивъ его водкою, поставь, пока оная гораздо окрасится: наконецъ положи въ сію водку солому, на столько времени, сколько то нужно будетъ.

Блѣднокрасный цвѣтъ.

Положи краснаго сандалу въ горячую воду на сутки; потомъ намочи въ ней солому: она сдѣлается весьма пріятнаго блѣднокраснаго цвѣта.

Розовый цвѣтъ.

Положи въ новой горшокъ красной шерсти, налѣй воды, смотря по количеству шерсти, и кипѣти до тѣхъ поръ, какъ шерсть потѣряетъ весь свой цвѣтъ. Тогда вынь ея изъ горшка лучинкою, и положи въ воду сію солому; прибавь немедлѣнно послѣ того не много лимоннаго соку: ибо безъ сего краска можетъ быть не пристанетъ къ соломѣ. Переворачивай часто солому, чтобъ она со всѣхъ сторонъ краскою напиталася.

Мясной цвѣтъ.

Вскипѣти другой разъ ту шерсть, которая служила для розовой краски: въ прочемъ поступай по вышеписанному.

Пурпуровый цвѣтъ.

Возми *орсели* (*), вскипѣти ея въ водѣ бѣлымъ ключемъ; потомъ положи въ нея солому на сутки: послѣ чего приметъ она красивый пурпуровый цвѣтъ.

Цвѣтъ персиковыхъ цвѣтовъ.

Возми орсели, и намочи ея въ теплой водѣ; потомъ положи туда солому, и не вынимай до тѣхъ поръ, пока окрасится она въ желаемой цвѣтъ.

Сѣрокрасный или гриделеновой цвѣтъ.

Возми соку изъ черники, и намочи въ немъ солому, приготовленную въ квасцовой водѣ, какъ выше сказано. Не нужно варить помянутую краску: ибо солома удобно оную принимаетъ холодную. Поелику сихъ ягодъ не во всякое время

(*) Сухое тѣсто, дѣлаемое изъ сѣмянъ конскаго щавелю и подсолнечника, съ уриною, или съ лимоннымъ сокомъ и известью. Красильщики употребляютъ сіе тѣсто на фіолетовую краску.

можно найти; то молодое виноградное вино, вытекающее изъ подъ пресса, можетъ служить вмѣсто оныхъ.

Тѣ, кои желаютъ имѣть солому разныхъ тѣней одного цвѣта, должны всякой день изъ краски вынимать по нѣскольку оной. Поелику же должно солому оставлять въ краскѣ пять или шесть дней, дабы она лучше могла окраситься; то всякой день можно по немногу вынимать. Симъ средствомъ получить можно пять или шесть тѣней одного цвѣта.

Желтый цвѣтъ.

Положи въ воду шафрану, и кипѣти, пока весь цвѣтъ изъ него вода вберетъ въ себя, слѣй ея въ муравленой горшокъ, положи въ него солому, и вари на горячей золѣ. Для извлеченія же изъ шафрана и прочихъ цвѣтовъ краски въ воду, надобно не болѣе получаса времени.

Цвѣтъ фіолетовой.

Сей цвѣтъ дѣлается изъ Индѣйскаго дерева, которое должно изрѣзать небольшими кусками, и вскипѣтить въ водѣ, пока краска вся изъ него выдетъ. Потомъ вливъ ея въ муравленой горшокъ, положи въ него солому, приготовленную съ квасцами, и вари на горячей золѣ. Когда же солому съ лишкомъ долго продержишь въ сей краскѣ; то она будетъ чернаго цвѣта: и такъ сія же самая краска можетъ служить и для чернаго цвѣта. Естьли же положить много сего дерева; то и въ короткое время солома сдѣлается черною. И такъ для сего должно наблюдать, чтобъ класть онаго по немногу вдругъ, до тѣхъ поръ, пока увидишь, что краска будетъ фіолетовою.

Варить солому на горячей золѣ, есть ничто иное, какъ положить раскаленной золы въ жаровню, и поставить на оную горшокъ съ соломою.

Нужно перемѣнять сію золу три или четыре раза въ день. Сей способъ варенія служитъ для всякаго цвѣта красокъ. Естьли горшокъ, въ которой положена краситься солома, не довольно высокъ, въ разсужденіи ея длины; то должно всякой день солому оборачивать, и естьли можно въ одно время, дабы одинъ конецъ больше другаго не окрасился.

Синій цвѣтъ.

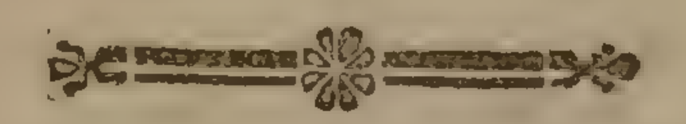
Взявъ сколь возможно болѣе соломы; натолки кубовой краски, разведи ее въ холодной водѣ, чтобъ она хорошенько распустилася; (полагая на кружку воды величиною съ два Грецкіе орѣха краски), намочи въ ней приготовленную съ квасцами солому, и вари на горячей золѣ. Естьли же положишь въ сію краску солому, окрашенную прежде въ желтую краску; то она приметъ прéизрядный зеленый цвѣтъ.

Отмѣнно красный зеленый цвѣтъ.

Возми яри Веницейской, распусти ея въ уксусѣ; потомъ подлѣй небольшой стаканъ виннаго спирта, или простой водки; положи въ оное приготовленную въ квасцахъ солому, и держи въ горячей золѣ: но берегись, чтобъ краска не закипѣла. Не худо закрыть горшокъ, въ коемъ положена будетъ краска, чтобъ винной спиртъ не выдохся.

ВЕСЬМА НУЖНОЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Не должно кипѣтить солому ни въ какой краскѣ, по тому, что она отъ сего сожмется и испортится, такъ, что сдѣлается негодною къ употребленію. Не должно даже, чтобъ краска, въ которую ея положишь, была надмѣру горяча.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ НАСТАВЛЕНІЯ, КАКЪ ГОТОВИТЬ РАЗНЫЯ КУШАНЬЯ. (*)

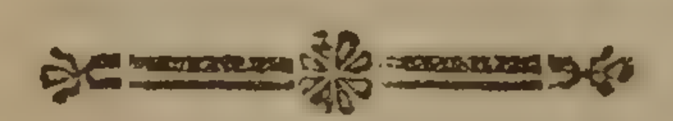
I.

ЗАДНЯЯ БАРАНЬЯ НОГА. a la sainte menehoult.

Нашпикуй баранью ногу вѣтчиннымъ жиромъ, петрушкою, лукомъ, ешалотомъ и базиликою, изрубивъ все оное

(*) Хотя поваренная статья по совѣту нѣкоторыхъ людей и была отмѣнена Издателемъ сея книги; но по требованію извѣстныхъ подписавшихся Особъ возобновляется. Издатель покорнѣйше проситъ сихъ Господъ, не взыскать на немъ, естьли по неопытности своей въ поваренномъ ремеслѣ, погрѣшитъ онъ въ техническихъ онаго терминахъ; и такъ же естьли встрѣтится здѣсь, можетъ быть, нѣсколько извѣстныхъ уже кушаньевъ: ибо онъ въ объявленіи о сей книгѣ не обязывался вымышлять новыхъ блюдъ, не имѣя къ тому нималой способности; въ чемъ да благоволятъ великодушно его простить, естьли паче чаянія причтется то ему въ вину.

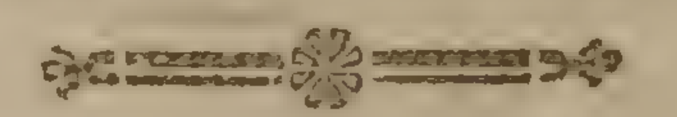
и пересыпавъ перцомъ и солью, вари на маломъ огнѣ, вливъ стаканъ воды; когда поспѣетъ, то возми жирную часть сего соуса и немного бульону, прибавь къ тому съ Грецкой орѣхъ масла стертаго съ мукою и два сырыхъ яичныхъ желтковъ: поставь сей соусъ на огонь, чтобъ онъ гораздо сгустился. Облѣй онымъ баранину, которую посыпь мякишемъ бѣлаго хлѣба; потомъ помажь или облѣй масломъ, чтобъ, поставя въ печь, приняла она хорошій цвѣтъ: подавай на столъ съ соусомъ, которой должно вылить на блюдо, не обливая онымъ верьхнюю часть баранины.

2.
ЦЫПЛЯТА СЪ ЦВѢТНОЮ КАПУСТОЮ.

Возми пару цыплятъ, которые бы были такъ велики, чтобъ годились

быть жарены на вертелѣ. Заправивъ ихъ какъ надлежитъ, вынь изъ нихъ печенку, изруби оную, и смѣшай съ коровьимъ масломъ, съ петрушкою и съ лукомъ, такъ же рубленными, положи соли и крупнаго перцу. Сею начинкою начини цыплятъ, положи ихъ на минуту въ кастрюлю, съ небольшимъ количествомъ масла, или свинаго сала; потомъ обернувъ ихъ въ тонкой слой вѣтчиннаго жиру, и въ напитанную масломъ бумагу, жарь на вертелѣ. Когда поспѣютъ, то положи ихъ на блюдо, и оклади цвѣтною капустою, которая была бы прежде сварена въ водѣ, съ малымъ количествомъ масла и соли. Наконецъ облѣй соусомъ, сдѣланнымъ изъ крѣпкаго бульону, въ которой положено величиною съ полъяица масла, не много соли, и крупнаго или зернистаго перцу, и варено на огнѣ не кипѣтя, и такъ подавай.

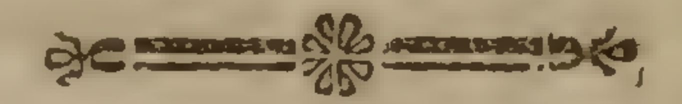

3.

ЦЫПЛЯТА СЪ СЫРОМЪ.

Вычисти и заправь пару цыплятъ, вправя имъ ноги внутрь, разрѣжь не много по спинкамъ, и расплюсни ихъ ножемъ. Подогрѣй ихъ не много съ масломъ въ кастрюлѣ; влѣй полстакана бѣлаго вина и столько же добраго бульону, положи петрушки, луку, половину лавроваго листка, базилики, не много соли и крупнаго перцу. Вари часъ на тихомъ огнѣ, чтобъ отнюдь не кипѣло, но только прѣло; потомъ вынь изъ кастрюли цыплятъ, и положи въ соусъ величиною съ Грецкой орѣхъ коровьяго масла, смѣшаннаго съ доброю щепотью муки. Поваря не много, возми блюдо, на которомъ подавать, влѣй во оное часть сего соуса, и сверьхъ соуса насыпь теотаго сыру пармезану. Положи на оное цыплятъ, облѣй ихъ остальнымъ соусомъ и осыпь такимъ же количествомъ сыру, сколько всы-

пано онаго было подъ исподъ. Поставь блюдо на самой тихой огонь, и покрой крышкою съ кастрюли, положивъ на оной жару; когда цыпляята получатъ хорошій золотый цвѣтъ, и мало останется соусу: то подавай на столъ горячимъ. Ежели сыръ самъ по себѣ солонъ; то не должно класть въ сіе кушанье при вареніи соли.

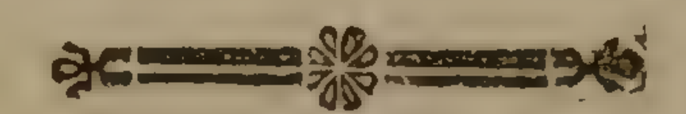

4.
ЦЫПЛЯТА ВЪ КОРОБКАХЪ.

Очисти и заправь пару цыплятъ, какъ выше сказано. Оставь крылья, расплюсни не много цыплятъ, положи въ какую нибудь посудину петрушки, луку, ешалотовъ (*), чесноку, (нерубленыхъ, но цѣлыхъ), хорошаго Прованскаго масла, соли и крупнаго перцу; положи въ сіе цып-

(*) Родъ луку, которой, не знаю по чему, называютъ у насъ по большой части шарлотами.

лятъ, и дай имъ напитаться запахомъ всего онаго. Потомъ сдѣлай изъ бумаги коробку, положи въ нее цыплятъ со всѣми ихъ приправами, и покрой ихъ вѣтчиннымъ жиромъ и бумагою. Вари ихъ тихимъ огнемъ на желѣзной рѣшеткѣ; когда поспѣютъ, то снявъ травы и вѣтчинной жиръ, подавай на столъ въ коробкѣ, обливъ цыплятъ небольшимъ количествомъ лимоннаго сока, или ренскаго уксуса.

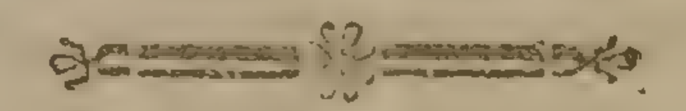

5.
ЯИЦА СЪ ЧЕСНОКОМЪ.

Возми десятокъ чесношныхъ головокъ, повари ихъ минутъ восемь въ водѣ, потомъ истолки съ двумя анчоусами (*), доброю щепотью каперцовъ, послѣ подлѣй Прованскаго масла, не много уксусу, не много

(*) Правильно должно называть анцофиши.

соли и крупнаго перцу; смѣшавъ все сіе хорошенько съ помянутымъ чеснокомъ, выложи въ соусникъ, или на блюдо, а на верьхъ положи нѣсколько вареныхъ въ густую яицъ облупленныхъ, и ежели разсудишь, разрѣзанныхъ по поламъ, и такъ подавай.

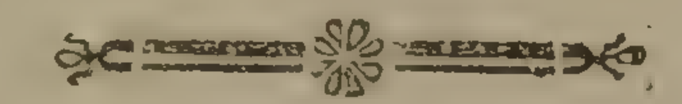

6.

ЯИЦА ЖАРЕНЫЯ НА РѢШЕТКѢ.

Возми большой листъ бѣлой бумаги и разрѣжь на восемь равныхъ четвероугольниковъ, кои сложивъ каждой въ двое, надѣлай изъ нихъ коробочекъ, вымажь ихъ снаружи и внутри коровьимъ масломъ; потомъ взявъ доброй кусокъ масла, смѣшай оное съ полгорстью тертаго бѣлаго хлѣба, съ петрушкою, лукомъ, чеснокомъ, солью и крупнымъ перцомъ, и положи все сіе въ бумажныя твои коробочки въ каждую, потомъ изъ

оныхъ выпусти по одному яицу, приправь съ верьху не много мѣлкою солью и крупнымъ перцамъ, и на рѣшоткѣ жарь тихимъ огнемъ, потомъ прижги раскаленною желѣзною лопаткою. Подавай въ коробочкахъ, наблюдая, чтобъ желтки были не густы и не жидки, но какъ называютъ *въ мешечекъ*.

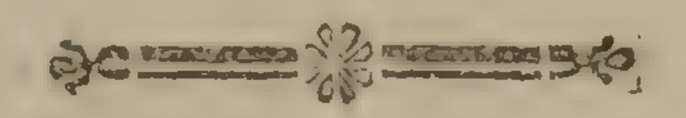
7.

КАКЪ СОЛИТЬ ВѢТЧИНУ ОТМѢННЫМЪ ОБРАЗОМЪ.

Сдѣлай росолъ съ солью, селитрою и всякими душистыми травами, какъ то: тминъ, базилика, лавровой листъ, мята, маіоранъ и проч, которыя смочи водою, по поламъ съ дрождями винограднаго вина. Всѣ сіи травы положи на сутки въ росолъ, потомъ процѣди въ оной, положи въ него вѣтчину на двѣ недѣли.

Послѣ сего времени вынь вѣтчину изъ росола, дай ей хорошенько отпечь, и обтеревъ сухо, повѣсь коптить.

Когда вѣтчина прокоптится, то для сбереженія оной, натри ее дрождями или гущею винограднаго вина, и уксусомъ, и засыпь золою.

8.

КАКЪ ВАРИТЬ ВѢТЧИНУ.

Положи окорокъ дни на два въ воду, чтобъ онъ хорошенько вымокъ, потомъ завернувъ его въ чистую тряпку, положи въ котликъ, которой былъ бы не ширѣ окорока. Влѣй двѣ бутылки воды, и столько же краснаго вина, положи огородныхъ кореньевъ, луку и пукъ всякаго рода душистыхъ травъ: вари пять или шесть часовъ на весьма тихомъ огнѣ.

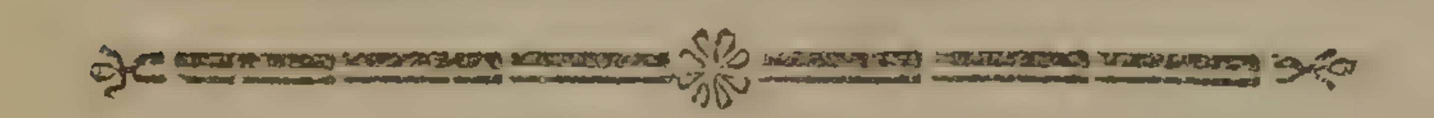
Когда поспѣетъ, то дай простынуть исподоволь; потомъ вынь и бережно сними кожу, не трогая жиру. Сверьхъ жиру насыпь мѣлко изрубленной петрушки, съ малымъ количествомъ перцу, и потомъ посыпь тертымъ бѣлымъ хлѣбомъ, прижги раскаленною лопаткою, и подавай холодное на салфеткѣ.

Продолженіе впредъ.

СТАТЬЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ.

О ДОБРОМЪ И ХУДОМЪ ВОСПИТАНІИ ДѢВИЦЪ.

Два письма, кои я намѣренъ здѣсь включить, содержатъ въ себѣ самую важную матерію, хотя писаны онѣ и не надмѣру важнымъ слогомъ.

Г. Зритель.

„Я осмѣливаюсь просить вашего совѣта, касательно одной молодой дѣвицы, моей родственницы, которая не давно пріѣхала сюда изъ деревни, и коея воспитаніе поручено моему попеченію. Она очень хороша собою; но такъ нова, что вы представить себѣ не можете. Она и теперь въ томъ же самомъ состояніи, въ которое природа ее поставила, то есть,

безъ всякаго воспитанія. Когда я на нее погляжу, то всегда вспомню ту пригожую Американку, о которой вы въ одномъ изъ вашихъ листовъ говорили. И такъ я покорнѣйше васъ прошу Государь мой помочь мнѣ, учинить ея чувствительною къ пріятности свѣтскихъ разговоровъ, и къ нѣмому краснорѣчію щегольскихъ ухватокъ, которыя ей совершенно не знакомы. У ней только одинъ языкъ служитъ къ выраженію, и она бѣдняшка говоритъ всегда то, что думаетъ. Глаза свои употребляетъ она только на то, чтобъ смотрѣть, и ни какого понятія не имѣетъ о ихъ языкѣ. Мнѣ кажется, что вы болѣе всѣхъ способны къ наученію ее сему. Уже два мѣсяца, какъ я учу ся вздыхать, хотя она и ни малой къ тому причины не имѣетъ, и улыбаться даже и тогда, когда она не весела; но мнѣ стыдно признаться, что она по сіе восмя не сдѣлала почти ни малаго успѣха

въ сей наукѣ. Сверхъ того, она въ теперешнихъ своихъ лѣтахъ столь же мало имѣетъ способности ходить какъ тогда, когда она была по другому году. Вы разумѣете, что я хочу сказать о той легкой и правильной выступкѣ, которая составляетъ родъ каданса, придаетъ намъ примапчивый и свободный видъ, и составляетъ въ походкѣ то, что декламація въ разговорѣ. Я не могу похулить ея въ семъ недостаткѣ, ибо она не имѣетъ уха, и походка ея стремится только къ перемѣненію мѣста. Я могла бы такъже ее извинить и въ томъ, что она въ бѣседахъ краснѣетъ, естьли бы она могла извлекать изъ того какую ни будь себѣ пользу, и естьли бы сей случай не похищалъ у ней красоты ея тѣни.

Я слышала Г. м. что вы видѣли большой свѣтъ, и почитаетесь совершеннымъ судіею во всемъ томъ, что лежитъ до совершеннаго или моднаго воспитанія. Для того-то я

желаю, чтобъ вы снабдили меня вашими благоразумными совѣтами, въ пользу молодой моей родственницы; и естьли вы мнѣ сдѣлаете сію милость, то можетъ быть я къ вамъ же прибѣгну, когда придетъ время выбирать для нее супруга: но я не скрою отъ васъ, что все ея приданое состоитъ въ красотѣ и въ воспитаніи, котораго она еще ни крошки не имѣетъ. Я есмь и прочая.,,

Селимена.

Государь мой!

,,Посдику Селимена заставила меня запечатать ея письмо, и поручила къ вамъ оное доставить, то я беру смѣлость просить васъ, чтобъ вы помыслили, о чемъ она къ вамъ пишетъ, тѣмъ болѣе, что мысли наши не много не сходны о сей матеріи: что до меня касается, то я будучи человѣкъ грубый и не обдѣланный, боюсь, чтобъ сія молодая дѣвушка не была ею испорчена. Сдѣ-

лайте же милость Г. м. скажите намъ, какія мысли имѣете вы о сей прекрасной вещи, которую называютъ нынѣ *моднымъ воспитаніемъ*; я ожидаю по крайней мѣрѣ, что оное различествуетъ весьма отъ сей простой вещи, которую называютъ по просту безъ затѣй *хорошимъ воспитаніемъ*. Я есмь и проч.,,

Погрѣшность, въ которую впадаютъ вообще, въ разсужденіи воспитанія, состоитъ въ томъ, что излишнѣе прилагаютъ стараніе о наружности дѣвицъ, а о умѣ ни мало не пекутся; вмѣсто того, что мальчиковъ стараются обогащать свѣдѣніями, а о внѣшности ихъ не радятъ (*). Отъ сего-то произходитъ, что молодая дѣвушка бываетъ предметомъ удивленія всѣхъ блиста-

(*) Читателей просятъ не забыть, что здѣсь дѣло идетъ о воспитаніи Агглинскомъ, а не о Россійскомъ; но поелику сіе можетъ и нѣкоторымъ изъ нашихъ земляковъ пригодиться, то для того здѣсь и помѣщается.

тельныхъ собраній, въ коихъ она находится, между тѣмъ, какъ большой ея братъ боится въ оныхъ показаться. Отъ сего-то происходитъ равномѣрно и то, что иной мущина прожилъ половину своего вѣка, не будучи извѣстенъ въ свѣтѣ, и что женщина выходитъ уже изъ моды, будучи еще въ лучшемъ цвѣтѣ своея жизни. Но я намѣренъ въ семъ листѣ говорить только о дѣвицахъ, поелику дамы жалуются уже на мое, въ разсужденіи ихъ, молчаніе. Едва только отнимутъ дѣвочку отъ груди, то предадутъ ее въ руки танцмейстера, прежде, нежели она можетъ имѣть какое либо понятіе о малѣйшей вещи. Танцмейстеръ мучитъ ея, старается придать ей нѣкую смѣшную важность, пріучить закидывать назадъ голову, надувать грудь и двигаться всѣмъ тѣломъ, какъ выпускная кукла; и угрожаетъ ей, что она ни когда не найдетъ жениха, естьли будетъ не

по его образцу смотрѣть, ходить или двигаться. Все сіе причиняетъ великое затрудненіе младому уму сей дѣвочки, которая всѣми силами старается добраться, что будетъ произходить между ею и мужемъ ея, о коемъ ей столь часто твердятъ, и для коего, кажется, ея только и воспитываютъ. Сіе побуждаетъ ея устрѣмить все усиліе своего воображенія на внѣшнія украшенія; поелику они-то должны рѣшить счастіе ея или несчастіе въ свѣтѣ. Она даже ласкаетъ себя, что ежели будетъ имѣть стройной станъ, то довольно будетъ способна ко всему тому, къ чему воспитаніе ея подаетъ ей поводъ думать, что она назначена. Единственная цѣль ея родителей состоитъ въ томъ, чтобъ учинить ея пріятною женщиною; всѣ ихъ издержки, всѣ старанія на семъ одномъ кончатся; и сему-то дурачеству отцовъ и матерей обязаны мы тѣмъ великимъ числомъ

прелѣстницъ. Сверьхъ того, сіи разсужденія приводятъ меня въ недоумѣніе, какъ и что присовѣтовать мнѣ, касательно той молодой дѣвицы, о которой дѣло идетъ въ предъидущихъ двухъ письмахъ. Но есть конечно тутъ средина. Не должно пренебрегать совсемъ внѣшнимъ видомъ; но главныя старанія надлежитъ обратить къ образованію и обогащенію ея ума.

Клеомира танцуетъ со всевозможною пріятностію: но чистота души ея придаетъ взорамъ ея такую непорочность, что зрители любятъ ея и удивляются прелѣстямъ ея, не чувствуя въ себѣ никакихъ безчестныхъ желаній, и она не производитъ ни малой искры надежды въ самыхъ развращенныхъ воображеніяхъ. Истинная въ семъ тайна состоитъ въ томъ, чтобъ сколь можно стараться усовершенствовать и тѣло и душу, и сдѣлать такъ, естьли льзя, чтобъ тѣлодвиженія

слѣдовали мыслямъ разума, а чтобъ не душа занималася тѣлодвиженіями.

РАЗСУЖДЕНІЕ О НѢКОТОРЫХЪ ДВОРЯНАХЪ, ПРОМАТЫВАЮЩИХЪ БЕЗЪ ПРИЧИНЫ СВОЕ ИМѢНІЕ, И ВХОДЯЩИХЪ ВЪ НЕОПЛАТИМЫЕ ДОЛГИ.

На прошедшей недѣлѣ проходя чрезъ одни Лондонскіе ворота, называемые *людгатъ*, услышалъ я человѣка просящаго изо всей силы милостины, и коего голосъ показался мнѣ знакомъ; когда я подошелъ къ рѣшеткѣ, то онъ назвалъ меня по имени, и униженно просилъ, чтобъ я изъ милости подалъ что нибудь бѣднымъ заключеннымъ. Я не могъ воспрепятствовать себѣ, чтобъ не помыслить о странномъ расположеніи нѣкоторыхъ людей и о подлости, которую они оказываютъ во всякомъ состояніи: я исполнилъ его

прозьбу, и будучи пристыженъ за него, положилъ въ кружку полъефимка. Тотъ, которой просилъ у меня милостины, есть человѣкъ лѣтъ пятидесяти; мы до дватцатипятилѣтняго возраста были съ нимъ очень знакомы, и тогда досталося ему богатое наслѣдство послѣ одного изъ его родственниковъ. Какъ скоро онъ получилъ сіе имѣніе, то и вдался во всякую роскошь; сдѣлался грубъ противъ своихъ начальниковъ, и нaглъ до безчинства съ подчиненными; часто бранился съ пьяницами, проламывалъ головы мальчикамъ, кои цѣдятъ вино въ тракгирахъ, богатырничалъ, и ругался какъ извощикъ. Та же самая низкость души, которая въ изобиліи учиняла его грубымъ и гордымъ, сдѣлала его въ бѣдности подлымъ и безстыднымъ. Какъ бы то ни было, сей поступокъ понудилъ меня разсмотрѣть вообще состояніе, въ которомъ находятся тѣ, кои вощли

въ неоплатимые долги, какого сложенія люди наиболѣе способны ввергаться въ сей безпорядокъ, и какое нещастіе стѣнать подъ толь тягостнымъ бременемъ. Что до меня касается, коего природное отвращеніе отдаляетъ отъ всякой шумной жизни, съ коимъ большая часть людей стараются имѣть обхожденіе, я не подверженъ былъ большимъ издержкамъ; всѣ мои дѣла заключаются въ весьма тѣсномъ кругу; и имѣю въ своей деревнѣ честнаго человѣка, сбирающаго со всякою точностію малые мои доходы, и которой каждую треть года исправно мнѣ оные доставляетъ. Когда онъ мнѣ приноситъ написанную квитанцію, то я только что принимаю трудъ подписать оную. Сверьхъ того я имѣю довольное количество хорошаго бѣлья, какъ то: рубашекъ, галстуковъ, чулковъ и платковъ, на которыхъ на всѣхъ поставлены номѣра; и я всегда записываю бѣлье,

полученное мною или отдаваемое прачкѣ. Такимъ образомъ дѣла мои, не причиняя мнѣ почти ни какой заботы, оставляютъ мнѣ много свободнаго времени на примѣчаніе роскоши другихъ, въ екипажахъ ихъ и въ прочихъ лишнихъ издержкахъ.

Когда я прогуливаюсь по улицамъ Лондонскимъ, то не удивляюсь тѣмъ трудамъ, кои принимаютъ на себя люди, для возвышенія своего, или обогащенія; но удивленіе мое не имѣетъ предѣловъ, когда я вижу, что люди не боятся входить въ долги. По сему бы можно заключить, что человѣкъ, занимающій деньги, не вѣдаетъ, что естьли не заплатитъ въ срокъ, то заимодавецъ его имѣетъ право на его честь, свободу и имѣніе, смотря по суммѣ, которою онъ ему долженъ. Можно подумать, что онъ не знаетъ, что его заимодавецъ можетъ безъ клеветы сказать, что онъ безчестной человѣкъ, и можетъ

посадить его въ тюрьму, не нанеся ни какой не справедливой обиды. Но не смотря на все сіе, есть люди столько самимъ себѣ недоброжелательствующіе, что могутъ они жить въ семъ безпрестанномъ страхѣ, и всякой день прибавляютъ причину онаго. Можетъ ли быть состояніе подлѣе и порабощеннѣе сего, какъ не смѣть смотрѣть въ глаза человѣку? Сіе-то, однако же, есть самое состояніе, въ коемъ находится иногда должникъ противъ двадцати человѣкъ. Кромѣ того можетъ случиться, что и самой честной человѣкъ задолжаетъ, поступивъ не осторожно въ какомъ либо важномъ случаѣ своея жизни, какъ то, или поручась по комъ нибудь, или въ подобномъ тому случаѣ; но сіи примѣры рѣдки.

На одного такого должника можно смѣло класть по десяти человѣкъ такихъ, кои для поддержанія пышности своего екипажа и дома

сохнутъ и блѣднѣютъ онѣ стоя, чтобъ докучливые ихъ заимодавцы не постучалися у воротъ. Должникъ есть преступникъ заимодавца, а судьи не имѣютъ иной власти, какъ только для осужденія его. Самая даже польза общежитія требуетъ того; и естьли должникъ и пользуется свободою, то онъ не менѣе за то долженъ своему заимодавцу; какъ смертоубійца Государю своему, которой его прощаетъ.

Наши Дворяне почти всѣ должны, (*) и есть нѣкоторые фамиліи, въ коихъ сіе несчастіе учинилося, какъ бы наслѣдственнымъ, и продолжается отъ одного поколенія къ другому. Отецъ закладываетъ свое имѣніе, съ самаго еще младенчества большаго своего сына, и сей какъ скоро придетъ въ совершенныя лѣта, то женится, дабы выкупить свои помѣстья, и найти средство

(*) Сіе сказано о Аглинскихъ Дворянахъ, а не о Россійскихъ.

дать приданое сестрамъ своимъ. Сiе однако же непрепятствуетъ ему вдаваться въ разные безпорядки съ непотребными женщинами, держать опкрытой столъ, и кормить сотни двѣ собакъ и лошадей, яко истинный Аглинскій дворянинъ, до тѣхъ поръ, пока заложитъ онъ половину своего недвижимаго имѣнія. Сiе кончится тѣмъ, что онъ оставитъ своему наслѣднику тотъ же самой долгъ, которой ему самому послѣ отца достался, и которой переходитъ отъ отца къ сыну, до тѣхъ поръ, пока родится въ сей фамилiи человѣкъ развратнѣйшiй всѣхъ прежнихъ, которой промахнетъ все наслѣдство, или такой человѣкъ, которой разсудитъ здраво, что владѣть имѣнiемъ пополамъ съ заимодавцами, исторгнетъ оное изъ рукъ ихъ, посредствомъ благоразумнаго хозяйства.

ПЕРВОЕ ВИДѢНІЕ МИРЗЫ О КРАТКОСТИ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.

Я имѣю у себя многія восточныя рукописи, кои попалися мнѣ въ руки во время пребыванія моего въ Великомъ Каирѣ; у одной изъ нихъ стоитъ въ заглавіи: *видѣнія Мирзы*, и которую я прочиталъ съ великимъ удовольствіемъ. Мнѣ вздумалось сообщить оныя публикѣ, и я начну перьвымъ видѣніемъ, которое преложилъ я въ нижеслѣдующихъ словахъ.

Въ пятой день Луны, которой есть праздникъ, всегда наблюдаемый по обычаю моихъ предковъ, омывъ тѣло мое, и принеся утреннюю молитву, пошелъ я на высокія горы Багдадскія, для препровожденія тамъ остальной части дня въ молитвѣ и созерцаніи. Пришедъ къ вершинѣ, сѣлъ я, и размышляя со вниманіемъ о тщетѣ жизни человѣческой, говорилъ самъ въ себѣ: *безъ сомнѣнія*,

человѣкъ есть ничто иное, какъ тѣнь, а жизнь его одинъ сонъ. Обративъ глаза на вершину каменной горы, близь меня находящейся, усмотрѣлъ я на ней человѣка въ пастушьемъ платьѣ, у коего былъ въ рукахъ нѣкоторой музыкальной инструментъ, и онъ какъ скоро меня увидѣлъ, то началъ наономъ играть. Звукъ сего инструмента былъ столь пріятенъ, что я ничего тому подобнаго въ жизни моей не слыхивалъ. Сіе привело мнѣ на мысль тѣ божественные концерты, кои играются при вшествіи въ рай добродѣтельныхъ душъ, и служатъ къ истребленію въ нихъ послѣднихъ страховъ смерти, и къ приведенію въ состояніе вкушать утѣхи сего блаженнаго жилища. Однимъ словомъ, я былъ почти въ восторгѣ.

Слухъ носился уже съ давнаго времени, что нѣкій духъ почасту бываетъ на сей горѣ, и что многіе люди, слышавшіе Гармоническія его

пѣсни, не видали ни когда его самаго. Какъ бы то не было, сей духъ возвыся и настроя умъ мой къ наслажденію очаровательными его рѣчами, сдѣлалъ мнѣ знакъ рукою, чтобъ я къ нему приближился. Я съ почтеніемъ ему повиновался, и имѣя сердце исполненное его сладостными звуками, бросился къ его ногамъ. Онъ воззрѣвъ на меня усмѣхнулся, съ видомъ толь ласковымъ и сострадательнымъ, что въ одно мгновеніе ока разсѣялся объявшій меня страхъ. Потомъ простря ко мнѣ руку, чтобъ меня поднять, сказалъ мнѣ слѣдующее: *Мирза, я слышалъ произнесенныя тобою слова, шествуй за мною.*

Тогда повелъ онъ меня на самую вершину каменной горы, и остановясь тамъ, сказалъ мнѣ: обрати глаза къ Востоку и скажи мнѣ, что ты видишь? Я вижу, отвѣчалъ я, большую долину, и великій потокъ воды чрезъ оную протекающій.

долина, тобою видимая, примолвилЪ онЪ, есть долина скорби, а сей потокЪ составляетЪ часть неизмѣримаго Океана вѣчности. ОтЪ чего это, спросилЪ я, вода сія выходитЪ сЪ одного конца изЪ густаго тумана, а вЪ другомЪ теряется она вЪ мрачныхЪ облакахЪ? То, что ты видишЪ, отвѣчалЪ онЪ мнѣ, есть та часть вѣчности, которую называютЪ временемЪ, она измѣряется по теченію Солнца, и должна продолжиться до скончанія міра. Разсмотри теперь, продолжалЪ онЪ, сіе море, ограниченное сЪ обѣихЪ концовЪ тьмою, и скажи мнѣ, что ты на ономЪ увидишЪ? Я вижу, сказалЪ я, мостЪ лежащій по срединѣ онаго. Сей мостЪ, сказалЪ онЪ мнѣ, есть жизнь человѣческая, разсмотри его поприлѣжнѣе. ОсмотрѣвЪ внимательно мостЪ, я счелЪ, что вЪ немЪ находилося семдесятЪ цѣлыхЪ сводовЪ, и многіе разломанные, кои всѣ вмѣстѣ составляли болѣе ста сводовЪ. Когда я

щиталъ своды, то духъ мнѣ сказалъ, что оныхъ съ начала было до тысячи, но что потопомъ снѣсло большую часть, а мостъ остался въ томъ разоренномъ состояніи, въ коемъ ты видишь его. Но, примолвилъ онъ, не видишъ ли ты еще чего? Я вижу, сказалъ я, множество народа, идущаго по сему мосту, и мрачныя облака съ того и другаго края. Я увидѣлъ сверьхъ того великое число прохожихъ, кои падали съ моста въ воду, и примѣтилъ множество скрытныхъ западней, на кои когда только ступали они ногою, то мгновенно проваливалися и изчезали. Сіи западни были столь многочисленны при входѣ на мостъ, что изъ сей толпы народа, изъ облака выходящаго, большая часть при первомъ шагѣ проваливалася. Западни къ срединѣ были не столь многочисленны, но къ концу цѣлыхъ сводовъ онѣ опять умножалися. Въ прочемъ весьма только малое число людей ступали хромая

по испорченнымъ сводамъ, но утомясь отъ столь труднаго шествія, упадали одинъ за другимъ въ недра сего пространнаго океана.

Я смотрѣлъ со вниманіемъ на сіе удивительное строеніе, и на ту великую разнообразность предметовъ, которые мнѣ на онъмъ представлялися; какъ сталъ объятъ глубочайшею печалію и задумчивостію, видя толикое число людей погибающихъ по среди радости и утѣхъ, и кои хваталися за все ихъ окружающее, для спасенія своей жизни. Нѣкоторые смотря на небо съ весьма задумчивымъ видомъ, изчезали вдругъ по среди своихъ размышленій. Великое множество другихъ, бѣгало съ невѣроятною горячностію за небольшими пузырями, надутыми воздухомъ, которые блистали въ ихъ глазахъ, и прыгали предъ ними; но когда они были готовы ихъ поимать, то споткнувшись, черезъ голову, летѣли въ низъ. Не смотря на сію

разнообразность предметовъ, кои причиняли нѣкоторую смѣшенность; я увидѣлъ нѣсколько людей съ мѣчами, а другихъ съ пузырьками въ рукѣ, кои ходили по мосту, то въ ту, то въ другую сторону, и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, сталкивали съ онаго въ западни великое множество людей, кои, казалося, не на своей были дорогѣ, и которую бы они могли избѣжать, естьли бы не принудили ихъ перемѣнить путь.

Когда духъ примѣтилъ, что я съ горестію смотрѣлъ на сіе печальное позорище, то велѣлъ мнѣ собратить съ онаго мои глаза, и посмотрѣть, нѣтъ ли чего инаго, чего бы я не разумѣлъ. По чему я и спросилъ его, что значатъ сіи великія стада птицъ, лѣтающія около моста, и садящіяся иногда на оной; что значили сіи враны, гарпіи, коршуны, чайки, а особливо маленькіе крылатые мальчики, кои въ великомъ множествѣ садилися на

средніе своды моста. Сіи птицы, отвѣчалъ онъ мнѣ, суть: суевѣріе, скупость, отчаяніе и любовь, со всѣми прочими страстями и заботами, грызущими сердца человѣковъ.

Увы! возопилъ я воздыхая, по сему человѣкъ въ тунѣ былъ созданъ, когда преданъ онъ горестямъ во время жизни, и поглощается смертію. Духъ, подвигнутый ко мнѣ сожалѣніемъ, сказалъ мнѣ, чтобъ я не смотрѣлъ болѣе на людей, въ первыхъ явленіяхъ ихъ существованія, когда они идутъ по дорогѣ къ вѣчности; но чтобъ обратилъ я глаза на то мрачное облако, къ коему влеклися потокомъ разныя порожденія людей. Я повиновался его приказанію, и послику, онъ, или укрѣпилъ мое зрѣніе чудеснымъ образомъ, или разсѣялъ нѣсколько мрачность сего облака, коего глаза мои не могли прежде проникнуть, увидѣлъ я, что долина съ сей стороны разверзлась, и простиралась въ

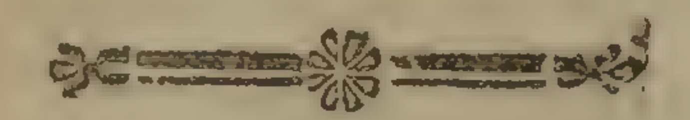
видѣ пространнаго океана, чрезъ средину коего лежала большая алмазная гора, раздѣляющая его на двѣ равныя части; но одна осталася погруженною въ тьмѣ, гдѣ я не могъ ни чего увидѣть, между тѣмъ, какъ другая показалася мнѣ усѣянною безчисленными островами, кои были покрыты цвѣтами и плодами, и окружены водою, подобно чистѣйшему хрусталю. Я усмотрѣлъ тамъ людей, одѣтыхъ великолѣпно, съ цвѣточными на головахъ вѣнцами, они прогуливались подъ деревьями, отдыхали на берегахъ источниковъ, или на розовыхъ ложахъ. Я услышалъ тамъ, въ то же самое время, смѣшанное пѣніе птицъ, шумъ водопадовъ, человѣческихъ голосовъ и музыкальныхъ орудій, такъ, что отъ того сердце мое наполнилось радостію, при видѣніи и слышаніи столь пріятнаго явленія. Я желалъ бы тогда имѣть крылья орлиныя, дабы прелетѣть немедленно въ сіе блаженное

жилищѣ; но духъ сказалъ мнѣ, что человѣку не льзя туда проникнуть иначе, какъ чрезъ врата смерти, коя во всякое время на мосту отверзалися. Острова, говорилъ онъ, кои ты видишь столь зеленеющимися и пріятными, и кои покрываютъ всю поверьхность океана, суть многочисленнѣе песку морскаго; ибо кромѣ тѣхъ, кои ты можешь видѣть, находится ихъ еще нещетное множество, и болѣе, нежели твое воображеніе можетъ представить. Сіе-то есть жилище, уготованное праведнымъ по смерти, кои, смотря по добродѣтелямъ своимъ, раздѣляются по симъ островамъ, изъ коихъ каждый есть рай, изобилующій всѣми утѣхами, кои соразмѣряются со вкусами и свойствами, насѣляющихъ оные. Не достойно ли сіе жилище, *Мирза*, чтобъ ты употребилъ всѣ старанія, и приложилъ всѣ труды къ сниcканію онаго? Теперь жизнь кажется ли тебѣ бѣдственною, когда

снабжаетъ она тебя случаемъ удостоиться столь великаго возмѣздія? Долженъ ли ты бояться смерти, чрезъ кою проходишъ ты къ столь блаженному состоянію? И такъ не думай, что человѣкъ созданъ только для единаго страданія: поелику долженъ онъ наслаждаться вѣчною славою, лишъ бы только онъ своею добродѣтелію сдѣлался оныя достойнымъ.

Насладясь неизглаголаннымъ удовольствіемъ, при видѣ сихъ блаженныхъ острововъ, умолялъ я добраго духа, сказать мнѣ, что находилося на другой сторонѣ алмазной горы, которая казалася покрытою ужасною тьмою. Онъ не отвѣчалъ мнѣ на то ни слова, и когда я повторилъ мою прозьбу, то примѣтилъ, что онъ изчезъ. И такъ я обратилъ глаза къ тѣмъ предметамъ, кои прежде занимали мое вниманіе; но вмѣсто океана, моста и острововъ увидѣлъ только пространную долину Багдад-

скую, на коей разсѣяны были быки, овцы и верблюды, ядущіе по холмамъ жирную траву.

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ СЛАВНѢЙШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

О БЕЗБОЖІИ.

Можно противъ аѳеистовъ или безбожниковъ сказать, и сіе есть неоспоримое и очевидное правило, что слѣпой случай не можетъ никогда дѣйствовать одинаково и постоянно, какъ мы примѣчаемъ въ движеніи вселенныя.

Естьли бы бросали всегда одно число десятью тысячами костей, или естьли бы каждое бросаніе превосходило предъидущее пятью очками, или было бы пятидесятью мень-

ше; то кто бы не сказалъ, что какая либо невидимая сила управляетъ бросаніемъ костей? Но гораздо вѣроятнѣе думать, что сто миліоновъ металныхъ косточекъ, случайно бросаемыхъ, лягутъ сто миліоновъ разъ однимъ числомъ, нежели представить себѣ, что бы тѣло какого либо животнаго могло быть организовано единымъ нечаяннымъ стеченіемъ частицъ вещества. Но хотѣть, чтобъ самой тотъ же слѣпой случай находился въ безчисленномъ множествѣ примѣровъ, есть такое безуміе, которому нѣтъ подобнаго.

Платонъ, Греческій Философъ утверждаетъ, что еще ни одинъ человѣкъ не состарелся въ томъ мнѣніи, что нѣтъ Бога.

Я всегда буду увѣренъ въ томъ, что часы доказываютъ часоваго мастера, а вселенная Бога.

Волтеръ.

Гражданскіе законы осуждали въ разныхъ странахъ нѣкоторыхъ аѳеистовъ на смерть; но законы, кои бы ихъ наказывали какъ безумныхъ, гораздо, по мнѣнію моему, были бы благоразумнѣе. Есть такія преступленія, въ наказаніи коихъ презрѣніе и посмѣяніе еще нужнѣе строгости; и сіе кажется мнѣ, надмѣру много дѣлать чести аѳеистамъ, осуждая ихъ на смерть, какъ людей опасныхъ. Мнѣнія ихъ столь безразсудны, что они не заслуживаютъ инаго наказанія, какъ быть посаженными въ домъ безумныхъ.

О МИЛОСТИНѢ или ПОДАЯНІИ.

Щедрость и милостина суть, мнѣ кажется, тайна, изобрѣтенная самимъ Богомъ, дабы злато и сребро имѣли нѣчто драгоцѣннаго въ глазахъ истиннаго Христіянина. Должно быть весьма безразсудну, дабы лишать себя чрезъ свое жестокосер-

діе сладчайшаго плода земныхъ богатствъ, кои безъ удовольствія, отъ вспоможенія бѣднымъ произходящаго, должны бы казаться презрѣнія достойными, и никакой цѣны не имѣющими. Сладчайшее изъ всѣхъ зрѣлище есть, видѣть счастливыхъ нами учиненныхъ.

О СКУПОСТИ.

Я ни одного порока не знаю въ свѣтѣ, кромѣ скупости: всѣ прочіе, какимъ бы именемъ ихъ ни называли, суть ничто иное, какъ оттѣнки и степени скупости; она-то есть Протей Меркурій, основаніе и обертка всѣхъ пороковъ: разбери тщеславіе, гордость, честолюбіе, лживость, лицемѣріе, бездѣльство; раздроби на части большую половину нашихъ софистическихъ добродѣтелей, все сіе превратится въ сію тонкую и бѣдоносную стихію, *желаніе имѣть*; ты найдешь сіе желаніе и въ самомъ даже безкорыстіи.

РАЗНЫЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ ПРАВИЛА.

Разсмотри разныя состоянія жизни, въ которыя можешь ты вступить, сообразно съ родомъ твоимъ и воспитаніемъ, и спросись съ твоею способностію прежде, нежели изберешь одно изъ оныхъ. Человѣкъ, хватающійся за такое дѣло, которое совсемъ ему не свойственно, погубляетъ и честь свою и имѣніе.

Баконъ.

Кто желаетъ объять всѣ предметы, представляющіеся нашимъ глазамъ, тотъ подвергнется опасности не поимать ни одного изъ нихъ. Имѣй одну только цѣль; а прочее все употребляй яко способы къ тому.

Баконъ.

Прилепись къ добродѣтели, и не станешь тогда жаловаться на счастіе.

Бак.

О сынъ Адамовъ! да пребудетъ добродѣтель безпрестанно предъ тво-

ими глазами; воображай ее всегда столь прелестною, чтобъ не возможно было тебѣ ее не любить; наипаче не занимайся ея предписаніями безъ того, чтобъ не помышлять о дѣйствіяхъ ея и прелестяхъ; предай ей тѣло, и подвергни ее тѣлеснымъ твоимъ чувствамъ

Заади.

Старайся живо себѣ представлять счастіе, долженствующее быть наградою мудраго, и несчастія, въ кои низвергается безразсудный. Ты чрезъ сіе преклонишъ сердце твое къ добродѣтели

Тотъ же.

Не станемъ отчаяваться, что мы не будемъ никогда счастливы; источники добра и зла отъ насъ сокрыты; и мы не вѣдаемъ, которой изъ нихъ долженъ орошать теченіе нашей жизни. О человѣкъ! ктобъ ты не былъ, о братъ мой! будь въ несчастіи терпѣливъ и надѣйся.

Заади.

Повинемся во всякое время законамъ и обычаямъ нашего отечества.

Картезій.

Станемъ стараться побѣждать самихъ себя и несчастіе; по тому, что скорѣе можно перемѣнить свои желанія, нежели порядокъ вселенныя; и по тому, что мы кромѣ мыслей нашихъ ничего въ своей власти не имѣемъ.

Тотъ же.

Человѣкъ никогда не долженъ стыдиться признаться, что онъ виноватъ; ибо симъ признаніемъ доказывается, что онъ севодни умнѣе, нежели былъ вчера.

Полій.

Первый шагъ къ пороку есть тотъ, когда человѣкъ начнетъ скрывать невинныя свои дѣянія: ибо тотъ, кто любитъ скрываться, рано или поздно будетъ имѣть на то причину. Единое правило нравоученія можетъ замѣнить всѣ прочія, оно со-

стоитъ въ слѣдующемъ: не дѣлай и не говори никогда ничего такого, чего бы ты не могъ сдѣлать или сказать предъ цѣлымъ свѣтомъ.

Руссо.

ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ ЗРИТЕЛЯ.

Поелику слѣдующія письма выражаютъ чувствія честной и благоразумной любви, то я надѣюсь, что онѣ принесутъ удовольствіе читателямъ.

Г. Зритель!

„Я переступила на шестдесятъ седмой годъ, и читаю ваши листы съ величайшимъ удовольствіемъ; но мнѣ кажется, что вы долженствовали бы уже упомянуть объ одномъ величайшемъ злѣ жизни человѣческой, то есть, о модномъ нынѣшнемъ понятіи о любви. Давно уже о семъ люди начали криво судить. Что до меня касается, которая уже сорокъ лѣтъ какъ замужемъ, и была вос-

питана такимъ образомъ, что отъ того была во все сїе время счастлива, то я примѣчаю ясно, что нынѣшняя любовь не можетъ произвести счастливыхъ браковъ. Когда я была въ дѣвкахъ, то въ то время, въ разсужденїи особъ моего пола, принималися благоразумнѣйшїя предосторожности, для предохраненїя ихъ нравовъ отъ разврата свѣтскаго. Отъ глазъ нашихъ удаляли всѣ предметы, кои могли бы надъ нами учинить какое либо опасное впечатлѣнїе. Обои, представляющїе какїе либо мѣста изъ Священной Исторїи, гораздо лучшее дѣйствїе производили, нежели любовь Венеры и Адониса, или Вакха и Арїадны, въ нашихъ новыхъ картинахъ. Тотъ, за коего я вышла замужъ, любилъ меня страстно, но такою страстїю, которая прилична честному человѣку, и которая отнюдь не походила ни на любовь романическаго Героя, ни на любовь нынѣшнихъ притворныхъ ще-

голей. Сіе-то составило въ послѣдствіи наше взаимное счастіе. Дабы подать вамъ понятіе о нашей связи и взаимныхъ другъ противъ друга поступкахъ, я посылаю вамъ копіи съ писемъ, писанныхъ имъ ко мнѣ тому уже сорокъ лѣтъ назадъ, когда онъ за меня сватался, и при томъ еще одно письмо, полученное отъ него мною недавно. Я есмь

Ваша покорнѣйшая услужница

Андромаха.

Милостивая Государыня!

„Естьли моя безсоница и множество желаній, могли, хотя не много, споспѣшествовать вашему спокойствію; то надлежитъ, чтобъ вы проводили хорошо прошедшую ночь, подъ храненіемъ Ангеловъ; вы одинъ предметъ моихъ мыслей, и я только для васъ боюсь всѣхъ печальныхъ случаевъ, коимъ люди подвержены. Толико нѣжныхъ и заботливыхъ стараній, еще по сіе время не за-

служили отъ васъ инаго названія, кромѣ имени дурачествъ, отъ васъ, коея милый образъ представляется и теперь глазамъ моимъ, наполняющимся слезами, кои облегчаютъ мое страданіе: мнѣ нѣтъ иной отрады, кромѣ того, чтобъ описывать вамъ мои страданія; ибо я не способенъ болѣе ни къ трудамъ и ни къ какому упражненію, требующему вниманія: ибо оно все устремлено къ однимъ вамъ. То, что меня прежде веселило наиболѣе, теперь мнѣ кажется несноснымъ; и даже присудствіе лучшихъ моихъ друзей меня безпокоитъ. Одно только ваше сожаленіе, когда вы оное ко мнѣ почувствуете, учинитъ побѣду вашу знатнѣйшею. Одни только тираны любятъ мучить; но истинное преимущество красоты состоитъ въ томъ, чтобъ учинить кого либо счастливымъ. О естьли бы вы поняли, что я хочу сказать, то освободили бы изъ плѣну бѣднаго неволь-

ника, дабы учинить его искрѣннимъ и благодарнымъ вашимъ другомъ. Я претерпѣваю перьвое изъ сихъ состояній, въ надежде когда либо достигнуть до втораго. Я имѣю честь быть.„

Милостивая Государыня

От 7 Августа 1753 года

Вашъ покорнѣйшій и нижайшій слуга.

Хотя я и не подала ему нималаго повода ласкать себя надеждою; но однако же, кажется, что онъ воспріялъ надежду на мнѣ жениться, когда чрезъ мѣсяцъ послѣ того написалъ онъ ко мнѣ слѣдующее письмо.

Отъ 3 Сентября 1753 года.

М. Г.

„Я сего дня проснулся за долго до свѣта, и ожидалъ возвращенія дня, въ тѣхъ единственно упражняяся мысляхъ, что свѣтъ пріятенъ будетъ вашимъ глазамъ по вкушеніи

сладкаго покоя, коего пожелалъ я вамъ вчера ввечеру. Естьли моленіе мое было услышано; то первыя чувствія вашего сердца были севодни посвящены Создателю. Ибо любовь, мною къ вамъ чувствуемая, есть со всемъ особливаго рода отъ той, которую обыкновенно симъ именемъ называютъ. Я не имѣю, въ разсужденіи васъ, ни какихъ мыслей, которыхъ бы я не смѣлъ изложить предъ Творцемъ въ моихъ молитвахъ, прося его внять онымъ, да направитъ сіе Великое Существо стопы ваши, и да наградитъ вашу невинность, ваше почтеніе къ его закону, и чистоту вашей души, и да удвоитъ Онъ къ вамъ свою благость. Я признаюсь, что сей языкъ есть не тотъ, коимъ обыкновенно говорятъ нынѣ съ молодыми дѣвушками; но душа ваша есть превыше безразсудной суетности того пола, которой даетъ себя уловлять притворными сладостями, и доводится, по-

средствомъ ложнаго и временнаго боготворенія, до долговременнаго презрѣнія. Красота не можетъ противиться дѣйствію времени, и прелести ея исчезаютъ даже и отъ глазъ тѣхъ, кои ею обладаютъ; но я люблю вашъ разумъ, и душа ваша мнѣ столько же драгоцѣнна, какъ и собственная моя. Естьли честное воспитаніе, нѣкоторыя свѣдѣнія и большое презрѣніе къ суетамъ свѣтскимъ, присоединенныя къ твердому намѣренію вести жизнь достойную человѣка и истиннаго Христіанина, могутъ сдѣлать хотя малое впечатлѣніе надъ вами въ мою пользу, то бы мы стали провождать блаженнѣйшую въ свѣтѣ жизнь; а старость, которая обыкновенно производитъ въ умѣ печальныя мысли, возбудила бы въ насъ надежду о жизни блаженнѣйшей и лучшей. Должность моя не позволяетъ мнѣ долѣе къ вамъ писать, и такъ извините, прошу васъ, погрѣшности сего письма, при-

нявъ въ уваженіе краткость времени. Я есмь

Вашъ покорнѣйшій и нижайшій слуга.

Два слѣдующія письма писаны ко мнѣ послѣ того, какъ назначенъ былъ день для нашей свадьбы.

Отъ 25 Сентября 1753 года.

М. Г.

„Весьма трудная вещь быть влюбленнымъ, и быть по должности заняту дѣлами. Всѣ приходящіе говорить сомною о дѣлахъ своихъ, не находятъ меня дома, и непремѣнно должно, чтобъ другой кто снялъ на себя мою должность. Севодни нѣкто у меня спросилъ, не получалъ ли я писемъ изъ Голландіи; а я отвѣчалъ: какъ она прекрасна! Другой желая отъ меня знать, давно ли я былъ въ Виндзорѣ. Получилъ въ отвѣтъ: и она сомною туда поѣдетъ. Позвольте мнѣ, по крайней

мѣрѣ, прошу васъ, притти облобызать ваши ручки до назначеннаго дня. Сія милость утишитъ нѣсколько волнующее меня смятеніе. Мнѣ кажется, чтобъ я могъ написать къ вамъ цѣлую книгу; но нѣтъ такого краснорѣчиваго языка, которымъ бы можно было выразить, съ какими чувствіями пребываю я, и проч.„

От̃ъ 30 Сентября 1753
въ 7 часовъ поутру.

Милая моя!

„Послѣ Бога, тебя долженъ я благодарить за ту радость, которую почувствовалъ я севодни при наступленіи дня. Проводить вечеръ въ бесѣдѣ съ тобою, и быть уважаему дѣвицею твоихъ достоинствъ, есть такое счастіе, которое я столь же мало могу изъяснить, какъ и возблагодарить за оное. Я есмь съ чувствіями такой нѣжности, которая не прежде, какъ съ жизнію моею кончится, и проч.„

Въ то время, какъ онъ писалъ слѣдующее письмо, то щитался забавнѣйшимъ и остроумнѣйшимъ человѣкомъ во всей Англіи.

М. Г. м.

„Не взыщите на мнѣ, прошу васъ покорно, что я пишу къ вамъ на такой дурной бумагѣ, и въ кофейномъ домѣ, гдѣ должно мнѣ учредить одно важное дѣло. Я вижу себя окруженнаго толпою алчныхъ людей, кои говорятъ мнѣ съ важнымъ видомъ о деньгахъ, между тѣмъ, какъ мысль, чтобъ васъ не прогнѣвать, кажется въ моихъ глазахъ превосходящею всѣ богатства въ свѣтѣ.

Любовь оживотворяетъ мою душу, устроеваетъ всѣ мои дѣянія, умягчаетъ мои нравы, и усугубляетъ душевныя силы. Я обязанъ несравненной женщинѣ, очаровавшей мои чувства, множествомъ благородныхъ и новыхъ мыслей, кои она мнѣ вну-

шаетъ, и кои имѣютъ влїянїе, какъ на всѣ мои слова, такъ и на поступки. Естественное слѣдствїе сей благородной и великодушной страсти есть то, что она побуждаетъ насъ стараться походить на милый предметъ, которому мы удивляемся. Я надѣюсь, что обхожденїе съ столь любезною подругою часъ отъ часу будетъ учинять меня лучшимъ. Простри, несравненная дѣвица, прекрасные глаза твои къ небу, осыпавшему тебя толикими прелестями, и соедини моленїе твое съ моимъ, чтобъ оно благословило священныя узы, коими готовимся мы сопрящися. Я есмь

Твой вѣрнѣйшїй другъ.

Вы бы безъ сомнѣнїя удивилися Г. м. увидя руку посылающую къ вамъ сїи письма, и не безъ труда бы могли понять, что есть въ свѣтѣ человѣкъ, которой говоритъ о сей рукѣ, какъ о такомъ дарѣ не-

бесъ, которой ему еще и по сіе время любезенъ, хотя онъ уже сорокъ лѣтъ имъ владѣетъ.

Отъ 20 Іюля
1793 года.

Любезная моя!

„Прости меня, что я вчера къ тебѣ не писалъ, не приписывай сего недостатку любви моей къ тебѣ, по содержанію послѣдняго моего къ тебѣ письма, которое столь затруднительно запутано, что я отлагалъ изъясненіе онаго до возвращенія моего къ тебѣ. Ибо знай, моя милый и вѣрный другъ, что ни старость, ни премѣна счастія, ни всѣ несчастія, коимъ жизнь человѣческая подвержена, никогда не будутъ въ состояніи уменьшить мое къ тебѣ почтеніе, ниже заставить меня забыть тѣ прелести, коими ты была украшена въ ту минуту, когда вручила мнѣ свою руку и сердце. Я есмь

Твой вѣрнѣйшій супругъ.„

ПИСЬМО КЪ ЗРИТЕЛЮ.

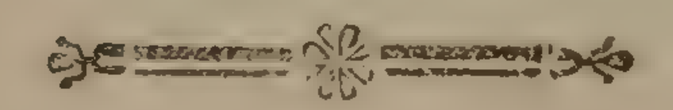
Г. м.

Не давно была я вмѣстѣ въ бѣседѣ съ нѣкоторымъ Офицеромъ, которой долго разсказывалъ о побѣдѣ, учиненной имъ надъ одною въ сосѣдствѣ съ нимъ живущею госпожею. Нѣкто изъ гостей спросилъ у него, на какой причинѣ основываетъ онъ свою побѣду, и по чему заключаетъ, что та госпожа въ него влюблена. Моя комната противъ ее дома, отвѣчалъ онъ, она все сидитъ подъ окошкомъ, тутъ работаетъ, читаетъ, нюхаетъ табакъ, или садится какъ нибудь привлекательнымъ образомъ, чтобъ меня прельстить. Сіе признаніе тщеславнаго сего Офицера, заставило меня помыслить о нѣкоторыхъ моихъ собственныхъ дѣяніяхъ: ибо да будетъ вамъ извѣстно Г. м. что я часто сижу подъ окошкомъ противъ дому, гдѣ живутъ многіе молодые мущины, кото-

рые безъ сомнѣнія столь же выгодное мнѣніе обо мнѣ имѣютъ. Я признаюсь, что люблю на всѣхъ на нихъ смотрѣть: на одного за то, что онъ щегольски одѣвается, на другаго, что у него прекрасные глаза, а на третьяго, особливо за то, что онъ очень малъ ростомъ, но столь строенъ и ловокъ, что я примѣчаю, что онъ любимъ всѣми моими знакомыми. Я могла бы вамъ нащитать еще множество другихъ, которыхъ я такимъ же образомъ приманила къ моему окошку. И такъ, покорнѣйше васъ прошу, сказать мнѣ положительно, какое употребленіе пригожая женщина должна дѣлать изъ своего окошка, и сколько разъ она можетъ въ него посмотрѣть на одного мущину, не заставя о себѣ думать, что она готова броситься въ его объятія.

Ваша покорнѣйшая услужница

Авделія Вертопрахова.

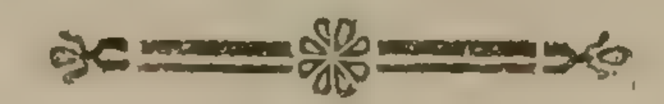

Г. ЗРИТЕЛЬ

Нѣсколько времени тому назадъ, влюбился я въ одну госпожу, которая взаимно отвѣчала мнѣ на мою любовь; но съ нѣкоторыхъ дней убѣгаетъ она отъ меня какъ отъ чумы, безъ всякой съ моей стороны причины. Въ прошедшее Воскресенье она въ половину обѣдни вышла изъ церкви, какъ скоро увидѣла, что я вошелъ въ оную. Покорно прошу, Г. м. научить меня, что мнѣ въ такомъ случаѣ дѣлать?

Вашъ покорнѣйшій слуга

Отвѣтъ: Негоняйтесь за нею десять дней.

Г. М.

Я люблю смертельно танцы, хотя и не такой въ нихъ искусникъ, какъ другіе; странными моими прыжками, вертеньемъ и нѣкоторыми свойственными мнѣ одному

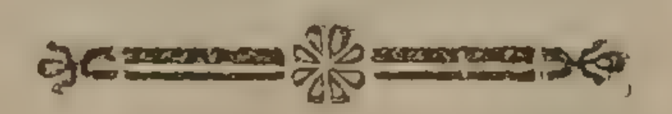
кривляніями; я забавляю бесѣду, а особливо женщинЪ, которыя помираютЪ со смѣху, когда меня увидятЪ. Тѣ, кои называются моими пріятелями, увѣряютЪ меня, что они надо мною смѣются, и совѣтуютЪ мнѣ, чтобЪ я не дѣлалЪ болѣе изЪ себя посмѣшища; я не знаю, что мнѣ дѣлать, и вознамѣрился послѣдовать вашему совѣту. Я есмь

Вашъ покорнѣйшій слуга

Иванъ Вертуновъ.

Естьли господинЪ ВертуновЪ наблюдаетЪ такту, то онЪ имѣетЪ право танцовать, не смотря на насмѣшниковЪ; но естьли онЪ не имѣетЪ уха, то не долженЪ мѣшать другимЪ вЪ ихЪ танцахЪ, и вЪ такомЪ случаѣ, мой совѣтЪ есть тотЪ, чтобЪ онЪ изволилЪ спокойно сидѣть на мѣстѣ.

Зритель.

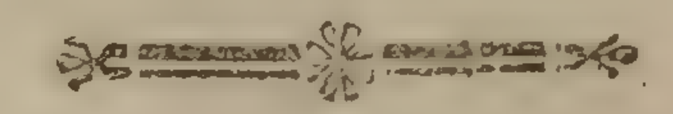

Г. ЗРИТЕЛЬ!

Я, за грѣхи мои конечно, связанъ брачными узами съ одною изъ тѣхъ Филлидъ, коихъ стихотворецъ намъ описываетъ подъ именемъ неугодимыхъ. У жены моей прекрасные волосы, а кожа такъ гладка, какъ атласъ: но Г. м. она по полусуткамъ провождаетъ предъ зеркаломъ, и разорила меня на лѣнтахъ. Что касается до меня, то послику я ничто иное, какъ простой художникъ; то и боюсь сдѣлаться банкрутомъ отъ лѣности и чрезмѣрной расточительности моей любезной сожительницы. Покорнѣйше прошу, Государь мой, увѣдомить меня, не обязана ли она смотрѣть за домомъ своимъ, и не имѣю ли я права, естьли она отъ того откажется, размягчить ей кожу посвойски.

Остаюсь вашъ другъ

Варнава Костоломовъ.

Г. ЗРИТЕЛЬ!

Въ разсужденіи вашемъ о воздержаніи (*), вы предписываете правило питья, а имянно, чтобъ первую рюмку выпить для себя, вторую для друзей, третью для веселья, а четвертую для непріятелей своихъ. Да будетъ вамъ извѣстно, что я читалъ сію бумагу въ нѣкоторой бесѣдѣ, коея имѣю я честь быть не послѣднимъ членомъ, нашъ предсѣдатель, или старшина, увѣрялъ насъ, что въ семъ мѣстѣ вашего изданія находится великая опечатка, и что вмѣсто слова *рюмка*, надлежитъ читать слово *бутылка*. Того ради, онъ и препоручилъ мнѣ извѣстить васъ о сей Типографической ошибкѣ, и просить васъ, чтобъ вы сдѣлали милость, сіе мое письмо благоволили помѣстить въ вашихъ сочиненіяхъ. Я есмь

Вашъ покорнѣйшій слуга

Робертъ Буль-буль-булинъ.

(*) Смотри 142 страницу IV части сего изданія.

СТАТЬЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ДѢЯНІЙ И СКАЗАНІЙ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

Генрихъ IV, прозименованный Великимъ, Король Французскій и Наварскій, преемникъ Генриха III, своего шурина въ 1589 году.

I. Сей Государь будучи еще только Королемъ Наварскимъ, видя, что Генрихъ III весьма тревожился отъ буллы или грамматы, которою Папа хотѣлъ исключить его изъ сыновъ церкви, и готовился согласиться на всѣ требованія Папы, сказалъ ему съ тѣмъ военнымъ духомъ, который столько ему приличество-

валъ: не покорностію, а войсками и добрыми пушками надлежитъ вамъ снискивать благосклонность Рима: будьте лишь только побѣдителемъ, то вамъ легко получить прощеніе и разрѣшеніе; но естьли васъ побьютъ, то вы непремѣнно будете отчуждены отъ церкви навсегда.

2. Предъ начатіемъ сраженія Иврійскаго, сей Государь обратясь къ войскамъ своимъ, сказалъ имъ, что онъ готовится ударить въ непріятеля, и показывая имъ бѣлыя перья, коими шлемъ его былъ убранъ, сказалъ имъ съ видомъ неустрашимости, которой, казалось, обѣщавалъ побѣду: дѣти, естьли знаменъ у васъ не достанетъ, то ступайте смѣло туда, гдѣ вы увидите сіи бѣлыя перья. Сіе да будетъ вамъ мѣстомъ соединенія, вы всегда его найдете на пути чести и побѣды.

3. По окончаніи сраженія, сказалъ онъ шутя о великомъ числѣ Гишпанцовъ, кои осталися на полѣ

мертвыми: что бы заговорщики обо мнѣ ни говорили, но я очень вѣдаю, что я Король: ибо сколько я севодни излѣчилъ Гишпанцовъ отъ зобовъ. (*)

4. Готовясь сразиться съ Принцомъ Пармскимъ и съ Герцогомъ Майнцимъ, кои соединенными силами дѣйствовали противъ его, написалъ онъ къ своей любовницѣ: естьли я буду побѣжденъ, то ты меня никогда не увидишь; ибо я не такой человѣкъ, чтобъ могъ бѣжать или отступать; но могу тебя увѣрить, что умирая, предпослѣдняя мысль моя будетъ о тебѣ, а послѣдняя о Богѣ.

5. Майеннъ, начальникъ заговора, не имѣлъ довольной расторопности къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ едва было не захватилъ Генриха въ Рош-Гвіонѣ; но потѣрялъ

(*) Французы издстари приписывали своимъ Государямъ способность излѣчать зобы, единымъ прикосновеніемъ рукъ ихъ.

сей случай отъ медленности своей. Король избавясь отъ сей опасности, сказалъ смѣючись: родственникъ мой Майеннъ хотя и великой полководецъ; но я ранѣе его встаю.

6. Когда сей Государь вошелъ въ Парижъ, посредствомъ Бриссака, тогдашняго Губернатора сего города; то Принцесса Монтпансіе пріѣхала къ нему на поклонъ, и показывала ему свое сожалѣніе, что брата ея Майенна не было въ то время въ Парижѣ, и что онъ бы имѣлъ честь отворить ему городскіе ворота. Король, желая дать знать обинякомъ, что Майеннъ былъ великой охотникъ спать, отвѣчалъ ей въ шуткахъ: онъ, сударыня, заставилъ бы насъ долго ждать, по тому, что поздно бы всталъ.

7. Франциск де Па, сражаясь какъ Герой на Иврійской баталіи, въ глазахъ Короля былъ убитъ; сей Государь, огорченный весьма смертію такого человѣка, коего фамилія всег-

да отличалася, какъ приверженностію своею къ Королю, такъ и храбростію, вскричалъ: какъ мнѣ его жаль! тьфу прочасть, да не осталось ли еще кого либо изъ нихъ? Ему отвѣчали, что жена его беременна. Ну, такъ я даю брюху то же жалованье, которое получалъ покойникъ, сказалъ Генрихъ.

8. Во время осады Парижа, когда городъ сей доведенъ былъ до послѣдней крайности; то Кардиналъ Гонди и Архіепископъ Ліонскій посланы были отъ города къ нему депутатами, для переговоровъ о мирѣ. Сей Государь сказалъ имъ слѣдующее: я не люблю притворяться, и говорю всегда безъ обиняковъ то, что у меня на сердцѣ. Я бы солгалъ вамъ сказавъ, что не хочу всеобщаго мира; я его желаю очень, дабы расширить границы сего Государства. За сраженіе я отдалъ бы себѣ отрѣзать любой палецъ, а за миръ два. Я люблю мой доброй городъ

Парижъ: ето мой большой сынъ, я къ нему привязанъ, и хочу болѣе милости и добра ему сдѣлать, не жели онъ проситъ: но хочу при томъ и заплаты за мое снисхожденіе.... Вы просите, чтобъ отложить договоры и сдачу Парижа до заключенія всеобщаго мира, которой не прежде можетъ послѣдовать какъ по многократнымъ разъѣздамъ во всѣ стороны; сіе причинитъ великой вредъ Парижу, которой не можетъ такъ долго ждать. Уже въ немъ столько людей умерло съ голоду, что естьли еще ждать недѣлю, то помретъ еще множество жителей, и ето весьма достойно жалости. Я есмь отецъ моего народа; я подобенъ сей истинной матери на судѣ Пророка Соломона; и лучше желаю отрещись отъ Парижа, нежели владѣть имъ разореннымъ и опустошеннымъ смертію толикаго числа жителей.... Вы, Господинъ Кардиналъ, должны такъ же имѣть

о нихъ сожалѣніе, они ваши овцы.....
Я не глубокій Богословъ; но только знаю, чтобъ сказать вамъ, что Богу не угоденъ будетъ такой вашъ поступокъ со ввѣреннымъ отъ Его вамъ стадомъ.... И какимъ образомъ можете вы надѣяться преклонить меня къ вашему закону, когда столь мало уважаете спасеніе и жизнь вашего стада. Вы симъ весьма плохо доказываете мнѣ вашу святость.

9. Сюлли утверждалъ въ совѣтѣ, что необходимо нужно избрать одного только начальника противъ Калвинистовъ, кои хотѣли преобразить Францію въ Республику. Генрихъ IV, взявъ его къ сторонѣ, сказалъ ему: Г. Баронъ Рони, не въ томъ дѣло, чтобъ хорошо говорить, но надобно еще и хорошо дѣйствовать; не намѣрены ли вы умереть со мною вмѣстѣ; не время теперь економничать, надлежитъ, чтобъ всѣ честные и храбрые люди употребили половину своего имѣнія, дабы

спасти другую. Я увѣренъ, что вы первой мнѣ поможете.... Нѣтъ, нѣтъ, Государь, отвѣчалъ Сюлли, я не хочу, чтобъ мы оба умерли вмѣстѣ, но чтобъ распроломали головы всѣмъ нашимъ врагамъ; у меня еще осталось на сто тысячь франковъ продажнаго лѣсу, которой.... Ну, хорошо естьли такъ, другъ мой, возразилъ Король, ступай же теперь домой, поспѣшай все сдѣлать, и поскорѣе возвратись ко мнѣ, привези съ собою сколько можно болѣе друзей и не забудь своего лѣса.

10. Въ началѣ царствованія его, нашелъ онъ Государственную казну въ столь бѣдномъ состояніи, что находился въ нѣкоторомъ родѣ бѣдности, по причинѣ худаго правленія своихъ Министровъ. Онъ о томъ самъ писалъ къ Сюллію, и письмо его собственною рукою начертанное есть драгоцѣнный памятникъ:

„Другъ мой! ты знаешь, равно „какъ и прочіе вѣрные мои друзья,

„какимъ опасностямъ я былъ подвержен, чрезъ какіе труды и безпокойства проходилъ я, дабы спасти мою жизнь и достоинство; однако же, всѣ сіи печали не столько меня огорчали, какъ топерешнія мои несогласія и противорѣчія съ моими Чиноначальниками, когда я хочу предпринять что либо достойное великаго духа. Меня увѣряли, что истощеніе казны моей произошло отъ того, что управленіемъ оной начальствовалъ одинъ только человѣкъ; но когда я опредѣлилъ восемь Начальниковъ, то они еще въ хуждшее состояніе привели оную. Сіи Господа, и необузданное количество прикащиковъ и управителей, по кумовству и сватовству втерлися съ ними же, пили и ѣли вмѣстѣ, и болѣе полутора миліона ефимковъ расточили.... Я хочу тебѣ необинуяся открыть, въ какомъ я теперь нахожусь состояніи.... Рубашки мои

„всѣ въ лоскутьяхъ, кафтаны на „локтяхъ продралися, кострюли мои „часто бываютъ опрокинуты, по „той причинѣ, что не чево въ нихъ „варить, и я уже нѣсколько дней „обѣдаю и ужинаю то у того, то „у другаго: ибо мои закупщики го- „ворятъ, что не начто покупать „мнѣ столовыхъ припасовъ; однако „же разсуди по справедливости, за- „служиваю ли я терпѣть долѣе, „чтобъ Казначеи и Откупщики мо- „рили меня голодомъ, а сами бы „держали великолѣпной и наполнен- „ной лакомствами столъ; чтобъ „въ домѣ моемъ вездѣ и во всемъ „былъ недостатокъ, и крайняя бѣд- „ность, а у нихъ чтобъ вездѣ было „богатство и изобиліе?„

II. Петръ де Л' етоаль въ журналѣ своемъ, царствованія Генриха IV, говоритъ, что самъ видѣлъ сего Государя играющаго мячемъ въ разодранной рубашкѣ, и что у него столь мало было денегъ, что выиг-

равъ однажды въ мячь сто ефимковъ, положилъ онъ ихъ въ шляпу, и сказалъ въ слухъ: сихъ денегъ у меня уже не украдутъ; ибо онѣ не попадутся въ руки моимъ Казначеямъ.

12. Баронъ де Рони или Герцогъ Сюлли, будучи весь израненъ на Иврійскомъ сраженіи, велѣлъ отвезти себя въ замокъ свой Рони. Генрихъ, находящійся поблизости на охотѣ, увидѣлъ, какъ онъ пріѣхалъ, прискакалъ къ нему, и будучи наполненъ радостію, что увидѣлъ друга, коего щиталъ онъ уже совершенно погибшимъ; я очень радъ, сказалъ онъ ему, что вижу тебя въ лучшемъ состояніи, нежели ожидалъ найти, и еще болѣе обрадуюсь, естьли ты увѣришь меня, что жизнь твоя внѣ опасности, и что ты не изуродованъ. Рони благодарилъ Короля за его милости, и сказалъ ему: что онъ почитаетъ себя щастливымъ, претерпѣвая за столь добраго

Государя. На что Король ему отвѣчалъ: храбрый воинъ и неустрашимый рыцарь; я всегда имѣлъ высокое мнѣніе о твоемъ мужествѣ, и твердо надѣялся на твои добрыя свойства; но неустрашимые твои подвиги, и скромностію наполненной отвѣтъ, превзошли мое ожиданіе.... За все сіе, въ присудствіи сихъ Принцовъ, Полководцовъ и храбрыхъ воиновъ, кои здѣсь находятся, хочу я облобызать тебя дружески.... Прости мой другъ, будь здоровъ и увѣренъ, что ты имѣешь въ своемъ Государѣ лучшаго друга.

13. Молодой Принцъ де Жуанвиль имѣлъ нѣкоторыя тайныя согласія съ Гишпанцами противъ Генриха, которой о семъ извѣстился. Сей доброй Государь извинилъ молодость преступника, велѣлъ позвать къ себѣ Герцога и Герцогиню де Гизъ, и объявилъ имъ преступленіе ихъ сына. Вотъ, сказалъ онъ имъ, настоящій блудной сынъ, какими вы-

сокопарными дурачествами набилъ онъ себѣ голову! Но послику сіе не что иное, какъ ребячество, то я его прощаю, съ тѣмъ однако же, чтобъ вы оба хорошенько его за ето пожурили.

14. Герцогъ Сюлли поссорился однажды съ Габріеллою д'Етре, любовницею Генриха IV, которая въ то время была уже Герцогинею Бофороскою, за то, что онъ изъ нѣкоторой бумаги вычерниль титулъ Принца крови, которой приписыванъ былъ ея послѣднему сыну. Генрихъ совѣтовалъ ему къ ней съѣздить. Сюлли повиновался; но Герцогиня приняла его очень дурно, и наговорила ему множество колкостей. Сюлли доложилъ Королю о хорошемъ успѣхѣ своего посѣщенія. Сей Государь, разгнѣванный на свою любовницу, сѣлъ въ Сюлліеву карету, не дождавшися своей, и сказалъ ему: ты увидишь, что я изъ снисхожденія къ женщинамъ не обижаю

друзей моихъ, кои единственно пѣкутся о моей славѣ. Онъ вошелъ къ Герцогинѣ, не поцѣловавшись съ нею и не оказалъ ей ни малѣйшей ласки, заперся съ нею и съ Сюллïемъ въ кабинетѣ, и осыпалъ ее жесточайшими выговорами. Госпожа де Бофортъ начала плакать и жаловаться на слабость свою къ такому Государю, которой промѣнялъ ее на своихъ служителей; потомъ бросилась на постелю, и говорила, что она не хочетъ болѣе жить на свѣтѣ послѣ такой обиды. Сердце Короля поколебалося; но однако же онъ укрѣпился, и сказалъ ей, что за такую бездѣлицу не должно прибѣгать къ такимъ хитростямъ. Сей выговоръ кольнулъ ее весьма больно, она усугубила свой плачь, и говорила, что почитаетъ себя брошенною. Король все продолжалъ ей выговаривать, не забывъ употребленнаго ею слова служителя: я тебѣ объявляю, говорилъ онъ, что естьли бы я былъ принужденъ выбирать одно изъ двухъ, то скорѣе

бы я промѣнялъ десять такихъ любовницъ, какова ты, на одного такого служителя, каковъ онъ. Послѣ сего онъ пошелъ отъ нея съ гнѣвомъ; но Герцогиня опасаясь, чтобъ онъ не ушелъ отъ нея навсегда, побѣжала его остановить, и бросилась къ нему въ ноги. Она скоро испросила себѣ прощеніе. Сію комедію предали забвенію, и расталися всѣ трое какъ добрые друзья.

15. Въ то время, какъ непріятели Сюлліевы старалися всѣми силами привести его въ немилость Королю, и очернять въ его мысляхъ; то Генрихъ, дабы утѣшить и ободрить своего вѣрнаго Министра, сказалъ ему, что онъ намѣренъ проводить нѣсколько дней со всемъ своимъ Дворомъ въ его маетности. Рони не былъ съ природы любитель великолѣпія; но не щадилъ, однако же, ничего, когда должно было блеснуть. И такъ началъ онъ дѣлать великія приготовленія, и наготовилъ

всего, что могъ найти лучшаго и рѣдчайшаго. Но старанія его дурный возъимѣли успѣхъ; пошелъ чрезмѣрной дождь, вода натекла въ его погрѣба, въ домъ, и потопила все въ нихъ находящееся, такимъ образомъ, что издержавъ много денегъ, не могъ онъ предложить ничего, кромѣ обыкновеннаго. Король, видя что онъ огорчился симъ приключеніемъ, сказалъ ему съ веселымъ видомъ: трудно тебѣ устоять Рони, когда небо и земля на тебя возстали; но въ Государѣ твоемъ имѣешь ты надежную подпору.

16. Сей Государь, отрекшись отъ Протестанскаго закона, написалъ къ Габріеллѣ д'Етре, что наконецъ онъ сдѣлалъ опасной прыжокъ; и прибавилъ къ тому: въ церквѣ съиграли со мною смѣшную шутку: одна 80 лѣтъ старуха взявъ меня за уши поцѣловала, ты повѣришь, что не я первой тому засмѣялся; завтра ты очистишь уста мои.

17. Нѣкто поднесъ сему Государю Анаграмму (*) его имени, въ надеждѣ получить какую нибудь награду; Король спросилъ у него: въ какомъ онъ ремеслѣ упражняется? Государь, сказалъ онъ ему, я дѣлаю Анаграммы; однакожъ я очень бѣденъ. Не мудрено, что ты бѣденъ, по тому, что ты упражняешся въ самомъ бѣдномъ ремеслѣ

18. Будучи утомленъ продолжительною дорогою, и проѣзжая чрезъ Амiень, былъ онъ встреченъ привѣтственною рѣчью. Ораторъ началъ ея сими словами: премилосердый, превеликодушный преблажайшiй; прибавь еще, сказалъ Король, и преуставшiй.

19. Другой Ораторъ, въ то самое время, какъ Король проголодавшись, готовился сесть за столъ, началъ свою рѣчь такъ: *Агезилай Царь Лакедемонскiй* .... Я что-то слы-

(*) Букворазношенiе.

халъ, перервалъ Король, о семъ Агезилаѣ; но онъ обѣдалъ, а я еще голоденъ.

20. Одинъ обжора, поядающій противъ шестерыхъ, пришелъ къ Генриху, надѣясь, что сей Государь пожалуетъ ему что нибудь на содержаніе столь великаго дарованія. Король, слышавшій еще прежде о семъ знаменитомъ прожорѣ, спросилъ у него: правда ли, что объ немъ разсказываютъ, что онъ можетъ съѣсть противъ шестерыхъ? Правда, Государь, отвѣчалъ онъ. Такъ по сему ты за шестерыхъ и работаешъ, сказалъ Король? Я работаю столько же, какъ и другой моихъ лѣтъ и моей силы человѣкъ, отвѣчалъ обжора. Провалъ тебя возьми, вскричалъ Король, естьли бы у меня въ Государствѣ нашлось шестеро тебѣ подобныхъ, то бы я велѣлъ ихъ повѣсить; ибо такіе бездѣльники скоро бы причинили всеобщій голодъ.

21. Ла ФорсЪ и д' Обинье ночевали однажды вмѣстѣ близЪ постели Генриховой. Д' Обинье думалЪ, что Король спитЪ, и началЪ на него жаловаться, обвиняя его вЪ неблагодарности, и повторяя многократно ла Форсу, которой дрѣмалЪ, нашЪ Государь есть сквернѣйшій и неблагодарнѣйшій человѣкЪ вЪ свѣтѣ. На что другой, преодолеваемый сномЪ, произносилЪ сіи только слова: что ты говоришь д' Обинье? Король, которой отнюдь не спалЪ, и слышалЪ сей разговорЪ, закричалЪ громко: ла ФорсЪ, чтожЪ ты не слушаешь, д' Обинье уже сто разЪ тебѣ повторялЪ, что я неблагодарнѣйшій и сквернѣйшій человѣкЪ вЪ свѣтѣ. Послѣ сего онЪ никогда не упоминалЪ о семЪ ни тому ни другому.

22. ОнЪ любилЪ и уважалЪ отмѣнно Крильона, прозваннаго храбрымЪ, и написалЪ кЪ нему слѣдующее, по одержаніи знаменитой Аркской побѣды: удивись, храбрый Криль-

онъ, мы побѣдили подъ Аркомъ, а тебя съ нами не было.... Прости, храбрый Крильонъ, я люблю тебя всей душею.

23. Генрихъ проѣзжалъ чрезъ небольшой городокъ; на встрѣчу къ нему вышли многіе депутаты, для привѣтствія: одинъ изъ нихъ началъ рѣчь; но вдругъ, по близости отъ того мѣста, закричалъ оселъ, я заглушалъ его своимъ голосомъ. Господа, сказалъ Король, говорите по очереди, а то я не могу васъ разумѣть.

24. Утомясь однажды отъ полѣвой охоты сей Государь, вошелъ въ одинъ постоялой домъ безъ всякой свиты, и селъ за столъ съ нѣкоторыми купцами. Послѣ обѣда, начали рѣчь о его обращеніи въ Католицкой законъ; ни кто изъ присудствующихъ его не узналъ: ибо онъ былъ весьма просто одѣтъ. Одинъ купецъ, торгующій свиньями, разсудилъ заблаго сказать: перес-

таньте объ етомЪ говорить, какЪ винную бочку ни полощи, она все таки виномЪ пахнетЪ. Мало времени спустя послѣ того, Король подошедЪ кЪ окну, увидѣлЪ идущихЪ кЪ постоялому двору нѣкоторыхЪ Придворных Господ, кои его искали, и кои увидя его, тотЪ часЪ вошли вЪ покои. КупецЪ слыша, что они называли его, Государь и Ваше Величество, весьма удивился, и жалѣлЪ очень, что выговорилЪ неосторожныя слова. Король выходя изЪ постоялаго двора, потрепалЪ его по плечу, и сказалЪ ему: другЪ мой, правда, что винная бочка всегда будетЪ пахнуть виномЪ; но ето сравненіе идетЪ не ко мнѣ, а кЪ тебѣ; я по благости Божіей есмь добрый КатоликЪ, а вЪ тебѣ еще осталося нѣсколько старыхЪ дрождей заговора.

25. Мудрый Король, говорилЪ онЪ, подобенЪ искусному Аптекарю, которой изЪ опаснѣйшихЪ ядовЪ составляетЪ превосходныя лѣкарства,

и изъ вредныхъ змѣй дѣлаетъ спасительный ѳеріакъ. Осталось множество его писемъ къ Губернаторамъ, къ Государственному Казначею и къ Парламентамъ, въ коихъ онъ часто употреблялъ сіи выраженія: имѣйте попеченіе о моемъ народѣ, они мои дѣти, Богъ мнѣ ввѣрилъ ихъ благоденствіе, я долженъ дать ему въ томъ отчетъ, и прочее тому подобное.

26. Сей Государь осыпалъ безпрестанно ласками одного знаменитаго купца, которой велъ знатную торговлю. Сему купцу вздумалося купить дворянство. Послѣ чего Король не сталъ даже на него смотрѣть. Онъ осмѣлился спросить у Монарха тому причину: это отъ того, отвѣчалъ Генрихъ, что я тебя прежде почиталъ за перьваго купца моего Государства, а теперь почитаю за послѣднѣйшаго дворянина.

27. Одинъ славный Врачь оставя Кальвинскую вѣру, принялъ

Католическую; Король, услыша о семъ, сказалъ Сюллію: другъ мой Сюлли, законъ твой, видно, очень худъ, ибо уже и Лѣкари отъ него отказываются.

28. Одинъ Гишпанской Посолъ оказывалъ ему нѣкогда свое удивленіе, что онъ окруженъ множествомъ дворянъ, кои даже его немного и тѣснили. Король сказалъ ему: о! ежели бы вы меня въ сраженіи увидѣли! они тогда еще болѣе меня теснятъ.

29. Нѣкоторой Придворной просилъ сего Государя простить племянника его, учинившаго смертоубійство. Я жалѣю, сказалъ ему Король, что не могу исполнить твоей прозьбы; ты дядя, а я Король; я извиняю твою прозьбу, а ты извини мой отказъ.

30. Филиппъ II, Король Гишпанской, написалъ письмо къ Генриху, и надавалъ самъ себѣ столько титуловъ, что почти все пись-

мо ими было наполнено. Король подписалЪ подЪ своимЪ отвѣтомЪ такимЪ образомЪ: ГенрихЪ, мѣщанинЪ Парижской.

31. ОнЪ говаривалЪ обыкновенно тѣмЪ, кои удивлялися милостямЪ его кЪ поддаиымЪ, даже и кЪ самымЪ тѣмЪ, кои весьма дурно были кЪ нему расположены: знайте, что одною ложкою меду больше можно поймать мухЪ, нежели дватцатью бочками уксусу.

32. Сей Государь встрѣтился однажды вЪ Луврѣ сЪ худо одѣтымЪ и незнакомымЪ ему человѣкомЪ, которой не показывалЪ вЪ себѣ ни чего отличнаго; Король спросилЪ у него: кому ты принадлежишЪ? почтя его заслугу кого либо изЪ Придворных Ъ. Я принадлежу самЪ себѣ, отвѣчалЪ ему сей человѣкЪ гордо и невѣжливо. ДругЪ мой, примолвилЪ ГенрихЪ, ты имѣешь весьма глупаго господина.

33. Ла ВеренЪ, человѣкЪ вы-

шедшій изъ ничего въ люди, весьма гордился своимъ счастіемъ, которое пріобрѣлъ онъ разными подлостями и пронырствами. Король увидя съ сыномъ ла Варенновымъ одного порядочнаго пожилаго человѣка, спросилъ у отца: что ето за человѣкъ? Ето дворянинъ, отвѣчалъ ла Вареннъ, котораго я приставилъ къ моему сыну. Ты ошибся, сказалъ ему Король, и вѣрно хотѣлъ сказать, что ето дворянинъ, къ которому ты приставилъ своего сына.

34 Одинъ Беарнской садовникъ пріѣхалъ въ Парижъ посмотрѣть Генриха IV, которой прежде весьма милостиво съ нимъ обходился. Садовникъ пришелъ въ Лувръ. Государь, окруженный всѣмъ своимъ Дворомъ, узналъ тотъ часъ сего садовника, которой прежде много разъ потчивалъ его плодами своего сада; но притворился, будто его не знаетъ и не примѣчаетъ улыбокъ и подмигиваній, которыя сей простакъ дѣлалъ,

чтобъ Король его узналъ. Наконецъ Генрихъ пошедъ въ свой кабинетъ, велѣлъ позвать своего добраго Беарница, обнялъ его, и спрашивалъ: радъ ли онъ, что видитъ его спокойнымъ обладателемъ его Государства? Какъ же не быть раду, отвѣчалъ садовникъ, я и очень радъ; но только то одно мнѣ не понутру, что ты, кажется мнѣ, заспѣсивелъ не много.

35. Гишпанской Посолъ спросилъ у него однажды, кого изъ своихъ Министровъ наиболѣе онъ уважаетъ за его благоразуміе, дабы онъ могъ съ онымъ трактовать о дѣлахъ. Сей Государь послалъ немедлѣнно за своимъ Канцлеромъ, за Г. де Виллероа, и за Президентомъ Жаненомъ; и сказалъ Посланнику, что онъ хочетъ подать ему случай узнать ихъ чрезъ самого себя. Пришелъ Канцлеръ. Король указавъ ему на нѣкоторыя трещины, находящіяся на потолкѣ его комнаты, сказалъ: Госпо-

динъ Канцлеръ, ето зданіе угрожаетъ паденіемъ, въ немъ не льзя жить въ безопасности, мнѣ хочется перейти поскорѣе въ *Фонтенбло* или въ *Сен-Жермень*? Государь, отвѣчалъ Канцлеръ: не льзя лучше етого вздумать, ибо етотъ дворецъ скоро развалится, и Вашему Величеству опасно долѣе въ немъ остаться. Г. де Виллероа пришелъ послѣ, и Король сдѣлалъ ему тотъ же вопросъ. Государь, сказалъ онъ: надобно хорошенько посмотрѣть прежде, позвать Архитекторовъ, и поступить по ихъ совѣтамъ. Наконецъ пришелъ Президентъ Жаненъ; онъ посмотрѣвъ на трещины сказалъ: я тутъ ничего не вижу, Государь, чтобъ могло васъ тревожить; ето зданіе очень еще крѣпко, и проживетъ долѣе Вашего Величества. Когда сіи три Министра ушли; то Король сказалъ Посланнику: вы знаете теперь моихъ Министровъ; Канцлеръ мнѣ говорилъ все, что я хочу; Г.

де Виллероа мнѣ ничего не говоритъ; а Президентъ Жаненъ говоритъ мнѣ то, что думаетъ, и думаетъ всегда справедливо.

36. Одинъ крестьянинъ, такъ же изъ Беарна, подобный вышеписанному садовнику, у котораго Генрихъ IV часто ѣдалъ нѣкоторой сыръ, до коего онъ былъ великой охотникъ, услышалъ въ своей норѣ, что сей Государь учинился наконецъ спокойнымъ обладателемъ своихъ областей. Онъ немедленно положивъ въ корзину двѣ дюжины лучшихъ своихъ сыровъ, отправился въ путь пѣшкомъ, и по трехъ-недѣльномъ шествіи пришелъ въ Парижъ, и прибѣжавъ немедленно въ Лувръ, говорилъ часовому: я хочу видѣть нашего Генриха, жена моя прислала ему въ гостинецъ коровьихъ сыровъ. Салдатъ, удивленный одеждою, рѣчами и вольными поступками сего человѣка, счелъ его за сумасшедшаго, оттолкнулъ его и

даже ударилъ нѣсколько разъ съ легка прикладомъ, по тому, что мужикъ приставалъ и непремѣнно хотѣлъ войти. Мужикъ, въ великой горѣсти, прижался въ уголъ, будучи въ томъ мнѣнiи, что съ нимъ за то такъ худо поступлено, что онъ сказалъ коровьи сыры. Между тѣмъ Генрихъ увидѣлъ его въ окно, и любопытствуя узнать, что ето за человѣкъ, приказалъ привести его къ себѣ. Крестьянинъ бросился къ нему въ ноги, плакалъ отъ радости, и наконецъ едва могъ выговорить сiи слова: здравствуй Генрихъ, кормилецъ нашъ; жена моя прислала къ тебѣ въ гостинецъ бычачьихъ сыровъ. Король, приведенный почти въ стыдъ, что землякъ его такъ грубо проговорился предъ всѣмъ его Дворомъ, сказалъ ему потихоньку: скажи коровьи сыры, а не бычьи. Мужикъ отвѣчалъ ему: Боже тебя упаси, Генрихъ, говорить коровьи сыры, меня за то, что я сказалъ такъ

у твоихъ воротъ, одинъ какой-то длинной вздоръ, въ синемъ кафтане, чуть было не застрѣлилъ изъ своей фузеи, поберегись, чтобъ и съ тобой того же не сдѣлали. Генрихъ весьма смѣялся простотѣ сего крестьянина, принялъ милостиво его сыры, осыпалъ дружескими ласками, и обогатилъ, какъ его, такъ и всѣхъ его родственниковъ.

37. Какъ нѣкогда говорили ему объ одномъ Офицерѣ, которой былъ прежде въ заговорѣ противъ его, и почитался отмѣнно храбрымъ человѣкомъ, и прибавили къ тому, что хотя Его Величество и простилъ его, но не взирая на то, сей Офицеръ его не любилъ. Я хочу, сказалъ Генрихъ, сдѣлать ему столько добра, что принужу его любить меня насильно.

Продолженiе впредь.

ОКОНЧАНІЕ ПОВѢСТВОВАНІЯ О ВЫВОЗѢ АРАПОВЪ.

Со всѣхъ сторонъ разливается свѣтъ на неудобства, сопряженныя съ вывозомъ Араповъ; и безъ сомнѣнія вскорѣ пятно сіе изгладится изъ похвальнаго свойства Аглинскаго народа. Естьли же я присоединяю слабый мой гласъ къ тѣмъ, кои уже о семъ гремѣли; то сіе не столько въ надеждѣ прибавить что либо къ общепріятому уже мнѣнію, какъ чтобъ не пребыть въ преступномъ молчаніи. Я хочу и долженъ подвергнуться стыду всенародной исповѣди; но сколь бы мое признаніе не было чистосердечно, увы! оно уже надмѣру поздо, чтобъ могло исправить тѣ несчастія, коихъ я былъ орудіемъ, и сія единая мысль ввергаетъ меня въ мучительныя грызенія совѣсти, и объемлетъ меня ужасомъ. Такова моя участь; заблужденія моей молодости заставили меня

искать убѣжища въ Африкѣ; я былъ тамъ невольникомъ, не нося имени онаго, и жребій мой былъ бы гораздо сноснѣе, естьли бы я жилъ тамъ съ одними только Неграми; но я находился посреди Европейскихъ купцовъ, поселившихся по берегу между Сіера-леоною, и горою мыса; я былъ, говорю я, въ семъ адѣ, изъ коего не многіе путешественники возвратилися. Провидѣніе наконецъ исторгло меня изъ сего скопища несчастій и несправедливости, я учинилъ потомъ три путешествія за вывозомъ Арановъ, не чувствуя никакого зазрѣнія совѣсти отъ столь ненавистнаго рода жизни, которой я избралъ; я мнилъ, что довольно будетъ, естьли стану я поступать съ невольниками столь человѣколюбиво, сколько моя собственная безопасность могла мнѣ то дозволить. Девять лѣтъ опытности учиняютъ меня свидѣтелемъ, достойнымъ вниманія въ сей трогатель-

ной тяжбѣ, и не взирая на 33 лѣтнѣе время, грызеніе совѣсти и сострадание столь сильно начертали въ памяти моей сіи лютости, что я могу утвердить точность ихъ присягою.

Можно судить о вывозѣ невольниковъ по дѣйствію онаго надъ Агличанами и надъ Неграми; онъ вреденъ Агличанамъ, естьли то правда, что мы должны берѣчь и щадить нашихъ матросовъ, кои суть полезнѣйшіе граждане въ мореплавательномъ Государствѣ; тѣ изъ нихъ, кои остаются на открытомъ берегу, будучи не привычны къ климату, обыкновенно погибаютъ тамъ отъ воспалительной горячки; но естьли избѣгнутъ они отъ сей опасности, то никогда не спасаются отъ бѣдоносныхъ дѣйствій росы и дурной погоды. Правда, что купеческіе корабли стараются приплывать въ тѣ страны въ лучшее время въ году, и отплывать оттуда до начатія

бурь, кои безпрестанно продолжаются въ сей части свѣта отъ Маія мѣсяца до Октября; но естьли торговля не удачна, то должно необходимо ждать, пока будетъ чемъ нагрузить корабли, и тогда то наши матросы подвергаются всей суровости воздуха.

Корабли всегда запасаются множествомъ крѣпкихъ напитковъ, кои черные берутъ въ промѣнъ за своихъ невольниковъ; но матросы безъ зазрѣнія совѣсти откупориваютъ и выпиваютъ бутылки, и потомъ наполняютъ ихъ простою водою; и сей обманъ, подобно какъ и все прочіе, гораздо болѣе вреда причиняютъ обманщику, нежели обманутымъ.

Ревность часто производитъ кровопролитныя ссоры между бѣлыми и природными жителями; сія зверская страсть, свойственная всѣмъ народамъ, похищаетъ у насъ великое число людей, посредствомъ яда и смертоубійства; сверьхъ же того,

распутство причиняетъ великой уронъ въ тѣхъ странахъ.

Наконецъ невольники безпрестанно выдумываютъ способы къ освобожденію своему. Когда бунтъ обнаруживается, то начинается сраженіе, и мы остаемся побѣдителями не прежде, какъ потѣрявъ множество людей; естьли же Негры одержатъ побѣду, то весь екипажъ совершенно ими истребляется. Каждой годъ случается что либо сему подобное; часто, даже къ вящшему ужасу, корабль во время битвы загорается, и черные и бѣлые всѣ погибаютъ. Изъ восьми тысячь матросовъ, употребляемыхъ нами въ сей торговлѣ, тѣряемъ мы ежегодно пятую часть, то есть, почти тысячу шесть сотъ; и сія картина бѣдствій, сопряженныхъ съ вывозомъ Негровъ, еще ужаснѣйшею покажется, когда кто, подобно мнѣ, увѣрится, что сей родъ жизни истребляетъ навсегда изъ сердецъ упражняющихся

въ оной сѣмяна всѣхъ добродѣтелей. Я осмѣливаюсь однако же надѣяться, что есть нѣкоторыя исключенія изъ сего общаго правила; но клянусь при томъ, что ни одинъ способъ доставать деньги не можетъ быть столь вреденъ сердцу человѣческому, какъ сей; я думаю даже, что разбой на большихъ дорогахъ не столь стремится къ уничтоженію всѣхъ благотворительныхъ расположеній, къ истребленію нравственности, однимъ словомъ, къ ожесточенію, подобно желѣзу, сердецъ нашихъ, противу всѣхъ прикасаній нѣжной чувствительности.

Негрянки обыкновенно составляютъ третью долю груза. Такимъ образомъ сажаютъ въ тѣсное мѣсто полтараста или двести сильныхъ и храбрыхъ людей, похищенныхъ изъ нѣдръ ихъ семейства и отечества, увѣренныхъ, что они куплены на погибель свою, и пораженныхъ удивленіемъ и ужасомъ отъ сего новаго

для нихъ зрѣлища, видѣть себя на открытомъ морѣ и въ корабляхъ нашихъ. И хотятъ, чтобъ они безъ роптанія покорилися сему ужасному состоянію! Мы не столь ослѣплены нашею несправедливостію, дабы не имѣть никакой заботы о чувствіяхъ имъ оною внушаемыхъ; мы ожидаемъ ихъ сопротивленія, и поступаемъ заблаговременно какъ съ непріятелями нашими; сковываемъ ихъ попарно, такъ, что они не могутъ учинить ни малѣйшаго движенія безъ согласія обѣихъ и съ великими предосторожностями; такимъ-то образомъ они садятся, ходятъ, въ продолженіе девяти или десяти мѣсяцовъ.

На ночь ссылаютъ ихъ на дно корабля, и когда при наступленіи дня, приводятъ ихъ на верьхъ для переклички, то прибавляютъ еще новыя цѣпи къ тѣмъ, коими они уже и такъ обременены. Сіи предосторожности суть по несчастію необходимо нужны; по тому, что

иногда не остается на кораблѣ болѣе десяти бѣлыхъ, для присматриванія днемъ и ночью за двумя стами Негровъ, и для корабельныхъ работъ.

Успѣхъ сихъ предосторожностей долженъ казаться удивительнѣе, нежели недостатокъ ихъ; ибо и одинъ мигъ небреженія можетъ подать невольникамъ случай, коего они безпрестанно ищутъ; но малѣйшій бунтъ производитъ страшное кровопролитіе; ибо какъ скоро начнется какое либо движеніе между Неграми, то отчаяніе придаетъ имъ невѣроятное мужество, и прежде здачи проливаютъ они токи крови.

Часто невольникъ измѣняетъ своимъ товарищамъ прежде, нежели они произведутъ въ дѣйство заговоръ свой; тогда политика и необходимость заставляютъ насъ осыпать похвалами и награжденіями сего бездѣльника, осквернившагося ужаснѣйшимъ преступленіемъ, и на-

казывать жестоко его бѣдныхъ сообщичей; сіи наказанія зависятъ отъ воли Капитанской, нѣкоторыя изъ нихъ умѣряютъ оныя, но вообще дѣйствія мщенія, сопряженнаго съ безпредѣльною властію, бываютъ ужасны, сердца же ихъ уже давно ожесточали, и не внимаютъ ни прозьбамъ ни стѣнаніямъ.

Я видалъ сихъ несчастныхъ невольниковъ терзаемыхъ лютыми ударами кнутьевъ, коими все тѣло ихъ было, такъ сказать, изодрано, кои наконецъ отъ жестокаго страданія переставали кричать и лишалися даже нужной силы, для возбужденія сожалѣнія. Я видѣлъ ихъ подъ адскою машиною претерпѣвающихъ неизвѣстныя до того мученія, и продолжающихъ преступленія и злодѣйство своихъ мучителей томительною смертію, продолжающеюся по нѣскольку часовъ и даже по нѣскольку дней.

Я часто слыхалъ одного изъ

сихъ звѣросердныхъ Капитановъ превозносящагося изобрѣтеніемъ разныхъ ужасныхъ средствъ, кои употребляялъ онъ въ наказываніи бунтующихъ невольниковъ, дабы учинить смерть ихъ сколь можно жесточайшею. Я умалчиваю о подробностяхъ сихъ, изъ уваженія къ чувствительности моихъ читателей.

Въ то время, какъ я былъ еще въ Африкѣ, то Порутчикъ одного купеческаго корабля купилъ молодую Негрянку съ прекраснымъ рабенкомъ, которой еще сосалъ грудь; ночью сей младенецъ началъ плакать; и поелику мѣшалъ онъ спать Поручику, то сей вскочилъ съ бѣшенствомъ, и угрозами своими привелъ сію бѣдную невольницу въ неописанной ужасъ; она обѣщалася, дрожжа отъ страха, унять своего рабенка; но всѣ ея старанія были тщетны. Лютый ея Господинъ проснувшись отъ того въ другой разъ, схватилъ несчастнаго младенца и бро-

силъ его въ море: симъ избавился онъ отъ его крика; но вопль злополучной и отчаянной матери соединяся съ ужаснымъ гласомъ совѣсти, лишилъ сего Европейца, въ продолженіе всего сего путешествія, и можетъ быть и навсегда, того покоя, которой онъ желалъ снискать. Я здѣсь останавливаюсь: не должно истощать всего сострадания на одного младенца, между тѣмъ, какъ часто сотнями низвергали въ море бѣдныхъ Негровъ, въ случаѣ недостатка пресной воды.

Женщины невольницы, кои ни мало не опасны, суть столь же достойны сожалѣнія на нашихъ корабляхъ, какъ во взятомъ приступомъ городѣ, преданномъ лютости салдатъ; однако же не смотря на то, сіи нещастныя соблюдаютъ всю стыдливость, свойственную ихъ полу. Я видѣлъ Шербросскихъ женщинъ, оказывающихъ такую скромность и нѣжность, которыя бы и Агличанкамъ могли сдѣлать честь;

добродѣтель извѣстна въ сихъ странахъ, кои мы называемъ дикими. Я часто ночевывалъ одинъ въ ихъ сельбищахъ со всеми моими товарами, не имѣя иной двери, кромѣ простой занавѣски; малѣйшая забота и недовѣрчивость показалась бы мнѣ тогда несправедливостію и обидою симъ добродѣтельнымъ несчастливцамъ, между тѣмъ, какъ ни одинъ благоразумной человѣкъ не можетъ быть въ сей сплошной довѣренности по среди нашихъ просвѣщенныхъ городовъ.

Пріобыкши поступать съ нашими невольниками съ толикимъ же презрѣніемъ, какъ и лютостію, не должно удивляться несправедливымъ нашимъ поступкамъ въ торговлѣ съ Неграми; мы употребляемъ простоту ихъ и легковѣріе во зло, всегда стараемся только, какъ бы больше получить выгоды, и даже осмѣливаемся хвастать употребляемыми противъ ихъ обманами и успѣхами отъ оныхъ.

Такимъ образомъ мы ни одного товара не промѣниваемъ имъ въ природномъ ему состоянiи; въ напитки примѣшиваемъ большую часть воды, въ пороховые боченки вставливаемъ фальшивое дно, изъ средины кусковъ, шерстяныхъ и льняныхъ матерiй, вырѣзываемъ цѣлые аршины; однимъ словомъ, мы обманываемъ Африканцовъ въ числѣ, въ вѣсѣ, и въ качествахъ всего ими у насъ покупаемаго: и сiе искусное воровство возбуждаетъ въ бѣлыхъ другъ передъ другомъ соревнованiе; каждый день прибавляется нѣчто къ нашему вѣроломству, и къ испорченiю нравовъ нашихъ. Африканцы, съ своей стороны, принуждены перенимать наши пороки, дабы научиться отъ оныхъ предостерегаться; они дѣлаются ревнивы и мстительны. Естьли Европейцы подъ какимъ либо предлогомъ удержатъ Негровъ на корабляхъ своихъ, то Африканцы стараются имъ тѣмъ же отпла-

тить; но всегда надъ купцами одной гавани. Столько-то любовь ихъ къ правосудію можетъ еще дѣйствовать надъ ними, и обуздывать ихъ пламеннѣйшія страсти; они терпѣливо ожидаютъ пришествія того корабля, на которой они думаютъ, что имѣютъ право напасть: и такъ они отмщая намъ, даютъ поводъ опять имъ вредить. Такимъ образомъ торговля наша останавливается, по причинѣ ссоръ и ненависти; но вскорѣ необходимость заставляетъ заключить родъ мира, съ которымъ, однако же, сопутствуютъ всѣ знаки гнѣва, недовѣрчивости и обмана; ибо мы всегда остаемся вооруженными, а съ ихъ стороны купцы не покидаютъ никогда длинныхъ своихъ ножей, что служитъ явнымъ доказательствомъ взаимныхъ подозрѣній, коихъ миръ истребить не можетъ. *Развѣ ты меня почитаешь за бѣлаго?* Такъ они обыкновенно отвѣчаютъ тому, кто сомнѣ-

вается въ ихъ честности. Таково то есть свойство и слѣдствіе сего вывоза Араповъ, и таково-то развратное училище, въ коемъ тысячи нашихъ матросовъ воспитываются. Послѣ сего, должно ли дивиться тому духу независимости, которой ихъ образуетъ, и не должны ли мы уничтожить такую торговлю, которая, подобно ядовитому корню, отравляетъ всѣ отрасли нашего мореплаванія.

Я сдѣлалъ всѣ сіи наблюденія въ бытность мою въ Шербро, и сей есть изъ Африканскихъ городовъ тотъ, въ которомъ находится наиболѣе справедливости и честности. Родъ жрецовъ, называемыхъ *Пурровъ*, имѣютъ власть исполнительную и законодательную, и подъ ихъ-то начальствомъ исполняется благочиніе со всевозможною точностію.

Рабское состояніе у сихъ народовъ гораздо сноснѣе, нежели въ нашихъ колоніяхъ.

Главный предметЪ нашихЪ купцовЪ состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ наполнить ихЪ корабль: естьли грузЪ состоитЪ изо ста бочекЪ, то они помѣщаютЪ двести пятдесятЪ невольниковЪ. Конуры сихЪ несчастныхЪ не имѣютЪ болѣе пяти футовЪ вышины; но они раздѣлены досками на подобіе книжнаго поставца, между которыми ихЪ столь тѣсно помѣщаютЪ, что не возможно ни одного лишняго человѣка помѣстить. Я видѣлЪ одного бѣлаго, кому поручено было употребить все свое искуство, дабы сколь можно тѣснѣе натаскать сихЪ НегровЪ; должно примѣтить, что сіи люди столь сжатыя имѣютЪ, сверьхЪ того, на ногахЪ и на рукахЪ желѣзы, и скованы по парно такЪ, что не могутЪ ни двигаться ни покуситься встать или лѣчь безЪ того, чтобЪ не ушибиться, или не зашибить своего цѣпнаго товарища; и во все сіе время, какЪ они бываютЪ скованы,

то каченіе корабля причиняетъ имъ нестерпимую боль и родъ безпрестанной пытки. Наконецъ вонь и жаръ сихъ конуръ, въ коихъ запираютъ въ дурную погоду невольниковъ, и раны отъ желѣзъ загнивающіяся и воспаляющіяся въ семъ испорченномъ воздухѣ, причиняютъ имъ мучительную смерть. Отперевъ поутру сіи адскія жилища, съ ужасомъ видятъ иногда въ нихъ примѣръ Мезанской казни, то есть, живова человѣка прикованнаго къ мертвому; часто мучитель и мучимый погибаютъ отъ всеобщей заразы, часто половина невольниковъ умираетъ во время путешествія. Корабль, на которомъ я занималъ второе мѣсто по начальникѣ, поплылъ отъ берега со сто осмнадцатью Неграми, изъ коихъ потѣряли мы шестдесятъ, не щитая тѣхъ, кои померли еще до нашего отъѣзда; однако же съ нами ничего чрезвычайнаго не случилось. И такъ можно положить

на количество умирающихъ четвертую долю, полагая кругомъ счастливыя и несчастливыя путешествія.

Поговоримъ теперь о тѣхъ, кои остаются въ живыхъ: рабство въ ихъ землѣ есть состояніе спокойствія и свободы, въ сравненіи съ положеніемъ ихъ на нашихъ корабляхъ; но можетъ быть захотѣли бы они провести остатокъ дней своихъ на сихъ корабляхъ, естьлибъ знали родъ рабства ихъ ожидающаго; можно о томъ судить по слѣдующему:

Одинъ Антигойскій заводчикъ говорилъ мнѣ однажды, что разочтя хорошенько барыши, найдено наконецъ, что гораздо выгоднѣе замучивать на работѣ невольниковъ въ три или въ четыре года, заставляя ихъ безъ пощады трудиться, нежели продолжать ихъ жизнь до старости, щадя ихъ и кормя здоровою и сытною пищею; и такъ, продолжалъ онъ, большая часть расчетливыхъ заводчиковъ приняли сію ме-

тоду, и я бы могъ вамъ назвать многія Антигойскія селенія, въ которыхъ весьма рѣдко можно найти, чтобъ невольникъ, самый здоровѣйшій, прожилъ болѣе девяти лѣтъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ КРИТИЧЕСКИХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НѢКОТОРЫЯ НЕИМОВѢРНЫЯ ДѢЯНІЯ И СКАЗАНІЯ ДРЕВНЕЙ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что у Еѳіоповъ, когда у Короля заболитъ какая либо часть тѣла, то всѣ его придворные повреждали и у себя ту же часть. Къ сему присовокупляетъ онъ еще и то, и при томъ увѣряетъ, что друзья Королевскіе при смерти его умерщвляли сами себя. Я удивляюсь, что Страбонъ упоминаетъ о семъ обычаѣ; хотя онъ о томъ говоритъ только

мимоходомъ. По видимому не осмѣливается онъ распространяться о семъ невѣроятномъ дѣяніи. Какое попѣченіе должны были имѣть Еѳіопы о своемъ Королѣ и о его здоровьѣ! Какіе обѣты возсылали они къ Богу, чтобъ онъ продлилъ его вѣкъ, и чтобъ не выломилъ онъ себѣ руки или ноги! Но естьли придворные и друзья Царскіе себя умерщвляли, то всѣ его родственники, и всѣ дворяне, коихъ такъ же должно почитать къ нему приверженными, всѣ умирали: то кто же былъ преемникомъ Престола?

Титъ Ливій, говоря о многочисленной Арміи, съ которою Сципіонъ отправился въ Африку, присовокупляетъ: „Естьли Целій о томъ не говоритъ, то должно полагать, что число сей Арміи было чрезвычайно велико; ибо онъ повѣствуетъ, что отъ крика и шума сихъ войскъ упадали на землю птицы, поражен-

ныя онымъ какъ громомъ.,, Титъ Ливій, кажется, сомнѣвается въ семъ, и дѣйствительно не вѣроятно сіе, развѣ положить такъ, что всѣ сіи салдаты и птицы были заперты въ одной горницѣ. Сверьхъ того, кому не извѣстно, что чемъ болѣе крика и шума слышатъ птицы, то тѣмъ выше взвиваются онѣ въ верьхъ и улѣтаютъ далѣе.

Павзаній говоритъ, что по берегамъ рѣки Піерія находятся столь древнія и большія деревья, что можно давать въ оныхъ на сто и болѣе человѣкъ обѣды. Для чего бы ему не прибавить къ сему, что можно въ нихъ обучать конный полкъ и травить зайцовъ?

Тотъ же Павзаній говоритъ, что въ Индіи находятся нѣкоторыя народы, Моноскелами называемые, кои отмѣнно рѣзво бѣгаютъ, и толь-

ко по одной ногѣ имѣютъ. Подошва у нихъ столь широка, что для защищенія себя отъ чрезмѣрнаго зноя ложатся они на спину, и тѣнію ноги своей закрываются отъ Солнечнаго жару. Плиній называетъ ихъ Скіаподами. Какъ можно себѣ представить, чтобъ люди могли рѣзво бѣгать, имѣя только одну ногу, и подошву столь широкую, какъ Зондекъ? (Солнцещитъ.)

Плиній говоритъ, что въ округѣ Ріетской находятся столь жирныя поля, что трава закрываетъ шесты, поставленные тамъ наканунѣ. Я отдаю читателямъ судить, можно ли сему повѣрить.

Языческій законъ, подобно прочимъ, имѣлъ такъ же многихъ людей оному невѣрующихъ. Естьли въ древности были такіе люди, кои почитали оракулы, или прорицалища;

то многіе надъ оными смѣялися. Такъ, какъ на примѣръ: Александръ надъ узломъ Гордіевымъ, и нѣкоторой Египтянинъ, о коемъ я намѣренъ здѣсь говорить. Аѳиней выписалъ сію повѣсть изъ Иродота. Сей авторъ, говоритъ онъ, во второй книгѣ своей исторіи повѣствуетъ, что *Мицериній* Египтянинъ узналъ отъ угадчиковъ, что ему не долго жить. Онъ запасся великимъ количествомъ свѣтильниковъ, и началъ провождать дни и ночи въ безпрестанномъ питьѣ и яденіи. Онъ бѣгалъ по лѣсамъ и по полямъ, ища тѣхъ мѣстъ, куда молодые люди собиралися для увеселенія; и тамъ напивался до пьяна.

Иродотъ подаетъ намъ яснѣйшее понятіе о *Мицериніи*, и я здѣсь предложу собственныя его слова. По его сказанію, Мицериній былъ Король Египетскій. „По претерпѣніи имъ многихъ несчастій, услышалъ онъ отъ оракула, что ему

осталось только жить шесть лѣтъ, а на седмой годъ онъ умретъ.... Онъ велѣлъ наготовить множество факеловъ, кои всякую ночь по его приказанію зажигалися, дабы проводить время въ пьянствѣ и въ веселіи. Онъ безпрестанно днемъ и ночью бѣгалъ по лѣсамъ и по полямъ, гдѣ зналъ, что собираются для веселости молодые люди. Преобращая такимъ образомъ ночи въ дни, хотѣлъ онъ опровергнуть оракулъ, и прожить вмѣсто шести двенатцать лѣтъ.,,

Нѣтъ ни одного ученаго человѣка, которой бы не вѣдалъ причины сна. Медики и Философы опытами доказали, что главныя причины сна суть усталость и пары, отъ пищи въ голову поднимающіеся; умонапряженіе, ученіе и печаль такъ же его производятъ. Но я не останавливаясь на другихъ причинахъ, упомяну только о пищѣ. Я говорю о пищѣ обыкновенной и умѣренной, дабы

лучше могли понять, что можетъ случиться съ человѣкомъ, безпрестанно въ крайности вдавающимся. Сонъ необходимо нуженъ для жизни. Судьи не менѣе наказывали въ старину преступниковъ, не давая имъ спать, какъ и моря ихъ голодомъ. Говорятъ, что салдаты Персеевы, Царя Македонскаго, будучи раздражены противъ его, и не имѣя позволѣнія поступить съ нимъ худо, и обругать, вздумали мѣшать ему спать; и что сей Государь, отягченый сномъ, умеръ отъ сей новаго рода казни. Сверьхъ сего доказано, что не льзя жить безъ спанья. Однакожъ не смотря на то, Мицериній, на зло оракулу, лишилъ себя сна. Сему почти не льзя повѣрить, естьли бы то и о сумасшедшемъ какомъ разсказывали. Аѳиней примѣтилъ, что о Царѣ Египетскомъ такая повѣсть еще невѣроятнѣе покажется, и такъ онъ отнялъ у него сей титулъ, которой Иродотъ ему при-

писываетъ. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, можно подумать, чтобъ столь великой Государь проводилъ шесть лѣтъ единственно въ томъ, что пилъ и ѣлъ по днямъ и по ночамъ, бѣгалъ по шинкамъ, и повѣсничалъ съ молодыми вертопрахами? Симъ столь недостойнымъ Государя поведенiемъ, какъ не возмутилъ онъ противъ себя народъ?

Согласимся, что онъ не спалъ; хотя въ разсужденiи его распутства, сонъ былъ для него нужнѣе, нежели для другова. Начто же онъ велѣлъ наготовить такое множество факеловъ? Не на то ли, чтобъ сдѣлать изъ ночи день? Хорошо. Но развѣ во Дворцѣ его не было факеловъ? Развѣ не довольно было на всякой день заготовлять ихъ? По скольку ихъ вдругъ зажигали? Естьлибъ Иродотъ и Аѳиней сказали, что Мицериній забавлялся за обѣдомъ и за ужиномъ съ родственниками и друзьями своими, что онъ

страстно желалъ имѣть обхожденіе съ женщинами; то сіе было бы вѣроятнѣе. Но нѣтъ, сіи утѣхи были надмѣру честны. Египетскій Царь бѣгалъ по мхамъ и по болотамъ за распутными юношами. Какое удовольствіе! Сколь способны были болота увеселять Государя! Кто когда слыхалъ, чтобъ Египтяне для пированія собиралися по лѣсамъ и по болотамъ, и чтобъ какой нибудь Царь столь жадно объѣдалъ своихъ подданныхъ? Развѣ не могъ онъ приказать готовить себѣ столы тамъ, гдѣ ему хотѣлось? Развѣ не доставало ему придворныхъ, кои бы почли за отмѣнную честь дѣлить его увеселенія? Весело ли было тѣмъ молодымъ людямъ, что онъ приходомъ своимъ тревожилъ ихъ, и разрушалъ ихъ празднованія, въ тѣхъ болотахъ, куда они, по видимому, уходили для того, чтобъ скрытнѣе вдаваться тамъ во всякія распутства? Сіе короткое знакомство Мице-

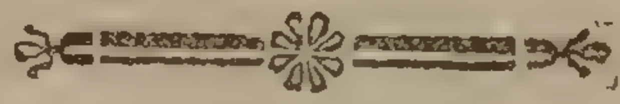
рин҃ія съ его подданными, не хотятъ ли господа любители древности поставить намъ въ примѣръ тогдашней блаженной простоты нравовъ?

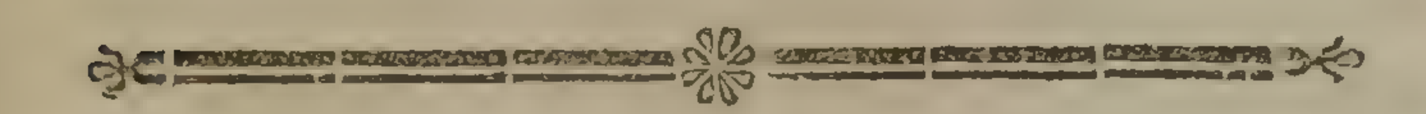
Павзаній говоритъ, что въ Греціи девять лѣтъ не было ни капли дождя, что всѣ рѣки отъ того совершенно высохли, выключая рѣку Хризорою. Безполезно, кажется, доказывать лживость такой басни; она очевидна.

Нѣкоторые народы, какъ на примѣръ Галлы, говоритъ Діодоръ, сражалися нагіе. „Въ числѣ ихъ находятся такіе, кои до такой степени презираютъ смерть, что идутъ нагіе сражаться съ непріятелями, и только опоясываются холстиною.„ Полибій сказываетъ то же о Галлахъ, кои обитали въ Алпійскихъ горахъ, и назывался *Генатами*. Они не носили платья, дабы ловчѣе имъ было сражаться, и чтобъ поскорѣе итти

не зацѣпляяся ни зачто. Однако же, мнѣ кажется, выгоднѣе изодрать платье, нежели ноги и тѣло.

Однажды, какъ Клеаноъ велъ въ комедію молодыхъ людей, то поднялся столь сильной вѣтръ, что раздѣлъ его до рубашки, сорвавъ съ него все платье. Сей Философъ пришелъ въ театръ въ семъ положеніи, и Аѳиняне осыпали его рукоплесканіями. Сію повѣсть разсказываетъ Діогенъ Лаерцій. Прилично ли столь важному Философу бѣгать съ толпою молодыхъ людей по улицамъ, и показаться въ театрѣ нагишомъ? Аѳиняне надмѣру были разборчивы въ похвальныхъ дѣяніяхъ, чтобъ не похвалить Клеанеа за сей поступокъ, сколько онъ того былъ достоинъ. И въ наши времена бываютъ сильные вѣтры; но съ какою бы силою вѣтръ не дулъ, однако все не можетъ раздѣть насъ до нага.

СТАТЬЯ УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ.

АТАЛИДА,

Восточная Повѣсть.

Солиманъ, при возшествіи своемъ на престолъ Турецкій, нашелъ въ Сералѣ безчисленныя сокровища, и великое множество Султаншъ. Предмѣстникъ его страстно любилъ женщинъ. Кто могъ представить ему рѣдкой красоты дѣвицу, тотъ твердо надѣялся на милость Государя, и на соразмѣрную подарку своему награду. Всѣмъ извѣстно, что Султаны Турецкіе полагаютъ часть своей пышности въ числѣ женщинъ, назначенныхъ къ ихъ утѣхамъ.

Одно изъ перьвыхъ попеченій новаго Султана, которой былъ мо-

лодъ и пригожъ, состояло въ томъ, чтобъ собрать Серальскихъ женщинъ, въ надеждѣ найти въ такомъ множествѣ одну такую, которая была бы достойна его привязанности; однакожъ въ семъ онъ не имѣлъ успѣха. Ему представилось, что надмѣру великое число оныхъ было причиною сего; и такъ онъ велѣлъ ихъ приводить къ себѣ по одиначкѣ. Но еще въ большую впалъ отъ того нерѣшимость, когда почувствовалъ одно только хладное удивленіе къ ихъ прелестямъ, безъ малѣйшаго желанія. Досадуя на свое равнодушіе, жаловался онъ о томъ Визирю своему Амулаку: сколь я несчастливъ! сказалъ онъ ему; я видѣлъ всѣхъ Султаншъ вмѣстѣ, и видѣлъ каждую особливо, но ни одна не тронула моего сердца. Государь, отвѣчалъ ему Визирь, Ваше Величество да повелитъ всѣмъ Правителямъ и Пашамъ, чтобъ они по обыкновенію прислали въ Сераль

первыхъ красавицъ Имперіи Вашей; и естьли сіе вамъ угодно, то я извѣщу ихъ о вашей волѣ. Такія приказанія, отвѣчалъ Султанъ, могутъ возмутить спокойствіе моихъ подданныхъ. Мнѣ сказывали, что дочь твоя можетъ внушить истинную страсть, приведи ее ко мнѣ завтра; я знаю, что она тебѣ мила: и такъ счастіе твое и слава зависятъ отъ впечатлѣнія, которое прелести ея произведутъ надъ моимъ сердцемъ.

Удивленный Амулакъ не отвѣчалъ ни слова; онъ имѣлъ только двухъ дѣтей: сына, называемаго Ахметомъ, и дочь Аталиду, которую онъ любилъ столь нѣжно, что отъ страха, съ нею растаться, былъ онъ пораженъ повелѣніемъ Султанскимъ, какъ громомъ. Пронзенный жестокою горестію, пришелъ онъ домой; сынъ встречаетъ его у воротъ, и примѣтя его безпокойство, спросилъ о причинѣ онаго. Я пропалъ, Ахметъ, сказалъ ему Визирь, естьли твои

совѣты не извлекутъ меня изъ сего недоумѣнія, въ которое Солиманъ меня повергнулъ. Могу ли я надѣяться отвѣчалъ Ахметъ, чтобъ въ мои лѣта могъ я вамъ присовѣтовать что либо полезное въ такомъ дѣлѣ, гдѣ весь вашъ умъ и опытность не въ силахъ ничего вамъ внушить.

Нужды нѣтъ, отвѣчалъ Визирь, ты безпристрастенъ, а я отягченъ печалію. Султанъ, продолжалъ онъ, будучи нечувствителенъ ко всѣмъ Серальскимъ женщинамъ, требуетъ у меня твоей сестры. Не сіе ли только васъ тревожитъ? возразилъ Ахметъ. Ты разсуждаешь, прервалъ стремительно Амулакъ, подобно Султану; но я со всѣмъ иначе думаю: естьли Аталида не понравится Султану, то будетъ всегда несчастна. я люблю ее и теряю; ибо тебѣ извѣстно, что дѣвица вошедъ въ Сераль, никогда уже изъ него не выходитъ, хотябъ Султанъ ея любилъ

или не любилъ. Естьлибъ сестра твоя и понравилась ему северни, то онъ имѣетъ столь мало склонности къ женщинамъ, что можетъ быть завтра же она ему наскучитъ, и я не увижу болѣе Аталиды, которая мнѣ стократно дороже моей жизни.

Государь, отвѣчалъ Ахметъ, Солиманъ молодъ; повѣсть, которую онъ слышалъ отъ васъ о прелестяхъ Аталиды, возбудила въ немъ любовь, которую онъ къ ней чувствуетъ, и то презрѣніе и холодность, кои оказываетъ онъ ко всѣмъ прочимъ женщинамъ. Но поелику разлука съ моею сестрою кажется вамъ столь тягостною; то не должно повиноваться. Я не хочу, отвѣчалъ Визирь, отказать Императору, но ищу только способа удержать мою дочь не раздража Государя.

Государь, сказалъ Ахметъ, Аталиду еще ни кто не знаетъ, она не выходила изъ дома, и не казалася инымъ глазамъ, кромѣ нашихъ. Сіе

счастливое обстоятельство будетъ споспѣшествовать выдуманной мною хитрости: надлежитъ сыскать невольницу красоты необычайной, и одѣвъ въ платье сестры моей, отвести ее во Дворецъ подъ покрываломъ, дабы ваши домашніе не могли ея видѣть.

Сія дѣвка, будучи обязана вамъ своимъ счастіемъ и честію, столь же твердо будетъ хранить тайну, какъ и вы. Вы постараетесь показать Султану, сколь трудно вамъ раставаться навсегда съ вашею дочерью, и будете его умолять, чтобъ онъ ее возвратилъ вамъ, естьли она ему не понравится. Чрезъ сіе избѣгнете вы отъ единаго, могущаго погубить васъ, неудобства; ибо она могла бы открыть вашу тайну, естьлибъ Солиманъ не оказывалъ ей всѣхъ лестныхъ сихъ уваженій; но естьли онъ согласится вамъ ее отдать, то вамъ ни чьей нескромности не чего будетъ опасаться.

Амулакъ, обрадованный симъ совѣтомъ, возложилъ на сына своего стараніе купить невольницу. Государь, отвѣчалъ Ахметъ, ваша довѣренность дѣлаетъ мнѣ честь; но я еще столько молодъ, что мнѣ не можно поручить покупку дорогихъ невольницъ; естьли же, сверьхъ того, я скажу о себѣ, то всѣмъ извѣстно, что въ мои лѣта не позволено еще имѣть женъ; и такъ лучше прикажите купцу привести къ вамъ самыхъ молодыхъ и пригожихъ невольницъ, которыхъ онъ имѣетъ. Бѣги сынъ мой, отвѣчалъ Визирь; бѣги къ нему, и скажи повелѣніе мое, я буду въ садовыхъ моихъ покояхъ, прикажи ихъ ввести въ задніе вороты, дабы ни кто не могъ ихъ примѣтить.

Ахметъ объявилъ желаніе Визиря славнѣйшему продавцу невольницъ; сей выслушавъ оное съ почтеніемъ, пришелъ съ четырью невольницами въ назначенное мѣсто.

Какъ скоро онѣ сняли покрывала, то Амулакъ былъ ослѣпленъ ихъ красотою; но одна изъ четырехъ, которая горько плакала, болѣе прочихъ ему понравилась. Онъ спросилъ о причинѣ ея слезъ. Государь, отвѣчалъ купецъ, сія дѣвушка, превосходящая красотою подругъ своихъ, огорчена теперешнимъ своимъ положеніемъ; но когда она разсудитъ здраво о чести, вами ей дѣлаемой, то печаль ея вскорѣ минется, и красота ея приметъ паки весь свой блескъ.

Между тѣмъ, какъ Визирь разговаривалъ съ купцомъ, Ахметъ, увидя прелести сей огорченной невольницы, былъ тронутъ ея слезами; кинутый же ею на него взглядъ довершилъ покорить его красотѣ ея. Разсуждая о томъ, что она назначена для Сераля, и что завтра же должна вступить въ оной, не надѣялся онъ въ толь короткое время отвратить Амулака отъ намѣренія,

которое онъ самъ внушилъ ему, ниже побудить его замѣстить сію невольницу другою; и когда бы его отецъ и дѣйствительно на оное согласился, то неизвѣстно было, уступитъ ли онъ ему сей милый предметъ его любви. Между тѣмъ торгъ кончился, и Визирь повелъ съ собою дѣвушку. Альманзина (такъ она называлася) уходя, бросила столь нѣжный и выразительный взглядъ на Ахмеда, что онъ бы отъ такой радости умеръ, естьлибъ былъ въ спокойнѣйшемъ состояніи. По сему взгляду заключилъ онъ, что любя страстно сію красавицу, былъ онъ и ею любимъ взаимно.

Слезы и стенаніе сей невольницы умножалися по мѣрѣ ея отдаленія. Ахметъ по несчастію слышалъ и малѣйшія ея вздохи, онъ предался жестокой горести, и проводилъ всю ночь въ саду. Наступившій день принудилъ его возвратиться въ комнату его родителя,

дабы еще разъ увидѣть сію любезную невольницу до отъѣзда ея въ Сераль; но Визирь, горя нетерпѣливостію увѣнчать хитрость свою успѣхомъ, уже отправился съ Альманзиною во Дворецъ. Сія поспѣшность показалася не вмѣстною влюбленному Ахмету, и онъ почелъ ея непростительною скоростію, будучи въ отчаяніи, что ни чего не удалось ему учинить, для удержанія сей невольницы, о которой онъ чрезмѣрно сокрушался. Однако же слабый лучь надежды блеснулъ внезапу въ душѣ его. Солиманъ, говорилъ онъ самъ себѣ, будетъ столько же равнодушенъ къ Альманзинѣ, какъ и къ прочимъ женщинамъ, онъ можетъ быть возвратитъ ее Визирю, и тогда мнѣ легко будетъ ее получить. Единая красота Альманзины его тревожила; но онъ вскорѣ вышелъ изъ своего пріятнаго заблужденія: ибо Амулакъ возвратился изъ Дворца одинъ. Сколько я тебѣ обязанъ, сынъ мой!

сказалъ Визирь, обнимая его; невольница понравилась, не взирая на слезы ея: влюбленный Султанъ отвелъ ее самъ въ великолѣпнѣйшую комнату Сераля. Ахметъ, услыша сію вѣсть, упалъ безъ чувствъ. Оставимъ его стараніямъ и попеченіямъ его домашнихъ, и посмотримъ, что произходило съ Альманзиною.

Какъ скоро Амулакъ отпустилъ купца, то отвелъ сію невольницу къ Аталидѣ. Вотъ, сказалъ онъ ей, дѣвица, которую я долженъ завтра представить Султану, дабы она тронула его сердце; укрась ея тѣмъ изъ своихъ нарядовъ, которой наиболѣе къ ней пристанетъ. Назавтрѣ Визирь взялъ Альманзину къ сторонѣ, и сказалъ ей: я купилъ тебя для сильнѣйшаго Монарха въ свѣтѣ; слезы твои и красота столько преклонили мое къ тебѣ благоволеніе, что я назвалъ тебя Султану моею дочерью, дабы онъ болѣе оказывалъ тебѣ уваженія. Онъ далъ мнѣ вѣр-

ное слово отпустить тебя ко мнѣ, естьли ты не будешь имѣть счастія ему понравиться, и естьли сіе случится, то я помѣщу тебя въ число моихъ дѣтей, и постараюсь участь твою учинить благополучною. Милости мои къ тебѣ будутъ стоить жизни тебѣ и мнѣ, естьли Султанъ узнаетъ о твоемъ истинномъ состояніи; но тебѣ легко притвориться моею дочерью, поелику ни кто ни когда ее не видалъ, и что я тебя подъ ея именемъ представляю. Сіи лестныя слова извлекли новыя слезы изъ глазъ Альманзины. Хотя она и почувствовала немалую печаль, когда думала, что Визирь покупаетъ ее для себя; но мысль, обитать въ единомъ домѣ съ Ахметомъ, утишала нѣсколько ея горесть: узнавъ же, что ея назначаютъ въ Сераль, лишилась она всей надежды видѣть когда либо сей милый предметъ ея горячности. Она послѣдовала за Амулакомъ, не

отвѣчая ни слова. Султанъ же, не взирая на слезы, изобильно ею проливаемыя, столь былъ пораженъ блескомъ ея прелестей, что благодарилъ Визиря, и ввелъ самъ Альманзину въ Сераль, оказывая ей всѣ уваженія страстнаго любовника, и прося ея умѣрить свою печаль. Ахъ! Государь, отвѣчала она ему, слезы мои проистекаютъ изъ надмѣру справедливаго источника; чтобъ могла я ихъ такъ скоро осушить! Какая же тому причина, спросилъ Султанъ? Я плачу, сказала она, о вашемъ и моемъ несчастіи. О моемъ несчастіи? прервалъ Султанъ, я обладаю тобою, и ничего не опасаюсь. Не скрывай отъ меня долѣе, прощу тебя, причину твоей горести, я пріемлю въ ней живѣйшее участіе; и всѣ силы мои употреблю, дабы разсѣять оную, и доставить тебѣ всѣ возможныя пріятности.

Государь, продолжала она, несчастіе ваше состоитъ въ томъ,

что вы думаете, что любовь зависитъ отъ вашего сана, что она необходимо должна слѣдовать вашимъ повелѣніямъ. Что до меня, то я почитаю сію страсть такою, какова она есть въ самомъ дѣлѣ. Никогда власть не способна была рѣшить въ свою пользу тѣхъ сладостныхъ преимуществъ, кои восхищаютъ душу. А ты, Государь, почитаешъ себя счастливымъ, когда какая женщина тебѣ понравится, будучи увѣренъ въ томъ, что никто не осмѣлится у тебя ее похитить; ты не заботишся о томъ, чтобъ самому тебѣ ей понравиться: и такъ не чувствуешь ты никогда сладости той взаимной нѣжности, которая составляетъ всю прелесть любви. Тебѣ клянутся, что ты любимъ; но какимъ образомъ можешь ты въ томъ удостовѣриться, когда единая твоя власть исторгаетъ получаемыя тобою благосклонности?

Ты слишкомъ много знаешъ,

отвѣчалъ Султанъ съ гнѣвомъ, для такой дѣвушки, которая не видала ни одного мущины, кромѣ своего отца; видно, что его безмѣрное къ тебѣ снисхожденіе подало случай научиться тебѣ тонкостямъ любви на щетъ его и моей чести.... Я не Визирская дочь, отвѣчала Альманзина, онъ вче а меня купилъ, и назвалъ своею дочерью только для того, чтобъ я болѣе подѣйствовала надъ твоимъ сердцемъ. Такъ ты не дочь Визиря! сказалъ разгнѣванный Султанъ, онъ заплатитъ мнѣ своею головою за сей обманъ. Что касается до тебя, то надѣйся всего отъ своей красоты, естьли ты чистосердечно мнѣ признаешся, какимъ образомъ въ твои лѣта можешь ты знать любовь столь совершенно, и для чего упрекаешь меня такими чувствіями, которыя хотя свойственны большой части Государей, но я ихъ отнюдъ въ душѣ моей не имѣю. Онъ посадилъ ее близъ себя,

и Альманзина начала слѣдующимъ образомъ:

Отецъ мой Гассанъ и мать моя Затима, чувствовали другъ къ другу живѣйшую горячность. Я есмь единый плодъ ихъ нѣжности, и была всегда свидѣтельницею ихъ взаимной страсти: она-то мнѣ показала, Государь, блаженство такой любви. Уссинъ надмѣру жестоко далъ мнѣ возчувствовать тѣ несчастія, въ кои онъ насъ низвергнулъ. Колико любовь страшна, когда желаютъ употребить власть для овладѣнія сердцемъ, другому отдавшимся! Гассанъ, Паша острова Хіо, увѣренный въ сердцѣ своей супруги, безъ всякаго опасенія вводилъ ея въ бѣседы къ своимъ друзьямъ, и находилъ въ томъ удовольствіе, чтобъ она вмѣстѣ съ ними обѣдала. По несчастію, Уссинъ находился въ семъ числѣ; онъ влюбился въ Затиму, и желая взаимно быть любимъ, не щадилъ ничего для преклоненія къ себѣ

моей матери, которая надѣясь, что суровость ея къ нему отвратитъ его, нѣсколько времени не обЪявляла Гассану о нахальствѣ Уссина; но наконецъ вышедъ изъ терпѣнія, принудила моего отца удалить сего безпокойнаго человѣка. Удаленіе сего раздраженнаго любовника удвоило его неудовольствіе и горесть; онъ отправился ко Двору блистательной Порты, гдѣ посредствомъ своихъ пронырствъ нашелъ средство очернить своего совмѣстника, и перепросить себѣ чинъ его. Гордясь толикими успѣхами, пріѣхалъ онъ къ своей должности, въ сопровожденіи нѣмыхъ, кои имѣли повелѣніе требовать головы злополучнаго Гассана, которой едва только успѣлъ спастися бѣгствомъ; мать же мою и меня продали съ публичнаго торгу: Уссинъ купилъ насъ. Затима еще болѣе ненависти чувствуя къ сему тирану, всегда продолжала противиться его усиліямъ, и Паша, дабы

наказать мать мою за ея къ нему ненависть, продалъ меня Константинопольскому купцу, куда я и пріѣхала тому два дни назадъ.

И такъ предупредя васъ о любви, я хотѣла вамъ открыть мои чувствія. Знай же, Государь, что я дочь Затимы, и не менѣе ея имѣю рѣшимости; и хотя я твоя невольница, но скорѣй умру, нежели покорюся тебѣ, ежели ты покусишся похитить силою то, чего ты долженъ ожидать отъ моего согласія. И такъ, Государь, естьли слабыя мои прелести привлекли твое ко мнѣ вниманіе; то старайся прежде мнѣ понравиться; но берегись повелѣвать.

Я никогда и не имѣлъ другова намѣренія, отвѣчалъ Солиманъ, и всегда осуждалъ дурачества Музульмановъ, что они запираютъ у себя такое множество женщинъ прежде, нежели удостовѣрятся въ ихъ къ себѣ склонности. Моя разборчивость

побудила меня предпочесть дочь Визирскую; ибо я надѣялся, что воспитаніе ея болѣе меня къ ней привяжетъ, и что сія дѣвица, изъ благодарности за сдѣланное мною ей предпочтеніе, мало по малу почувствуетъ ко мнѣ любовь. Но я о ней не жалѣю, находя въ тебѣ все то, что заставляло меня желать обладанія ею; однакожъ я накажу дерзость ея отца.

Государь, отвѣчала она, вы говорите, что желаете мнѣ понравиться, и для доказанія мнѣ своего снисхожденія, осуждаете на смерть такого человѣка, коего все преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ доставилъ мнѣ счастіе быть у васъ. Поелику ты того желаешь, отвѣчалъ Султанъ, то жизнь его внѣ опасности; но можешь ли ты узнать его дочь? Могу, Государь, отвѣчала она; но естьли вы хотите учинить съ нею какой либо жестокой поступокъ, то я паки умоляю васъ,

чтобъ вы ея не обижали; она не вѣдаетъ преступленія своего отца, я въ томъ увѣрена. Сія любезная дѣвица проводила прошедшую ночь со мною. Не опасайся, чтобъ я велѣлъ лишить ея жизни, отвѣчалъ Султанъ, я желаю только посрамить отца въ его дочери.

Султанъ, прельщенный умомъ и пріятностями сей новой Султанши, съ трудомъ могъ ея оставить, и увѣрялъ ее о истинной своей къ ней любви. Сія красавица проводила ночь въ размышленіи о снисхожденіи къ ней Султана. Она желала бы заплатить ему взаимною горячностію; но страсть ея къ Ахмету, побудила ее вознамѣриться умертвить себя, какъ скоро потеряетъ она надежду быть когда либо супругою сего дражайшаго любовника.

Султанъ на другой день, рано поутру, послалъ повелѣніе къ Визирю, чтобъ онъ немедленно явился во Дворецъ. Амулакъ пошелъ со всею

нетерпѣливостію придворнаго, ожидающаго отмѣнной милости отъ своего Государя. Онъ ласкался быть не меньше, какъ наперстникомъ утѣхъ своего Монарха. Но удивленіе его было чрезмѣрно, когда Императоръ съ гнѣвомъ сказалъ ему: Амулакъ, ты мнѣ вмѣсто дочери представилъ невольницу, купленную вчера тобою; смерть твоя отомстила бы уже мнѣ за твою обиду, естьли бы сія невольница не удержала моего праведнаго гнѣва. Но наказаніе, мною тебѣ пріуготовляемое, не менѣе покажется тебѣ жестоко. Приведи ко мнѣ сего же утра дочь твою, а иначе ты и вся твоя семья заплатите за свое непослушаніе жесточайшею казнію.

Отчаянный Визирь возвратился домой. Ахметъ встретилъ его у воротъ. Сей молодой человѣкъ, ожидающій смерти при разсказываніи утѣхъ, вкушенныхъ Султаномъ, былъ столь огорченъ, что не примѣтилъ

печали своего отца. Амулакъ взявъ его къ сторонѣ, сказалъ ему: несчастіе мое безпредѣльно, невольница все открыла Султану, и онъ требуетъ Аталиду. Ахметъ, обрадованный симъ извѣстіемъ, которое возраждало почти со всѣмъ погибшую надежду его, подумалъ сперва, что Альманзина не понравилася Султану: поелику сей Государь требовалъ Аталиду; онъ едва могъ скрыть свою радость, и воспрепятствовать, чтобъ Визирь не примѣтилъ того, что произходило въ его сердцѣ. Амулакъ продолжалъ между тѣмъ разсказывать ему о гнѣвѣ Султанскомъ, и не забылъ упомянуть о всѣхъ учиненныхъ имъ угрозахъ.

Сей нѣжный сынъ уговаривалъ своего отца успокоить волнующее его смятеніе, и сказалъ ему: сестру мою и меня въ Сералѣ не знаютъ, Государь, и мы столько похожи другъ на друга, что легко можно въ насъ ошибиться; одѣньте меня въ сест-

рино платье, и отведите въ Сераль. Но что въ тебѣ Императору? сказалъ Визирь. Солиманъ, продолжалъ Ахметъ, столько на васъ разгнѣванъ, что конечно не сдѣлаетъ дочь вашу первою Султаншею; но онъ только хочетъ васъ наказать. Позвольте, чтобъ я игралъ лицо моей сестры, я выду изъ сего съ честію, посредствомъ собственнаго моего проворства, или съ помощію Альманзины, естьли Императоръ ея любитъ: покрайней мѣрѣ, вы симъ отдалите на нѣсколько дней несчастіе, угрожающее Аталидѣ. Амулакъ любилъ своего сына; но нѣжность его къ дочери предѣловъ не имѣла. И такъ хотя онъ и вѣдалъ всю опасность сей новой разлуки; но поелику она льстила его горячности, то онъ долѣе сему и не противился.

Красота и молодость Ахметова, когда одѣли его въ платье его сестры, учиняли его столь подобнымъ ей, что едва самъ Визирь не обма-

нулся. Онъ повелъ его въ Сераль, гдѣ Солиманъ, дабы болѣе оказать презрѣнія отцу, не удостоилъ приказать снять съ дочери покрывало. Отведите ее, сказалъ онъ Алію, начальнику черныхъ евнуховъ, къ Альманзинѣ, и естьли она признаетъ ея за дочь Амулакову, то одѣньте ея въ невольническое платье; что до тебя касается, Визирь, то домъ твой да будетъ тебѣ темницею, тебѣ и твоему сыну, впредь до новаго повелѣнія: а дочь твоя будетъ упражняться въ подлѣйшихъ работахъ Сераля. Безъ усильной же прозьбы Альманзины, ты и все твое семейство претерпѣли бы уже наказаніе, заслуживаемое подданнымъ, употребляющимъ во зло мою довѣренность.

Али представилъ новую невольницу Альманзинѣ, и сказалъ ей, снимая покрывало съ мнимой Аталиды: Государыня, Султанъ спрашиваетъ, сто ли дочь Визирская? Альманзина

узнала Ахмета, не смотря на его преображеніе, смущеніе ея отъ того едва было ей не измѣнило, но опасность столь милаго предмета придала ей бодрость. Такъ, ето она, отвѣчала она Алію; но доложи Императору, что онъ еще меня не знаетъ, естьли мыслитъ ласкать моему тщеславію, приславъ ко мнѣ сію невольницу. Естьли же, однако, хочетъ онъ наказать отца въ особѣ дочери, то я не противлюсь его волѣ; но отъ меня да не ожидаетъ онъ, чтобъ я согласилась быть орудіемъ его мщенія. Али далъ Аталидѣ невольническое платье, и пересказалъ сей отвѣтъ Султану. Альманзина оставшись на единѣ съ своимъ любовникомъ, притворилася сначала, что не узнала его, и влюбленный Ахметъ повѣрилъ бы сему, естьли бы не примѣтилъ на лицѣ ея нѣкоторой принужденности, которая, казалось, обѣщавала ему счастливое окончаніе сей комедіи. Онъ

зерая на нее съ нѣжностію ожидалъ, чтобъ она прервала молчаніе. Альманзина, потупя глаза, начинала говорить, но ничего не могла окончать. Погруженная въ задумчивость, не говорила она нѣсколько времени ни слова, но наконецъ хотѣла говорить, какъ вдругъ доложили ей, что идетъ Султанъ. Оставь меня, сказала она мнимой Аталидѣ, толкнувъ ея въ ближайшую комнату, видъ твой, можетъ быть, раздражитъ Султана. Одѣнься въ новое свое платье, и прежде не ходи ко мнѣ, пока я тебя не кликну. Ахметъ пошелъ въ комнату, гдѣ жили невольницы, опредѣленныя къ услугамъ любимой Султанши. Прочія же невольницы повинуются безъ разбора всѣмъ другимъ Султаншамъ, будучи ни къ одной не привязаны. Въ сіе-то постыдное состояніе назначилъ Султанъ Визирскую дочь.

Альманзина приняла Султана съ веселымъ видомъ, и сказала ему:

Визирская дочь сноситъ свое несчастіе съ такою твердостію, что она привела меня симъ въ жалость. Она полагаетъ все свое счастіе въ томъ, чтобъ зависѣть отъ меня одной; я за ето усердіе столько ей обязана, что постараюсь облегчить ея участь, отдайте мнѣ ее, прошу васъ, я буду стараться, чтобъ она ни когда на глаза ваши не попадалась; сей новой опытъ вашего снисхожденія ко мнѣ, усугубитъ мою благодарность. Я было хотѣлъ, отвѣчалъ Султанъ, еще болѣе ее посрамить; но когда она тебѣ нравится, то располагай ея участью; для мщенія моего довольно и того, что отецъ ея почитаетъ ея несчастливою, и не имѣетъ надѣжды болѣе съ нею видѣться. По томъ началъ онъ говорить ей нѣжнѣйшія слова; Альманзина отвѣчала на оныя съ такою скромностію, что Солиманъ почувствовалъ отъ того внутреннюю радость, и началъ ласкать себя приближені-

емъ своего благополучія. Сія красавица опасалась, чтобъ Султану не вздумалось посмотрѣть Визирскую дочь, и говорить съ нею, и чтобъ онъ не узналъ хитрости молодаго Ахмета, находящагося въ Сералѣ въ платьѣ Аталиды; для избѣжанія же сего опаснаго произшествія, Султанша обратила рѣчь на другое, и забавляла его пріятными своими шутками, до самаго того времени, какъ онъ отъ нее пошелъ.

Дабы понять все смятеніе Альманзины, то должно быть женщинѣ, и чтобъ скучное обхожденіе нелюбимаго мужа препятствовало перьвому обладанію назначенному ею обожаемому любовнику, которой въ доказательство любви своей пренебрегъ всѣ опасности, и въ сію самую минуту по малѣйшему подозрѣнію подвергается погибнуть отъ руки ревниваго Государя, коего власть неограниченна. Сіе положеніе весьма рѣдко, и только тѣ, кои испытали

оное, могутъ представить всѣ тревоги, съ нимъ сопряженныя. Ахметъ прижавшись къ дверямъ той комнаты, прилѣжно слушалъ ихъ разговоръ; онъ не могъ себѣ представить, чтобъ Султанъ удовольствовался одними пустыми словами, таковая его воздержность казалась ему чудомъ.

По отшествіи Султана, Альманзина сказала своей невольницѣ, что она остается у нее въ услуженіи. Она вознамѣрилася продолжать притворяться, для того ли, чтобъ свободнѣе съ нимъ обходиться, или для избѣжанія смущенія, причиняемаго перьвымъ объясненіемъ. Дѣвушка всегда откладываетъ признаніе въ своей слабости, наипаче же когда она въ перьвый разъ возчувствуетъ власть любви. Ахметъ, восхищенный радостію, бросается къ ея ногамъ: сударыня, сказалъ онъ ей, вы меня узнали; я не смѣю ласкать себя, чтобъ мое присутствіе

было вамЪ пріятно: жизнь моя вЪ вашихЪ рукахЪ; но я не могу болѣе быть несчастливЪ, по тому, что кромѣ смерти, нѣтЪ мнѣ инаго пути выйти изЪ Сераля. Какою бы радостію наполнило меня требованіе ваше меня у Султана, естьлибЪ я былЪ увѣренЪ, что не одно хладное сожалѣніе, но другая еще причина побуждала васЪ кЪ облегченію моей участи.

Я надмѣру искренна, АхметЪ, отвѣчала ему Альманзина, чтобЪ сказать тебѣ, что я почла тебя за твою сестру, хотя ты и великое имѣешЪ сЪ нею сходство. Я думала прежде, что назначена для тебя, и что вЪ семЪ намѣреніи Визирь меня покупалЪ, не сомнѣваясь, чтобЪ онЪ не былЪ доволенЪ тѣми женами, коихЪ онЪ у себя имѣетЪ.

ВЪ сихЪ мысляхЪ я разсматривала тебя со вниманіемЪ; ты можетЪ быть то и самЪ примѣтилЪ. Удивленія моего и горести не могу

я тебѣ описать, когда услышала я, что онъ оставляетъ меня себѣ, и когда повелъ онъ меня, не сказавъ тебѣ ни слова; на завтра горесть моя еще болѣе умножилась, какъ услышала я отъ него, что онъ назначаетъ меня Султану: я столь мало уважаю сію честь, что находила утѣшеніе въ той одной надеждѣ, что можетъ быть не понравлюсь Султану, которой обѣщалъ отпослать меня назадъ, въ такомъ случаѣ, естьли онъ не тронется моими слабыми прелестями. Но случилось со всѣмъ тому противное: Султанъ увидя меня, рѣшился у себя оставить меня; и хотя я по сіе время имѣю причину ласкаться, что онъ ко мнѣ болѣе имѣть будетъ почтенія, нежели обыкновенно Султаны оказываютъ оного къ своимъ невольницамъ; но легко можно предвидѣть, что сіе не можетъ продолжиться. Я приняла было намѣреніе, о которомъ я тебѣ въ надлежащее время открою; но

твое сюда прибытіе, волненіе, причиняемое мнѣ онымъ, и страсть, которую ты мнѣ изъявляешь, совершенно разрушаютъ мои предпріятія.

Вы говорите мнѣ, сударыня, о моихъ только чувствіяхъ, сказалъ ей Ахметъ; я былъ столько щастливъ, что нашелъ случай доказать вамъ оныя, не нанеся вамъ тѣмъ никакого оскорбленія и досады; но вы мнѣ не скажете, пріятны ли они вамъ? Отъ сего-то, однако же, зависитъ жизнь или смерть моя.

Опасность, которой ты подвергаешся, отвѣчала Альманзина, и которую ты пренебрегъ столь мужественно, то, что ты уже могъ угадать изъ моего къ тебѣ расположенія, и случившееся уже съ нами увѣряютъ меня, что ты довольно о томъ извѣстенъ.

Хотя бы я имѣлъ какую нибудь причину ласкать себя, отвѣчалъ Ахметъ; то осмѣлюсь ли я учинить то безъ вашего соизволѣнія, сударыня?

Развѣ не вѣдаете вы, что мы сомнѣваемся всегда въ своемъ благополучіи, хотя и надѣемся онаго? То, что я сдѣлалъ, есть болѣе дѣйствіе моего отчаянія, нежели мужество; невозможность, жить безъ васъ, заставила меня подвергнуться опасности, оказать вамъ столь убѣдительный опытъ моей любви, чтобъ вы не могли болѣе сомнѣваться въ моихъ чувствіяхъ: а безъ сего бы вы, можетъ быть, никогда о нихъ не узнали. Я желалъ при томъ, принудить васъ къ сожалѣнію о моей участи: ибо не льзя болѣе скрывать мнѣ, кто я такой.

Сіи два любовника проводили большую часть ночи въ разговариваніи о всемъ до любви ихъ касающемся. Ахметъ разсказалъ ей подробно все учиненное имъ для вшествія въ Сераль; она увѣдомила его какимъ способомъ обуздала она страсть Султанскую. Отъ живѣйшихъ выраженій своей страсти, пре-

ходили они къ печальнѣйшимъ размышленіямъ. Нѣжный Ахметъ не могъ защитить сердца своего отъ нѣкотораго смятенія: Султанъ былъ молодъ, пригожь; знаки любви, оказанные имъ Альманзинѣ воздержностію его и почтеніемъ, были вящшимъ доказательствомъ любви отъ столь могущаго Государя, нежели все то, что онъ учинилъ. Сверьхъ того надлежала, чтобъ сіе почтеніе кончилось наконецъ или трагически, или иначе, но еще для него бѣдственнѣе.

Альманзина, съ своей стороны, въ безмѣрномъ находилася волненіи; она весьма дорого платила за удовольствіе видѣть Ахмета, претерпѣвая страхъ, внушаемый ей присутствіемъ его.

Нѣсколько дней протекло такимъ образомъ; влюбленный Султанъ старался всячески угождать желаніямъ Альманзины, а она весь свой умъ употребляла на умягченіе

грубыхъ Серальскихъ обычаевъ. Въ одинъ день сей Государь вздумалъ повеселить ея рыбною ловлею, которую нарочно для нея велѣлъ онъ сдѣлать. Море омываетъ стѣны садовъ Серальскихъ, на сей стѣнѣ построена великолѣпная бесѣдка, которую Султаны построили, дабы въ ней наслаждаться пріятностями свѣжаго воздуха, и зрѣлищемъ моря; ибо Турки никакой склонности не имѣютъ къ прогуливанію, но только выходятъ на воздухъ, сидѣть на мягкихъ подушкахъ, или на весьма низкихъ софахъ.

Солиманъ повелъ Альманзину въ сію бесѣдку; онъ показывалъ ей море, покрытое рыбачьими лодками, изъ коихъ многія были прицѣплены за желѣзныя кольцы, утвержденныя въ стѣну, на коей воздвигнута была бесѣдка.

При перьвомъ знакѣ всѣ лодки отвязались, и пошли въ море за рыбною ловлею. Зрѣлище сіе было

весьма великолѣпно, какъ по красотѣ лодокъ и одѣянія рыбаковъ, такъ и по великому числу пойманной рыбы. Альманзина казалася быть довольною симъ увеселеніемъ: весьма похваляла прекрасное положеніе сего мѣста, и просила у Султана позволѣнія на завтрѣе побывать въ сей бесѣдкѣ; она просила его даже, чтобъ онъ благоволилъ дать ей отъ оной ключь, по тому, что видъ моря причиняетъ ей великое удовольствіе. Солиманъ на сіе согласился, и просилъ только ея не водить туда съ собою ни одной изъ Султаншъ, желая, чтобъ она одна имѣла право приходить туда для отдохновенія. Она безъ труда въ семъ ему обѣщалася: ибо не въ томъ состояло ея намѣреніе.

Альманзина возвратясь въ свою комнату, позвала своего любезнаго Ахмета, и сказала ему: я видѣла теперь рыбную ловлю, которая тѣмъ пріятнѣе мнѣ показалася, что подала

мнѣ мысль выпти съ тобою отсюда. Она сказала ему, что примѣтила нѣсколько лодокъ, кои подплывали къ самой стѣнѣ и подъ самыя окошки бесѣдки, что выпросила отъ оной ключь у Солимана, и что въ слѣдующую же ночь пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣть прилѣжнѣе то мѣсто. Ахметъ не отвѣчалъ ничего на сіи слова: онъ почиталъ невозможнымъ выпти изъ Сераля; но не хотѣлъ противорѣчить Султаншѣ, и внутренно принялъ твердое намѣреніе умереть, когда нужда того потребуетъ; единственно безпокоился онъ объ ней: ибо безполезно было стараться истребить изъ головы ея сіи мысли, по тому, что надежда есть всегда великое удовольствіе, хотя бы она была и неосновательна.

Альманзина, однако же, была столько симъ занята, что завязала въ узелъ всѣ драгоцѣнные каменья, подаренные ей Султаномъ, и заперла ихъ въ небольшой ящичекъ, оставя

только одинъ великой цѣны брилїантъ, которой она завернула въ письмо. Ахметъ съ удивленіемъ на нее смотрѣлъ; веселость же, чувствуемая ею отъ сихъ приготовленій къ побѣгу, которой онъ почиталъ невозможнымъ, и которой могъ только, по мнѣнію его, ускорить ихъ погибелью, все сіе повергло его въ печальныя размышленія. Султанша примѣтя оное, сдѣлала ему за то нѣжный выговоръ.

Какъ скоро наступила ночь, то наши любовники пошли вмѣстѣ въ бесѣдку. Альманзина, занятая своимъ предметомъ, наблюдала глубокое молчаніе, облокотясь на балконъ, которой былъ къ морю. Шумъ, причиненный ими при вшествіи въ бесѣдку, былъ услышанъ однимъ рыбакомъ, которой находился въ своей лодкѣ подъ бесѣдкою, и сказалъ своему сыну: поплывемъ поскорѣе, Султанъ видно скоро сюда приметъ, по тому, что двери въ бесѣдкѣ от-

перли: поелику онъ никогда объету пору сюда не приходитъ; то видно имѣетъ какое нибудь важное дѣло, и прогнѣвается, естьли увидитъ насъ здѣсь; а неводъ мы можемъ починить на разсвѣтѣ.

Султанша разсудила, что поелику она ихъ слышала, то и они могли ея слышать; окончайте свою работу, сказала она имъ, и примите только свертокъ, которой я вамъ бросила, ето только задатокъ моей щедрости. Естьли же вы будете столько имѣть мужества, что исполните мое предложеніе, то я сдѣлаю ваше счастіе.

Рыбакъ поднялъ свертокъ, въ которомъ находилось письмо и брилліантъ, и прочиталъ безъ труда при Лунномъ свѣтѣ то, что Альманзина къ нему писала, потомъ подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ такъ: естьли вы желаете, сударыня, завтра сюда притти объету пору, то я припасу веревокъ и шестовъ, ко-

торыя бы могли къ вамъ достать; а прочее великій нашъ пророкъ исполнитъ.

Альманзина, обрадованная симъ отвѣтомъ, возвратилася съ Ахметомъ во Дворецъ, и вошедъ въ свою комнату, сказала: и такъ любезный Ахметъ, завтра освободимся мы изъ неволи. Онъ отвѣчалъ ей съ такою же холодностію: я того болѣе желаю, нежели надѣюсь; но естьли бы мы и были столько счастливы, чтобъ могли вытти изъ Сераля симъ способомъ, то мы въ вящшее несчастіе низвергнемся: ибо Султанъ пошлетъ за нами погоню, и мы вѣрно отъ него не избѣгнемъ.

Что до того за дѣло, отвѣчала она, мы не имѣемъ ни времени ни случаю принять лучшихъ мѣръ; но можетъ быть небо будетъ къ намъ благосклоннѣе, нежели ты думаешь. Они проводили остатокъ ночи въ приготовленіяхъ всего нужнаго къ побѣгу; все сіе было сопро-

вождаемо множествомъ нѣжныхъ увѣреній и всею твердостію духа, которую подаетъ намъ необходимость побѣдить или умереть.

Султанъ на завтра пришелъ взять Альманзину опять смотрѣть рыбную ловлю; сія была иначе расположена, и не уступала перьвой въ великолѣпіи. Послѣ сего увеселенія, Солиманъ пошелъ въ свои покои, чувствуя болѣе любви, нежели прежде; онъ разговаривалъ долѣе о любви своей, Альманзина съ пріятностію его слушала, и даже показала необыкновенную веселость и дала ему разумѣть, что стараніе его, доставлять ей удовольствія, ей пріятно, и что она довольна его къ ней чувствіями.

Наконецъ ночь наступила, Султанша вышла съ Ахметомъ въ бесѣдку; но ранѣе ли она вчерашняго туда пришла, или отъ того, что рыбакъ еще находился въ нерѣшимости, не нашла она въ назначен-

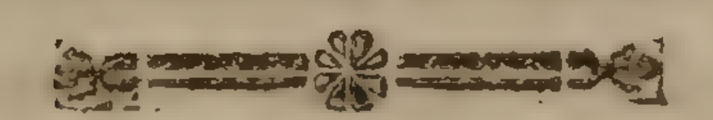
номъ мѣстѣ лодки. Судите о ихъ смятеніи!

Ахметъ почелъ бы себя весьма счастливымъ, естьли бы могъ заплатить за сіе жизнію своею; но страхъ чтобъ рыбакъ не измѣнилъ Альманзинѣ, и чтобъ любовь къ ней Султанская не превратилася въ бѣшенство, столь сильно стеснялъ его сердце, что онъ не могъ промолвить ни слова.

Онъ находился въ семъ состояніи, какъ Альманзина, болѣе его надеждѣ предающаяся, сказала, что видитъ нѣчто въ дали, и что это безъ сомнѣнія ихъ рыбакъ. Ахметъ даже и не смотрѣлъ на море: столько то почиталъ онъ погибель свою неизбѣжною! Однакожъ подошелъ къ окну, и такъ же, какъ и она, заключилъ, что то приплывала лодка; и дѣйствительно то былъ рыбакъ, которой приплывалъ, дабы сдержать данное слово. Онъ причалилъ лодку къ бесѣдкѣ, и бросилъ къ нимъ на

верьхъ веревку, такъ какъ накануне сказалъ. Альманзина спустилася первая съ ящикомъ, которой взяла она съ собою, а за нею сошелъ и Ахметъ. Удалясь несколько отъ Сераля, скинули они свое платье, и надели другое, которое рыбакъ имъ привезъ, а свое бросили въ море, опасаяся, чтобъ рыбакъ не покусился что либо продать изъ платья Альманзины, которое было весьма богато, и темъ бы не открылъ ихъ сыщикамъ, которые, они думали, что безъ сомненія за ними пошлются.

Окончаніе будетъ въ следующей части.

РАЗНЫЕ АНЕКДОТЫ,
ОСТРЫЯ СЛОВА И ШУТКИ.

Одинъ Гасконецъ, человѣкъ дородной и здоровой, просилъ Министра опредѣлить его къ мѣсту, представляя ему, что онъ съ великимъ трудомъ находитъ себѣ нужное пропитаніе. Какъ, сказалъ Министръ, не стыдно ли вамъ такъ говорить, имѣя столь полное и румяное лицо? Ехъ, Милостивый Государь, сказалъ Гасконецъ, не попрекайте меня моею дородностію, она заемная: ибо я за шесть мѣсяцовъ долженъ трактирщику.

Одинъ ученой Генеалогистъ (родословъ) говорилъ Регенту Франціи, думая тѣмъ ему угодить: одни только вы, Милостивѣйшій Государь, знаете совершенно родословія знатнѣйшихъ Европейскихъ домовъ. Слѣдовательно, отвѣчалъ Принцъ,

никто уже теперь ихъ не знаетъ, по тому, что я ихъ забылъ.

Нѣкоторая Госпожа сдѣлала однажды сей вопросъ Ж. Ж. Руссу: что содержатъ въ себѣ ваши столь славныя записки? — Я въ нихъ, сударыня, сказалъ о себѣ все то худое, которое никто обо мнѣ не знаетъ, и все доброе, что знаю о другихъ. — И такъ по етому, отвѣчала Госпожа, книга ета будетъ очень коротка.

Публика слышала съ давняго времени похвалу Кребильоновой трагедіи Катилинѣ, но не видала еще ее, хотя безпрестанно обѣщавали ей оную; наконецъ нѣкто въ собраніи весьма къ статѣ вскричалъ съ Цицерономъ: *доколѣ будешь Катилина употреблять во зло терпѣніе наше?*

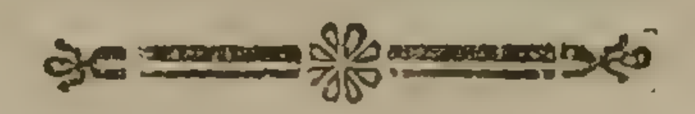
Господинъ Волтеръ говорилъ съ восхищеніемъ о твореніяхъ славнаго

Галлера, Одинъ льстецъ, будучи при томъ, сказалъ: ахъ! Государь мой: Галлеръ совсемъ не такъ разсуждаетъ о вашихъ сочиненіяхъ, и онъ худо вамъ платитъ за ваше великодушіе. Можетъ быть, отвѣчалъ Волтеръ, мы оба обманываемся.

Аббатъ де Л.... жилъ на квартирѣ у кузнеца. Нѣкто желая знать гдѣ онъ живетъ, спросилъ о томъ у Пирона. Въ такой-то улицѣ, отвѣчалъ Пиронъ, у своего сапожника.

Одинъ молодой человѣкъ читалъ Пирону трагедію своего сочиненія, въ которой было множество чужихъ стиховъ. Прослушавъ нѣсколько Пиронъ, снялъ колпакъ, и повторялъ сіе всякую минуту. Сочинитель трагедіи удивясь сему, спросилъ о причинѣ. Причина етому та, отвѣчалъ Пиронъ, что я привыкъ кланяться моимъ знакомымъ.

Пиронъ находясь однажды за столомъ съ двумя весьма недалекаго ума дородными откупщиками, услышалъ, что они спорятъ между собою, какъ правильнѣе сказать, подай намъ пить, или принеси намъ пить; и какъ они выбрали его судьею своего спора, то онъ имъ сказалъ: такимъ особамъ, какъ вы, приличнѣе сказать, поведите насъ на водопой.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛЮБОПЫТНЫХЪ ФИЗИЧЕСКИХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НРАВЫ ЖИВОТНЫХЪ.

О ЗЕМЛЯНЫХЪ РАКАХЪ.

Пища, производимая природою изобильно въ Антильскихъ островахъ, и служащая великимъ лакомствомъ, какъ для природныхъ жителей и Негровъ, такъ и для Европейцовъ,

суть земляные раки, коихЪ раздѣляютЪ на два рода: большіе, мало отличающіеся отЪ морскихЪ, и малые, называемые вообще *Турлуру*. Сей второй родЪ столь малЪ дѣйствительно, что самые большіе *Турлуру* не имѣютЪ болѣе двухЪ дюймовЪ сЪ половиною, или трехЪ длины. Кожа или черепЪ ихЪ хотя тонокЪ, но довольно крѣпокЪ и краснаго цвѣта, средина спины темнокрасная, сей цвѣтЪ идетЪ кЪ животу отЪ часу бледнѣе, и становится бледнорозовымЪ. Глаза ихЪ черны и тверды, какЪ рогЪ; они ихЪ выпускаютЪ и спрятываютЪ, какЪ настоящіе раки. *Турлуру* имѣютЪ по четыре ноги на каждой сторонѣ, каждая нога состоитЪ изЪ четырехЪ коленЪ, изЪ коихЪ послѣдняя плоска и кончится остріемЪ: на сихЪ то осьми ногахЪ они ходятЪ, и роютЪ землю. СверьхЪ того имѣютЪ еще двѣ клещня, кои гораздо толще ногЪ, и которыми они весьма

сильно сжимаютъ, и вырѣзываютъ коренья и листья, коими сіи насѣкомыя питаются; лѣвая клещня у нихъ всегда меньше правой. Естьли возмешъ ихъ за ногу, или за клещню; то они оторвавъ сію часть, оставляютъ въ рукѣ, и сами убѣгаютъ.

Сіе достовѣрно, что земляные раки, и *Турлуру*, подобно змѣямъ, ящерицамъ и инымъ пресмыкающимся, спускаютъ съ себя ежегодно кожу, сошедъ съ земли въ море, гдѣ полощутся они. Земляные раки и *Турлуру* такъ же въ морѣ кладутъ свои яица. Сіе зрѣлище весьма любопытно: они ползутъ въ море въ Апрѣлѣ или въ Маіѣ, когда перьвые дожди начнутся, тогда выходятъ они изъ дупловъ, изъ гнилыхъ ветвей, изъ подъ камней и изъ безчисленнаго множества норъ, кои сами они выкапываютъ въ землѣ. Вскорѣ цѣлыя поля ими покрываются, такъ, что не льзя ступить шага не на-

ступивъ на оныхъ. Большая оныхъ часть располагается въ доль по берегу рѣкъ или болотъ, дабы можно было удалиться имъ въ сырое мѣсто прежде, нежели въ дождѣ имъ сдѣлается недостатокъ, и дабы укрыться отъ жаровъ. Сіе шествіе производится съ такимъ порядкомъ, что кажется предводительствуетъ или искусный полководецъ. Они обыкновенно раздѣляются на три части, первая состоитъ изъ самцовъ, кои больше и сильнѣе самокъ, и служатъ передовымъ войскомъ сей арміи; часто останавливаются, когда дождь перестанетъ итти, по чему и принуждены бываютъ дожидаться, пока опять дождь пойдетъ. Между тѣмъ середняя армія, составленная почти вся изъ самокъ, дожидается въ горахъ большихъ дождей, и тогда пускается въ походъ, и маршируетъ, занимая иногда полторы мили въ длину, и шаговъ на сорокъ или пятдесятъ въ ширину,

кои ихъ ловятъ, и заставляютъ нелѣпымъ голосомъ кричать. Такъ же часто стучатъ ихъ одну о҄ъ другую, какъ будто угрожая, и поднимаютъ столь великой шумъ и громъ своими черепьями, что кажется будто идетъ цѣлый конный полкъ. Естьли дождь, во время шествія ихъ къ морю, совершенно перестанетъ; то они всѣ остановясь, избираютъ каждый себѣ квартеру гдѣ можетъ, одни подъ кореньями, а другіе въ дуплахъ; тѣ же, которымъ не удалось найти ни какова жилища, трудятся сами надъ сдѣланіемъ онаго: и такъ раскачываютъ землю, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходила самая многочисленная ихъ толпа, бываютъ ямы по колѣно глубиною. Однако же жители, желающіе только того, чтобъ они на дорогѣ остановились, лакомятся на ихъ щотъ. Едва находится одна яма ими выкопанная, или нора, въ которой бы не убивали въ день по сту раковъ;

ибо тогда ихъ самихъ не ѣдятъ, а бросаютъ, довольствуясь одною ихъ икрою, которая мѣльче маковыхъ зеренъ, и находится у нихъ съ каждой стороны брюха на дюймъ. Сія икра весьма вкусна и питательна. Бываютъ такіе годы, въ которые, за неимѣніемъ дождя, они мѣсяца три продолжаютъ свое шествіе; но семи или осьми дождевыхъ дней довольно имъ для метанія своей икры, и спущенія кожи.

О СЕЛЬДЯХЪ.

Сельди плаваютъ большими стадами, и любятъ учащать берега морскіе. Ихъ находятъ иногда столь великое количество, что препятствуютъ кораблямъ плыть. Большая самая полоса сельдей выходитъ изъ Сѣвера въ началѣ года. Правое ея крыло отдѣляется къ Западу, и около Марта мѣсяца приплываетъ къ берегамъ Исландіи; лѣвое же крыло

простирается къ Востоку. По учинении множества раздѣленій, и удовлетворивъ нуждамъ приморскихъ жителей, всѣ сіи стада знаютъ въ какомъ мѣстѣ имъ соединяться, дабы составить двѣ отмѣнной широты колонны, и возвратиться въ свое отечество. Одна приходитъ туда съ Востока, а другая съ Запада.

Время, въ которое сельди отъ насъ отплываютъ, такъ же назначено. Они оставляютъ берега наши въ Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ; *маршъ-рутъ* назначенъ и они идутъ въ походъ въ удивительномъ порядкѣ. Всѣ сіи рыбы отправляются вмѣстѣ, ни одной не позволено отдалиться. Они продолжаютъ свое шествіе отъ берега до берега, до назначеннаго мѣста. Сельди весьма многочисленны, и путешествіе ихъ продолжительно; но какъ скоро пройдутъ, то до будущаго года не видно ни одного.

Удивленія достойно въ шествіи сихъ животныхъ, вниманіе, съ какобымъ они примѣчаютъ движенія своихъ путеводителей. Когда сельди выходятъ изъ Сѣвера, то колонна ихъ плыветъ длиннѣе; но вошедъ въ пространное море, разширяются они такъ, что занимаютъ болѣе мѣста, нежели вся Великобританія съ Ирландіею. Естьли же должно имъ проходить чрезъ узкой проходъ, то колонна немедленно вытягивается, не препятствуя нимало скорости шествія. Здѣсь-то въ особливости сигналы и движенія представляютъ достойное удивленія зрѣлище. Ни одна армія, сколь бы она хорошо обучена нибыла, не можетъ съ такою расторопностію и точностію исполнять оныхъ.

РАЗНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

I.

Повѣсить кольцо на сожженной иткѣ.

Распусти въ небольшемъ количествѣ воды поваренной соли, и положи въ сію воду на сутки средней толщины нитку; потомъ высуши ее и храни. Когда же пожелаешь учинить сей опытъ; то взявъ сію нитку, продень ее въ кольцо, которое было бы весьма легко: держи такимъ образомъ кольцо, повѣшенное на ниткѣ, которая тогда должна быть сложена въ двое, и зажги ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ виситъ кольцо, сія нитка згоритъ, и останется одинъ только ея пепѣлъ, на которомъ кольцо будетъ висѣть, и никакъ не оторвется, естьли не будешь его трясти; но какъ скоро коснешся до нитки, то она превратится въ прахъ, и кольцо упадетъ.

2.

Сдѣлать, чтобъ человѣкъ не могъ переставить стакана, наполненнаго водою, съ мѣста на мѣсто, не проливъ всей воды.

Побѣйся съ кѣмъ нибудь объ закладъ, что наполнивъ стаканъ водою, и поставя его на столъ, не переставитъ онъ его на другое мѣсто, не проливъ всей воды изъ онаго. Тогда наполни стаканъ водою, и наложи на него сверьху лоскутокъ бумаги, которая бы покрывала воду и края стакана, положи руку на сію бумагу, а другой рукой взявъ стаканъ, опрокинь его поскорѣе какъ можно, и поставь легонько на столъ, избравъ для сего ровнѣе мѣсто, потомъ вытащи изъ подъ стакана потихоньку бумагу; вода, содержащаяся въ стаканѣ, не вытечетъ изъ онаго, по той причинѣ, что воздухъ не можетъ туда проникнуть. И такъ тотъ, съ кѣмъ вы бились объ закладъ, не въ состо-

яніи будетъ снять стакана съ мѣста безъ того, чтобъ не попалъ въ него воздухъ, и чтобъ вся вода не вылилась.

3.

Сдѣлать, чтобъ по бумагѣ выступили какія нибудь слова, когда посыплешь на нея извѣстнаго порошку.

Можно написать на бѣлой бумагѣ какія хочешь слова, употребляя вмѣсто чернилъ безъ цвѣтные и клѣйкіе соки изъ плодовъ и растѣній, или пивомъ, уриною, молокомъ и всякими иными безцвѣтными жирными жидкостями; когда сіи слова высохнутъ, то посыпь на бумагу какого нибудь цвѣтнаго порошку, и потряхивая оной, чтобъ по всей бумагѣ разсѣялся, потомъ ссыпь порошокъ долой, и увидишь, что написанныя слова окрасились онымъ, а прочая часть бумаги останется бѣлою, по тому, что клѣй пристанетъ только къ словамъ написаннымъ жирнымъ и клѣйкимъ веществомъ.

4.

Какъ сдѣлать золотыя Симпатическія чернилы.

Распусти въ Царской водкѣ столько золота, сколько можно, смотря по количеству водки; и поелику сія распущенная жидкость будетъ весьма ѣдка, то подбавь къ ней въ двое или въ трое простой воды.

Сею жидкостію можно писать на бумагѣ такія слова, которыя высохнувъ изчезнутъ, естьли положишь бумагу въ такое мѣсто, куда воздухъ мало проходитъ, какъ то, въ ящикъ и тому подобное; и сіи самыя слова чрезъ часъ или два опять покажутся, естьли положишь бумагу на Солнце.

Естьли распустишь особливо чистаго олова въ Царской водкѣ, и когда сія ѣдкая жидкость напитается довольно симъ металлическимъ веществомъ; то прибавя къ тому столько же воды, получишъ жид-

кость, посредствомЪ которой можно придать довольно густой фіолетовый цвѣтЪ письменамЪ, начертаннымЪ вышепомянутыми золотыми Симпатическими чернилами; надлежитЪ только обмакнуть вЪ нихЪ кисточку, или мягкую небольшую губку, и оною дернуть легонько по бумагѣ.

Сіи же самыя оловянныя чернилы можно употребить на начертаніе на бумагѣ письменЪ, кои такЪ же покажутся, какЪ и золотыми чернилами написанныя, естьли ихЪ положишЪ на Солнце, или подержишЪ предЪ огнемЪ.

Увеселеніе,

посредствомъ сихъ чернилъ дѣлаемое.

Нарѣжь изЪ бумаги небольшихЪ четвероугольниковЪ, на каждомЪ изЪ коихЪ напиши вЪ верьху обыкновенными чернилами какой нибудь вопросЪ гадательной, а вЪ низу Симпатическими золотыми или оловянными чернилами напиши сообразныя отвѣты.

Положи всѣ сіи бумажки въ записную книжку, или въ какую нибудь книгу, до тѣхъ поръ, пока онѣ тебѣ понадобятся, тогда поднеся ихъ къ кому нибудь, скажи ему, чтобъ онъ выбралъ какой хочетъ вопросъ. Потомъ давъ ему посмотрѣть, что на бумагѣ ничего, кромѣ помянутаго вопроса, нѣтъ, прикажи взятую имъ бумажку спрятать въ карманъ, и взять съ собою домой, положить на печь, или въ другое какое мѣсто, только чтобъ она не была заперта, дабы, примолвь, ночью я пришелъ невидимкою, и написалъ отвѣтъ подъ симъ вопросомъ; сей отвѣтъ и дѣйствительно на другой же день появится, естьли бумажка лежала въ сухомъ мѣстѣ.

Примѣчаніе.

Поелику сіи чернилы оставляютъ по себѣ нѣсколько желтоватые слѣды; то не должно употреблять на сіе увеселеніе весьма бѣлую бумагу, но выбирать ту, которая по желтѣе, какъ на примѣръ обыкновенная простая бумага.

5.

Какъ дѣлать бѣгающія по землѣ ракеты.

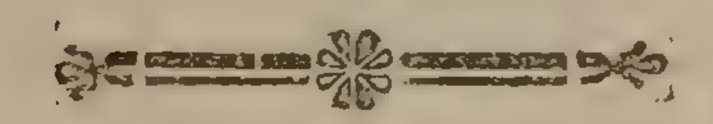
Бѣгающія по землѣ ракеты не имѣютъ нужды въ столь сильномъ составѣ, какъ бросаемыя въ верьхъ; сіе-то и есть причиною, что онѣ долѣе горятъ, и не столь сильное и скорое имѣютъ движеніе. И такъ въ составѣ оныхъ надлежитъ сдѣлать нѣкоторую перемѣну, равно, какъ и въ формѣ ихъ; такимъ образомъ, что естьли калиберъ въ полдюйма, то длина должна быть въ пять дюймовъ, палка, на которую навиваютъ бумажную трубку, должна имѣть четыре линѣи въ діаметрѣ, а палочка, служащая для набиванія, чтобъ была по тонѣ, дабы могла входить и выходить въ трубкахъ свободно.

Что касается до состава, то его можно сдѣлать изъ простаго пушечнаго пороху, истолченнаго и про-

стяннаго такъ, чтобъ онъ былъ мѣлокъ, какъ мука. Наполняй имъ по немногу трубку, какъ то прежде сказано; когда же оная на одинъ только дюймъ не наполнится до края формы; то отдѣли третью часть отъ склѣенной бумаги, и заворотя ее внутрь трубки, прибѣй плотнѣе къ составу, стуча по палкѣ молоткомъ. Потомъ сдѣлавъ въ срединѣ небольшую скважину до состава, такъ, какъ о перьвыхъ ракетахъ сказано, положи съ верьху пистолетной зарядъ полированнаго пороха. Потомъ отдѣливъ еще листокъ отъ бумаги, завороти его въ нутрь, и перевяжи трубку въ семъ мѣстѣ крѣпкою ниткою, или снурком.

КОНЕЦЪ

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

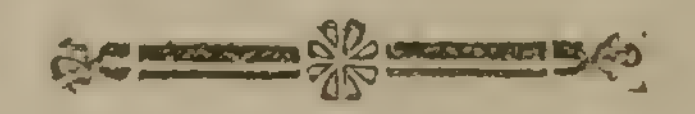

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Статья Ученая.

Статья Економическая.

Статья Нравоучительная.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	Стро.	Напечатано.	Читай.
18	11	кружка	кольца
20	7	Дека	Доска
24	11	затмѣніемъ	затмѣніямъ
31	15	невѣроятными	невѣрными
46	13	олимпіядами	Олимпіядами
58	7	Не должно ли	Но должно ли
64	16	ослабнетъ	ослабѣетъ
85	19	жидкость	живопись
86	15	живописи	живости
96	22	гимились	гумились
99	2	высушенный	вышеписанный
113	3	перцамъ	перцомъ
127	12	и имѣю	я имѣю
131	19	что владѣть	что дурно владѣть
137	24	съ подкнувшись	сподкнувшись
138	3	съ мѣчами	съ мячами
148	6	предай	придай
171	8	Майнскимъ	Майенскимъ
187	25	удивись	удавись
195	25	говорилъ	говоритъ
2.4	16	натаскать	натискать
256	17	обладанію	свиданію
261	6	мужество	мужества
278	10	или	ими

